

ПОЛИТИЯ

Анализ

·

Хроника

·

Прогноз

ПОΛΙΤΕΙΑ

№ 1 (108)

Москва
2023

ПОЛИТИЯ

Журнал
политической философии
и социологии политики
Основан А.М.Салминым в 1996 г.

Учредители:
АНО «Общественно-
политический журнал.
Журнал политической
философии и социологии
политики «Полития.
Анализ. Хроника. Прогноз»;
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Главный редактор
Святослав Каспэ

Заместитель главного редактора:
Лидия Галкина

Ответственный редактор номера
Лидия Галкина

Над номером работали:
Даниил Клестов,
Светлана Микоян,
Андрей Петроковский,
Дина Розенберг

Адрес редакции:
109028, Москва, ул. Солянка,
д. 3, стр. 1, офис 14
Телефон: (499) 713-02-64
Электронная почта: politeia@politeia.ru

Опубликованные в журнале материалы
распространяются свободно
при условии ссылки на первоисточник

© АНО «Общественно-политический журнал. Журнал
политической философии и социологии политики
«Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», 2023

POLITEIA

Journal
of Political Philosophy
and Sociology of Politics
Founded by Alexei Salmin in 1996

Institutional founders:
Autonomous
non-profit organization
The Journal of Political Philosophy
and Sociology of Politics "Politeia.
Analysis. Chronicle. Forecast";
Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences

Editor-in-Chief
Svyatoslav Kaspé

Deputy Editor-in-Chief:
Lidia Galkina

Executive Editor
Lidia Galkina

This issue was prepared by:
Daniel Klestov,
Svetlana Mikoyan,
Andrei Petrokovsky,
Dina Rosenberg

Contact Information
Tel.: +7 499 7130264
Email: politeia@politeia.ru
Address: 3 Solyanka St., building 1,
office 14, Moscow, 109028, Russia

The writings published in the Journal
can be reproduced elsewhere
so long as the original source is cited

© Autonomous non-profit organization The Journal
of Political Philosophy and Sociology of Politics
"Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast"

ПОЛИТИЯ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Совета
Сергей Хенкин (Москва, Россия)

Заместители председателя Совета
Александр Муzyкaнтский (Москва, Россия)
Алексей Кузнецов (Москва, Россия)

Члены Совета:

Татьяна Алексеева (Москва, Россия)
Фуад Алескеров (Москва, Россия)
Лидия Галкина (Москва, Россия)
Ирина Глебова (Москва, Россия)
Скотт Гельбах (Мэдисон, США)
Джон Данн (Кембридж, Великобритания)
Андрей Дегтярев (Москва, Россия)
Дмитрий Ефременко (Москва, Россия)
Андрей Зубов (Москва, Россия)
Михаил Ильин (Москва, Россия)
Сергей Караганов (Москва, Россия)
Святослав Каспэ (Москва, Россия)
Владимир Колосов (Москва, Россия)
Тимоти Дж. Колтон (Гарвард, США)
Юрий Коргунюк (Москва, Россия)
Александр Кузнецов (Париж, Франция)
Борис Макаренко (Москва, Россия)
Андрей Мельвиль (Москва, Россия)
Деннис К. Мюллер (Вена, Австрия)
Вячеслав Никонов (Москва, Россия)
Ханну Нурми (Турку, Финляндия)
Юрий Пивоваров (Москва, Россия)
Уильям М. Райзингер (Айова Сити, США)
Дина Розенберг (Москва, Россия)
Николай Розов (Новосибирск, Россия)
Георгий Сатаров (Москва, Россия)
Александр Сунгуров
(Санкт-Петербург, Россия)
Леон Габриэль Тайванс (Рига, Латвия)
Андрей Тесля (Калининград, Россия)
Дэниэл Трейсман (Лос Анджелес, США)
Марк Урнов (Москва, Россия)
Михаил Филиппов (Бинхэмтон, США)
Леонид Фишман (Екатеринбург, Россия)

POLITEIA

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board
Sergei Khenkin (Moscow, Russia)

Vice-Chairmen
Alexander Muzykantskiy (Moscow, Russia)
Alexey Kuznetsov (Moscow, Russia)

Members of the Editorial Board:

Tatiana Alekseeva (Moscow, Russia)
Fuad Aleskerov (Moscow, Russia)
Timothy J. Colton (Harvard, USA)
Andrey Degtyarev (Moscow, Russia)
John Dunn (Cambridge, UK)
Dmitry Efremenko (Moscow, Russia)
Mikhail Filippov (Binghamton, USA)
Leonid Fishman (Ekaterinburg, Russia)
Lidia Galkina (Moscow, Russia)
Scott Gehlbach (Madison, USA)
Irina Glebova (Moscow, Russia)
Mikhail Ilyin (Moscow, Russia)
Sergey Karaganov (Moscow, Russia)
Svyatoslav Kaspe (Moscow, Russia)
Vladimir Kolosov (Moscow, Russia)
Yury Korgunyuk (Moscow, Russia)
Alexander Kuznetsov (Paris, France)
Boris Makarenko (Moscow, Russia)
Andrey Melville (Moscow, Russia)
Dennis C. Mueller (Vienna, Austria)
Vyacheslav Nikonov (Moscow, Russia)
Hannu Nurmi (Turku, Finland)
Yuri Pivovarov (Moscow, Russia)
William M. Reisinger (Iowa City, USA)
Dina Rosenberg (Moscow, Russia)
Nikolai Rozov (Novosibirsk, Russia)
Georgy Satarov (Moscow, Russia)
Alexander Sungurov
(St. Petersburg, Russia)
Leons G. Taivans (Riga, Latvia)
Andrei Teslya (Kaliningrad, Russia)
Daniel Treisman (Los Angeles, USA)
Mark Urnov (Moscow, Russia)
Andrey Zubov (Moscow, Russia)

Содержание

	Материалы номера	5
Политические теории	Н.А.Шавеко Агонистический плюрализм и состязательная модель демократии: проблемы нормативного обоснования	6
	В.С.Левицкий Онтологическая природа политики	25
	Е.И.Учаев, М.В.Харкевич Немыслимость тотальной катастрофы: постапокалиптическая природа современного политического реализма	40
Парадигмы общественного развития	В.В.Устюжанин, В.А.Михеева, И.А.Сумерников, А.В.Коротяев Экономические истоки революции: связь между ВВП и риском революционных выступлений	64
	Российская полития	
	Ю.Г.Коргунюк Тематика советского прошлого в избирательных кампаниях постсоветской России	88
	Н.С.Зубарев Национальная гордость как медиатор доверия президенту (Случай России)	126
Религия и политика	Ю.В.Карпич Православие и консерватизм: политические установки религиозных россиян	141
Зарубежные политики	А.И.Жданов, К.В.Косолапов Поляризация американских элит (На основе анализа программных заявлений кандидатов во время президентских выборов 2020 г.)	161
Политические партии	Т.Л.Ровинская «Зеленые» в Германии: политические дилеммы и компромиссы	182
Приложение	Итоги XVII конкурса работ молодых политологов на премию А.М.Салмина	204
	XVIII конкурс работ молодых политологов на премию А.М.Салмина	205
	Правила представления рукописей для публикации в журнале «Полития»	206
	Table of Contents	209

Подробно проанализировав аргументацию приверженцев принципа агонистического плюрализма, **Н.А.Шавеко** демонстрирует, что в качестве высшего морального основания политики агонизм вызывает большие сомнения, а в той части, в какой его можно принять, не представляет собой ничего принципиально нового. По его заключению, все это говорит о сугубо инструментальном характере данного принципа, а тем самым — о его относительной значимости по сравнению с теми идеалами, достижению которых он призван служить.

Базируясь на анализе греческого полиса, с которым большинство исследователей связывает появление политики, **В.С.Левицкий** приходит к выводу, что политика есть онтологическое действие, в котором каждый раз разворачивается борьба за судьбу бытия. При всех различиях современного и досовременного политического дискурса такое понимание политики, с его точки зрения, достаточно адекватно отражает природу политического *per se*.

Рассматривая проблему релевантности политического реализма в современном мире, **Е.И.Учаев** и **М.В.Харкевич** выдвигают и тестируют гипотезу, согласно которой современный политический реализм являет собой постапокалиптическое течение мысли, основанное на представлении о наступлении окончательного состояния мира.

Опираясь на анализ 425 революционных эпизодов, имевших место в мире за период с 1900 по 2019 г., **В.В.Устюжанин**, **В.А.Михеева**, **И.А.Сумерников** и **А.В.Коротаев** доказывают, что зависимость между невооруженными революциями и благосостоянием носит криволинейный характер: сначала по мере роста ВВП на душу населения риск невооруженной революции растет, но после достижения определенного уровня начинает падать.

В статье **Ю.Г.Коргунюка** представлены результаты исследования места советского прошлого в межпартийной дискуссии и влияния данной тематики на выбор российского электората в избирательных кампаниях 1993—2021 гг.

Проведенное **Н.С.Зубаревым** исследование свидетельствует о том, что в недемократических странах национальная гордость играет роль медиатора между субъективным благополучием и уровнем политической поддержки режима, однако ее медиационный эффект носит частичный характер, и субъективное благополучие позитивно сказывается на поддержке инкумбента не только через усиление национальной гордости, но и само по себе.

На материале глубинных интервью с верующими, активно посещающими церковные службы, **Ю.В.Карпич** выявляет связь между отдельными аспектами религиозности (убеждениями, религиозными практиками) и консервативными установками и раскрывает логику консервативного выбора прихожан.

Зафиксировав наличие в США всех типов политической поляризации, **А.И.Жданов** и **К.В.Косолапов** показывают, что значимый вклад в ее развитие вносят как республиканцы, так и демократы, с одной стороны, подогревающие эмоциональную напряженность в обществе, с другой, отказывающиеся в легитимности установкам своих оппонентов.

По оценке **Т.Л.Ровинской**, постепенная трансформация немецких «Зеленых» из радикальной оппозиционной силы в одну из влиятельных партий левого центра, ориентированную на встраивание в систему посредством сделок и компромиссов, ведет к размыванию самой сути альтернативной «зеленой» идеологии, что в свою очередь чревато утратой партией ее своеобразия и привлекательности для избирателей.

политика

Н.А.Шавеко

АГОНИСТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И СОСТЯЗАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ОБОСНОВАНИЯ

Николай Александрович Шавеко — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН. Для связи с автором: Nickolai_91@inbox.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу основных положений теории состязательной демократии и лежащего в ее основе принципа агонистического плюрализма, получивших в последние годы довольно широкое распространение в среде западных политических философов. Выявляются два основных подхода к нормативному обоснованию ценности демократического соперничества. Первый из них строится на постулате о важности поддержания многообразия общественных дискурсов и, соответственно, недопустимости придания одному из них статуса доминирующего или предпочтительного. Второй предполагает упор на значимость постоянного оспаривания сложившихся властных отношений. Продемонстрировав серьезные изъяны этих подходов, один из которых, по сути, продвигает разнообразие ради разнообразия, а другой — изменчивость ради изменчивости, автор обращается к стратегии обоснования состязательной демократии, ставящей во главу угла обеспечение всем заинтересованным лицам равных возможностей по изменению существующих властных отношений. По его оценке, у этой стратегии, во многом преодолевающей указанные изъяны, тоже имеются слабые места, связанные (1) со сложностью отграничения неравных возможностей по трансформации механизмов власти от иных социальных неравенств, (2) недостижимостью полного равенства возможностей и (3) неясностью соотношения между ценностью обладания возможностью определять и отменять социальные ограничения (политическое равенство) и другими ценностями (в частности, так называемым сущностным равенством). Особое внимание в статье уделяется выявлению глубинных ценностных основ агонистического плюрализма. Зафиксировав стремление апологетов агонизма уйти от их прояснения, автор констатирует, что в качестве высшего морального основания политики агонистический плюрализм вызывает большие сомнения, а в той части, в какой его можно принять, не представ-

ляет собой ничего принципиально нового. Согласно его заключению, все это говорит о сугубо инструментальном характере данного принципа, а тем самым — о его относительной значимости по сравнению с теми идеалами, достижению которых он призван служить.

Ключевые слова: демократия, агонистический плюрализм, состязательная демократия, совещательная демократия, агрегативная демократия

Введение

Начиная с 1990-х годов в среде политических философов набирает популярность так называемая состязательная (конкурентная) модель демократии. Сторонники этой модели противопоставляют ее как традиционным агрегативным моделям (то есть демократическому элитизму и демократии участия, призванной обеспечить механизмы, при которых разнородные интересы и установки преобразуются в общее для всех решение), так и совещательной модели (нацеленной на изменение первоначальных интересов и установок в ходе обсуждения и достижение консенсуса). В противовес приверженцам агрегативного подхода, сторонники конкурентной модели видят в политической борьбе не столько средство получения «правильного» результата, сколько самостоятельную ценность; в противовес адептам совещательного подхода, они полагают, что цель политической борьбы состоит в достижении не консенсуса, а стратегических целей ее участников¹. Значительное влияние на их позицию оказали философия постструктурализма (Мишель Фуко, Жан-Франсуа Лиотар и др.) и взгляды Людвиг Витгенштейна.

¹ Hayward 2010: 124—127.

Каковы основные черты состязательной демократии? Бельгийская исследовательница Шанталь Муфф, внесшая существенный вклад в разработку данной модели, называет ее агонистическим (от др.-греч. ἀγώνια — «борьба») плюрализмом, противопоставляя агонизм антагонизму: первый имеет место между соперниками, второй — между врагами. Соперники, в отличие от врагов, «разделяют общее символическое пространство», хотя и желают его пересмотреть². Настаивая на возможности пересмотра этого общего символического пространства, то есть основ социального устройства, в том числе существующих интерпретаций прав человека и демократических институтов, Муфф подчеркивает: «Мы можем соглашаться с важностью „свободы и равенства для всех“, в то же время резко расходясь во мнениях относительно их значения и способа реализации»³. Плюрализм же как максимальное включение многообразных социальных сил в политику открывает путь для такого пересмотра, одновременно предотвращая сползание агонизма в антагонизм. Таким образом, ключевым для модели состязательной демократии является свободное соперничество интересов и мнений (агонистический плюрализм).

² Mouffe 2000: 13.

³ Ibid.: 113—114.

**Основные
способы
нормативного
обоснования
состязательной
демократии**

По каким же причинам конкуренцию следует считать самоценной, а консенсус — незначимым? Сторонники состязательной демократии предлагают разные, но пересекающиеся ответы на этот вопрос. Рассмотрим некоторые из них.

Один из популярных способов оправдания демократического соперничества — акцентирование равной ценности всех языковых игр (дискурсов, разворачивающихся по определенным правилам). Так, британский политический теоретик Джон Кин в монографии «Демократия и гражданское общество» предлагает радикальное понимание демократии в контексте того, что было названо им этическим релятивизмом⁴. Согласно Кину, общество, в сущности, представляет собой совокупность языковых игр, каждая из которых следует своим правилам, причем, вопреки коммуникативному подходу Юргена Хабермаса, отдающему предпочтение одному из возможных типов языковых игр, никакая языковая игра не является более «верной», чем остальные. В связи с этим необходимо поддерживать в обществе многообразие языковых игр, не допуская «империалистических притязаний» какой-либо из них на абсолютное значение, что обеспечивается правильным соотношением государства и гражданского общества. Именно в этом, с точки зрения Кина, и состоит демократия. Сходных взглядов придерживается канадский философ Джеймс Талли, отмечая, что никакая форма критической рефлексии не должна играть основополагающую роль, что притязания на значимость не обязательно строятся на истинности и искренности и не всегда опираются на убедительные аргументы и достижение консенсуса. Подобно Кину, Талли критикует Хабермаса, упрекая его в том, что он возводит «юридические способы мышления» в ранг гегемонистских, тогда как каждая из языковых игр имеет право на существование⁵. Наконец, через творчество Муфф красной нитью проходит мысль о том, что нацеленность на познание моральной истины и минимизацию разногласий по моральным вопросам, присущая концепции делиберативной демократии, способна привести не к повышению, а, напротив, к понижению справедливости и легитимности власти, будучи чревата исключением из политической жизни несогласных. По мнению Муфф, стремление во что бы то ни стало прийти к консенсусу относительно моральных истин является одной из форм гегемонии. Поскольку полное согласие по вопросам морали заведомо нереально, всегда будут сохраняться инакомыслящие, дискриминация которых повлечет за собой радикализацию общественных настроений. Поэтому должны получить шанс и другие виды дискурсов, не связанные с достижением консенсуса⁶.

Изложенная аргументация, однако, содержит в себе внутреннее противоречие. Из суждения о факте (многообразие языковых игр) Кин и его единомышленники выводят, по сути, произвольное суждение о должном (необходимо поддерживать данное многообразие). Ведь если согласиться с тезисом об относительности всех языковых игр и отсутствии какой-либо привилегированной языковой игры, становится не-

⁴ Кин 2001: 360—379.

⁵ Tully 2008: 39—70.

⁶ Муфф 2008.

понятно, как вообще возможен критический подход к сущему: нельзя критиковать чужое притязание на истинность с позиций, которые сами не претендуют на истинность. Обычно сторонники состязательной модели демократии указывают на ограниченность наших знаний, в том числе в вопросах морали, и потому призывают участвующих в политической деятельности к скромности, толерантности и отзывчивости. Между тем из одного вовсе не обязательно следует другое, и стратегия скромности, толерантности и отзывчивости не более обоснованна, чем другие. Таким образом, идея плюрализма и поддержания разногласий противоречит самой себе: отрицая истину, она сама не может считаться истинной.

В этом плане этика дискурса Хабермаса, признающая истину и утверждающая определенный тип коммуникации как способ ее достижения, выглядит более логичной (хотя и не лишена изъянов). Ибо, чтобы оспорить чью-либо гегемонию, нужно продемонстрировать недостатки этой гегемонии и преимущества возможных альтернатив, а это предполагает апелляцию к нормативным обоснованиям, в том числе применительно к методам такого оспаривания (почему они не могут быть насильственными? каковы критерии насилия? какие типы аргументов допустимы? и т.д.), но никак не скепсис относительно возможности нормативного обоснования. Кроме того, приведенные выше суждения упрощают и искажают представления сторонников делиберативной демократии, которые отнюдь не отрицают, что консенсус достижим далеко не всегда и потому должен сочетаться с другими способами принятия решений. По справедливому замечанию Олега Каширских, «достижение консенсуса не является ультимативным требованием делиберативной демократии ни эмпирически, ни нормативно»⁷. При этом, как убедительно показывают Айрис Янг⁸ и Джон Драйзек⁹, в ходе делиберации могут задействоваться не только строго рациональные аргументы, но и повествование, юмор, риторика и т.п. Единственным критерием допустимости аргументации *de facto* выступает возможность понимания между участниками обсуждения, что вряд ли может трактоваться как гегемония.

В действительности Кин и солидарные с ним авторы признают существование всеобщей моральной истины, которая состоит в необходимости поддерживать плюрализм языковых игр. Сама эта истина как бы возвышается над языковыми играми: с позиций абсолютной идеи плюрализма могут оцениваться все остальные идеи. Но если идея плюрализма, будучи фактически выражением этического когнитивизма, не может быть оправдана с точки зрения этического релятивизма, то какие иные ее оправдания возможны? Не является ли ценность плюрализма сугубо инструментальной? По крайней мере именно в этом ключе могут быть интерпретированы суждения Кина о том, что плюрализм языковых игр предполагает наличие политических механизмов, способствующих смягчению социальных антагонизмов, недопущению тиранического правления, преодолению властью собственного невежества и т.п.

⁷ Каширских 2012: 31.

⁸ Young 1996: 129—131.

⁹ Dryzek 2000: 167—168.

Другой популярный способ обоснования демократического соперничества — акцент на значимости постоянного оспаривания сложившихся властных отношений. В этом плане довольно показательны работы американского ученого Шелдона Уолина, и прежде всего его статья «Мимолетная демократия»¹⁰, где проводится мысль о том, что истинная демократия означает отсутствие каких-либо границ, в том числе конституционных, для волеизъявления и содержит в себе революционный момент, то есть стремление пересмотреть социальные стратификации и институты, а не просто поменять правящую партию или персональный состав бюрократических органов. Но такая кардинальная трансформация возможна только тогда, когда управляет сам народ, i.e. когда существующие механизмы власти оставляют за ним последнее слово. Отсюда призывы Уолина не привязывать политическую жизнь исключительно к государству, а развивать иные политические институты и практики. Отсюда же и левая направленность его позиции, упор на важность образования и здравоохранения, социальных гарантий, активного вовлечения в политическую жизнь широких слоев населения, выравнивания политических возможностей различных социальных групп, развития сознательности и солидарности граждан. Не отрицает Уолин и ценность делиберативных практик, хотя не останавливается на них подробно и не связывает их с консенсусом. В целом Уолин стремится обеспечить прямое влияние народа на управленческие решения и пересмотр всего, что сковывает такое влияние.

¹⁰ Wolin 2016.

Аналогичные идеи можно встретить и у многих других авторов. Тот же Талли говорит о том, что, поскольку никакая форма мышления не может а priori считаться рациональной, мы вправе оспаривать границы, налагаемые доминирующими формами мышления. Он солидарен с Фуко в том, что работа интеллектуала состоит в постоянном оспаривании того, что постулируется как самоочевидное, а также в демонстрации возможных альтернатив. Подобные соображения экстраполируются и на сферу власти, что означает необходимость ставить под сомнение существующие властные отношения («мыслить и действовать по-другому»): агонистическая свобода — это постоянная провокация (угроза неподчинения, оспаривания, уклонения и конфронтации)¹¹.

¹¹ Tully 2008: 24, 125, 143—144.

Нацеленность на постоянный пересмотр властных отношений свойственна и Муфф. По ее мнению, «любая социальная объективность конституируется посредством актов власти», а потому «в конечном счете является политической и должна обнаруживать следы актов исключения, которые управляют ее конституцией»¹². Поэтому важно создать такие формы власти, которые допускают возможность пересмотра ее основ: господство неизбежно, но оно должно быть ограниченным и поддаваться оспариванию. Вместе с тем Муфф практически не разграничивает хорошие и плохие виды господства, довольствуясь оговоркой, что допустимы лишь такие формы власти, которые позволяют противоборствующим сторонам рассматривать друг друга как соперников, а не врагов¹³. Иными словами, всегда должна сохраняться возможность

¹² Mouffe 1996: 247.

¹³ Муфф 2004: 194.

легального пересмотра «конституции власти», обеспечивающая определенный уровень легитимности последней (это область так называемого конфликтного консенсуса). Установление каких-либо непреложных принципов справедливости для Муфф в принципе неприемлемо. В связи с этим на первое место выходит ценность периодической смены таковых, то есть мы вновь видим тенденцию к возвеличиванию перемен *per se*.

При всей важности борьбы с социальным неравенством и «исключениями» описанный выше подход к пониманию демократии уязвим перед критикой. Так, есть основания сомневаться в том, что готовность к оспариванию любого социального установления может быть убедительным нормативным идеалом. Длительная традиция либерального конституционализма, например, ограничивает непосредственное участие народа в политике ради целей, которые разделяет сам народ. И подобная установка заслуживает внимания (даже с учетом того, что либеральный конституционализм не свободен от изъянов): поскольку публичная власть, как предполагается, учреждена ради достижения общего блага, ее институты не должны ставиться под вопрос без видимых поводов и намеренно поддерживаться в состоянии хрупкости. Конституционализм может рассматриваться как гарантия торжества долгосрочной, рефлексивной и единой народной воли и защиты ее от сиюминутного влияния частных интересов большинства. Сомнительны также попытки обосновать важность перманентной агонистической деятельности с точки зрения формирования общей гражданской идентичности¹⁴. Если истинная (то есть, согласно Уолину и его единомышленникам, подрывающая институты) демократия временна и мимолетна, то может ли она быть идеалом для повседневности? Таковой, очевидно, должен признавать по меньшей мере частичную ценность хотя бы некоторых социальных практик, требующих известной стабильности.

Здесь — в качестве альтернативы — имеет смысл обратиться к взглядам американского политолога Иэна Шапино, который в своем обосновании демократии исходит из отрицания неоправданного доминирования¹⁵. Надо отметить, что, указывая на многочисленные сложности, возникающие при определении понятия «доминирование», он и сам в итоге не дает внятной его дефиниции¹⁶. Важно, однако, что в отличие от сторонников состязательной демократии Шапино выступает против не любого доминирования, а лишь того, которое не может считаться обоснованным. *Prima facie* всякая социальная иерархия подозрительна, то есть именно социальная иерархия, а не ее отсутствие требует оправдания. По мнению Шапино, иерархия оправдана тогда, когда она необходима для защиты какого-либо значимого блага тех, кто ей подчинен (i.e. когда ей нет неиерархической альтернативы), и вместе с тем по своей степени и длительности не превышает той меры, которая определяется данной целью. При этом иерархии, сохраняющие вертикальную социальную мобильность, предпочтительнее блокирующих ее; симметричные (взаимные) иерархии предпочтительнее ассиметричных

¹⁴ См., напр. Tully 2008: 160—184.

¹⁵ Shapiro 2016: 2—24.

¹⁶ Черняк 2019: 345—346.

(односторонних); выборные иерархии предпочтительнее невыборных; допускающие выход иерархии предпочтительнее тех, что его не допускают; не навязывающие себя иерархии предпочтительнее стремящихся к экспансии¹⁷. Короче говоря, не всякие властные отношения порочны. В конечном счете любые претензии к ним должны удовлетворять неким заранее установленным моральным (нормативным) критериям, а потому не могут быть самоценными.

¹⁷ *Shapiro 1999: 42–45.*

**Возможные пути
преодоления
внутренних
изъянов
агонистического
плюрализма**

Таким образом, можно констатировать, что обе рассмотренные стратегии обоснования состязательной демократии не свободы от изъянов. Весьма последовательной с учетом вышесказанного представляется позиция американской исследовательницы Клариссы Хейворд, которая (в отличие от Кина) прямо постулирует основную нормативную ценность — обеспечить каждому заинтересованному лицу равные возможности по установлению и пересмотру властных отношений, но при этом (в отличие от Уолина) не считает необходимым постоянное оспаривание действующей власти. Иными словами, отношения власти должны быть всегда открыты для преобразования (не допустима натурализация или сакрализация status quo), но само такое преобразование не является самоцелью. Именно в этом Хейворд видит идеал демократии как самоуправления.

Формулируя свою концепцию власти, Хейворд противопоставляет ее не только взглядам плюралистов, согласно которым власть принадлежит лицам, влияющим на принятие политических решений путем участия в нем, но и знаменитой теории «двух ликов власти» Питера Бахраха и Моргана Бараца, в соответствии с которой власть может заключаться в способности исключать неудобные вопросы из политической повестки без прямого участия в принятии политических решений¹⁸. Недостаточным кажется ей и подход, обращающий внимание на «третий лик власти»¹⁹, а именно на возможность ее носителей формировать интересы и предпочтения подчиненных, восприятие ими своих желаний. В качестве альтернативы она предлагает «обезличенное» (de-faced) понимание власти, ибо только оно позволяет уйти от вопроса о том, обладает ли властью лицо, не осознающее своего влияния или не желавшее некоторых из последствий этого влияния, и о том, несет ли данное лицо соответствующую моральную ответственность. С точки зрения Хейворд, власть — это границы (законы, нормы, стандарты, практики и другие механизмы), определяющие возможности социальных субъектов. В связи с этим крайне важно, известны ли подвластным способы, которыми ограничиваются их социальные возможности, и могут ли они изменить существующие социальные ограничения²⁰.

¹⁸ *Bachrach and Baratz 1962.*

¹⁹ *Lukes 1974; Gaventa 1980.*

²⁰ *Hayward 2000: 11–39.*

Хейворд разделяет свойственную сторонникам делиберативной демократии ориентацию на инклюзивность, распространяя ее на все случаи формирования и изменения социальных ограничений, однако вместо акцента на обдумывании и консенсусе подчеркивает важность

конфликтов и различий. Само по себе наличие у индивидов определенных интересов и мнений еще не влечет за собой необходимости учета этих интересов и мнений, но не потому, что они должны выдерживать испытание делиберацией, а потому, что они могут оказаться продуктом структурных политических неравенств. В этом смысле даже прошедшие осмысление в ходе обсуждения интересы и мнения не могут считаться безусловными основаниями политического устройства. Консенсус не является идеалом не столько потому, что означает доминирование одной из возможных языковых игр (Кин), и не столько в силу своей недостижимости (Уолин), сколько ввиду возможной его обусловленности структурными политическими неравенствами, определяющими желания и предпочтения людей.

Как представляется, Хейворд очень удачно сочетает две традиции: кантианскую (Хабермас) и постмодернистскую (Фуко). Именно это позволяет ей, с одной стороны, избежать самопротиворечивого восхваления разнообразия ради разнообразия (Кин и др.), перемен ради перемен (Уолин и др.), с другой стороны, подчеркнуть важность сохранения при принятии, изменении или отмене социальных норм возможности пересмотра данного решения.

Вместе с тем у предложенной Хейворд концепции демократии тоже имеются проблемные места.

Во-первых, это сложность отграничения неравных возможностей по трансформации механизмов власти от иных социальных неравенств (в рамках рассматриваемой модели недопустимы лишь первые). На практике любые социальные стратификации могут косвенно отражаться на политических возможностях. Данная проблема, правда, легко может быть снята указанием на то, что любое социальное неравенство следует изучать на предмет его влияния на политические возможности (например, чрезмерная зависимость «бюджетников» от своих работодателей чревата использованием «административного ресурса» на выборах, а потому должна искореняться).

Во-вторых, это отсутствие четкой дефиниции равенства возможностей (судя по всему, Хейворд принимает во внимание лишь структурно обусловленные различия, оставляя за скобками физические и иные личностные особенности). В действительности полного равенства возможностей быть не может по причине индивидуальных различий, и исключение последних при оценке равенства возможностей нуждается в обосновании. Конечно, индивидуальные различия менее значимы, чем структурные, и меньше поддаются учету. Однако и полного равенства структурных возможностей добиться, как представляется, едва ли реально.

Наконец, в-третьих, это отсутствие ясного соотношения между ценностью обладания возможностью определять и отменять социальные ограничения и другими ценностями, например эффективностью, безопасностью и солидарностью (Хейворд лишь упоминает о приоритете первой из этих ценностей в сфере политических практик и госу-

дарственных институтов). Возьмем, к примеру, соотношение ценности политического равенства, достигаемого посредством сохранения за каждым возможности изменения существующих властных отношений, и ценности политической стабильности, достигаемой через формирование общей идентичности. Наделение правителей полномочиями по культивированию в гражданах лояльности и законопослушания, по военно-патриотическому воспитанию и т.п. явно способствует решению второй задачи, но создает структурные препятствия для решения первой, поскольку трансформирует интересы и установки граждан. В целом Хейворд фокусируется лишь на одной из политических ценностей и мало говорит о других (в частности, о «совещательном фильтре» интересов, о добросовестности и квалифицированности правителей, о плюрализме социальных сил и т.д.).

На первый взгляд может показаться, что данную проблему можно преодолеть путем дальнейшей разработки частных вопросов теории состязательной демократии. Однако нет никаких гарантий, что соотношение конкурирующих моральных ценностей окажется в пользу политического равенства. Рассмотрим, например, соотношение политического и сущностного равенства. Не обладает ли последнее приоритетом над первым? В связи с этим заслуживают внимания презумпции Шапиро, представляющие собой отклонения от принципа политического равенства: 1) лица, чьи интересы в большей степени затрагиваются тем или иным решением, имеют больше прав на его принятие; 2) лица, чьи ключевые интересы (скажем, выживание) затрагиваются тем или иным решением, должны оказывать большее влияние на его принятие, чем другие заинтересованные лица²¹. При этом сама по себе интенсивность предпочтений не может выступать определяющим фактором²².

Здесь необходимо отметить, что адепты теории состязательной демократии особо подчеркивают роль социальных структур в формировании самих субъектов социальных отношений. «Практика управления, — утверждает Талли, — является также практикой субъективации»²³. В свою очередь Муфф замечает, что полностью свободное народное волеизъявление невозможно в принципе, так как сам народ есть политический конструкт, который зависит от уже существующих социальных структур²⁴. Но если процессы субъективации находятся вне нашего контроля, то почему сформированный в результате таких процессов «субъект» (личность, гражданин, народ и т.п.) должен иметь ключевое значение? Должны ли мы обеспечивать равенство именно этих субъектов — с учетом того, что они могли бы быть и иными? Положительный ответ на данный вопрос, на наш взгляд, означает, что в своих призывах к политическому равенству сторонники состязательной демократии исходят из того более глубокого понимания равенства, которое Роберт Даль называл сущностным (*intrinsic*)²⁵. Ведь речь идет не просто о равных правах субъектов менять социальные структуры, но и о том, что независимо от социальных структур это равенство прав признается

²¹ *Shapiro 2003: 43—48.*

²² *Shapiro 2016: 56—61.*

²³ *Tully 2008: 23.*

²⁴ *Mouffe 2000: 55—56.*

²⁵ *Даль 2003: 125—132.*

²⁶ Так, у Муфф агонистический плюрализм на глобальном уровне

за вполне определенными субъектами. Если на внутригосударственном уровне это социализированные индивиды, то на уровне глобальном — как правило, народы²⁶.

Проблема ценностных основ состязательной демократии

заключается не в построении такой «космополитической гегемонии», которую всегда можно пересмотреть, а в «плюрализации гегемоний», что, бесспорно, предполагает превращение народов в ключевые субъекты (Муфф 2009: 63).

²⁷ Mouffe 2000: 19—20.

²⁸ Mouffe 2008: 454—458.

²⁹ Connolly 2005: 41.

С учетом изложенного остро встает вопрос о том, какие же базовые ценности лежат в основе модели состязательной демократии и как может способствовать их реализации агонистический плюрализм. В первую очередь необходимо отметить, что сторонников данной модели вряд ли можно назвать релятивистами. В частности, Муфф указывает, что релятивизм, подобно догматизму, имеет серьезные недостатки, поскольку закладывает основания для оправдания насилия, подчинения и неравенства²⁷. Она не отрицает права человека, но выступает за возможность пересмотра их интерпретаций. И хотя применительно к международному уровню Муфф квалифицирует права человека как исключительно западный концепт, она все же пытается найти в западных культурах функциональные замены прав человека, отсылающие к идеям человеческого достоинства и справедливости, по-видимому полагая эти идеи незыблемыми²⁸. В свою очередь Уильям Коннолли, защищая идеал «глубокого плюрализма», обращает внимание (также в контексте противодействия насилию) на нетождественность его релятивизму, под которым понимает «абсолютную терпимость» или «отказ от всех стандартов»²⁹. Вместе с тем бросается в глаза, что приверженцы состязательной демократии крайне неохотно высказывают какие-либо ценностные соображения, как бы опасаясь впасть в критикуемый ими же догматизм. В результате их позиция зачастую оказывается крайне противоречивой.

Рассмотрим данный тезис на примере Муфф. Не формулируя свой политический идеал сколько-нибудь определенно, исследовательница постоянно выражает его методом «от противоположного», осуждая господство и гегемонию, насилие и подчинение. Но если мы попытаемся выразить этот идеал в положительных, а не отрицательных терминах, то придем к давно известным принципам свободы и равенства. Означает ли это, что агонистический плюрализм является лишь инструментом достижения свободы и равенства? Этот вывод кажется логичным, хотя в работах Муфф его можно прочесть разве что между строк. И в то же время она склонна трактовать свободу, равенство, права человека и т.п. лишь как общие устои, которые в любой момент могут быть пересмотрены в результате агонистического процесса.

Ситуация осложняется тем, что Муфф отчаянно противится восприятию самого принципа агонистического плюрализма в качестве нормативного идеала.

Очевидно, что последовательное претворение подобных взглядов предполагает, что и сами эти взгляды (а соответственно, институты, обеспечивающие смену форм господства) могут быть пересмотрены и отвергнуты. Судя по всему, Муфф это и имеет в виду. По ее мнению,

³⁰ Mouffe 2000: 16, 135—137.

полная реализация идеи агонистического плюрализма означала бы отрицание данной идеи³⁰, ведь в противном случае мы вновь приходим к гегемонии одной из точек зрения. Между тем такая установка содержит в себе явное логическое противоречие. Как можно отстаивать идеал, заключающийся в постоянном сохранении возможности его пересмотра? Как можно видеть идеал в преодолении господства, полагая, что достижение этого идеала тоже есть форма господства? В результате вместо осмысленного идеала мы получаем нелепость: Муфф отрицает то, что пытается доказать. То же противоречие, похоже, свойственно и Коннолли, который, с одной стороны, противопоставляет агонистический плюрализм воинствующему унитаризму и тотальному релятивизму, а с другой, обосновывает свою позицию ссылками на необходимость взаимной скромности в условиях моральных разногласий, что в итоге заставляет его относиться «скромно» и к собственному обоснованию агонистического плюрализма³¹. Понимая, что здесь налицо нарушение логики, Коннолли, подобно Муфф, ссылается на продуктивность логических парадоксов³². Но логические парадоксы ни в коей мере не оправдывают алогичную аргументацию. То, что в данном случае упускают из виду приверженцы агонистического плюрализма, заключается в логической необходимости «унитаризма»: агонистический плюрализм не может быть одновременно обоснован и не обоснован, при этом он может быть обоснован либо в качестве высшего морального принципа в политике, либо в качестве средства достижения или поиска такового, но он не может быть и не тем, и не другим одновременно. Да, моральные принципы, методология их обоснования, а также используемые для их воплощения инструменты подтверждены пересмотру, однако сам этот пересмотр всегда осуществляется в рамках некоего «унитаризма», обусловленного имеющимся уровнем знаний. Так, в науке действительно присутствует плюрализм мнений и методов, но из этого не следует, что эти мнения и методы мы ценим не больше, чем псевдонауку, даже если та не навязывается насильно. Вообще, речь идет не о насилии, а об истине; истина же порой требует «воинствующей» защиты.

Другая причина, по которой Муфф не хочет возводить принцип агонистического плюрализма в ранг нормативного идеала, — необходимость учета непреодолимых разногласий по моральным вопросам. Поскольку консенсус относительно моральных оснований политики едва ли достижим, а тотальный релятивизм выглядит непривлекательной перспективой, Муфф выступает за создание некоторых ограничений, но при этом не считает возможным подводить под них моральные обоснования, заявляя о «политической природе» последних³³. Фактически же это означает, что, коль скоро универсальные правила нельзя обосновать, их следует навязать. Однако такое предложение невозможно рассматривать всерьез, если сам его автор признает отсутствие соответствующих моральных аргументов. В действительности же Муфф, конечно, приводит некоторые моральные (а следовательно, универсальные) аргу-

³¹ Connolly 2005: 76.

³² Connolly 2002: XV—XVI.

³³ Муфф 2004: 189.

менты, тем самым выбивая почву из-под своей позиции. Слабое место в этой позиции заключается также в неоправданном возвышении роли консенсуса как морально значимого фактора. Порой Муфф вообще определяет либерализм как «веру в достижимость всеобщего консенсуса, основанного на разуме»³⁴. Но вера в некие незыблемые права и свободы вовсе не тождественна вере во всеобщий консенсус, ведь тот не является единственно возможным их обоснованием (в универсальные правила можно верить, даже понимая, что относительно них никогда не достичь всеобщего консенсуса). В результате Муфф ошибочно полагает, что в отсутствие надежды на всеобщий консенсус «политическое» всегда стоит вне морали и представляет собой борьбу за гегемонию. Будучи права в том, что «политические вопросы — это не просто технические вопросы, которые должны решать эксперты»³⁵, она заблуждается, считая, что политическое не морально только потому, что всегда связано с конфликтом. В конце концов, чем же тогда ее агонистический плюрализм лучше агрегативных моделей демократии или даже тиранического правления, ведь во всех случаях речь идет о том, что одни интересы произвольно удовлетворяются за счет других, а сам баланс интересов динамичен? Как вообще можно обосновать преимущество агонистического плюрализма как более справедливого принципа при отсутствии каких-либо моральных критериев? Такое преимущество можно обосновать, только встав на сторону морального когнитивизма, не маскируя моральную аргументацию эвфемизмами типа «политических аргументов», но одновременно не сводя моральную истину к всеобщему консенсусу.

³⁴ *Муфф 2008: 91.*
³⁵ *Там же: 89.*
См. также Mouffe 2007.

Итак, попытки отрицать статус агонистического плюрализма как нормативного идеала через самоотрицание данного принципа или придание ему политического (якобы неморального) характера терпят неудачу. В конечном счете более последовательным и логически непротиворечивым было бы признать его высшим моральным основанием политики, не подлежащим пересмотру посредством самих агонистических процедур. Но в этом случае отличие позиции Муфф от позиции сторонников либеральной демократии, которым она себя противопоставляет, по сути, сходит на нет, ведь вместо старых универсальных правил лишь предлагается новое. Муфф видит ошибку либералов в том, что они считают не подлежащей пересмотру «конституцию власти» (права человека и т.п.), хотя та, по ее мнению, вполне может быть пересмотрена. Но как насчет самого принципа агонистического плюрализма? Содержит ли он отрицаемую Муфф «глубинную объективность, которая была бы внеположна практикам, приведшим его в бытие»³⁶? Если этот принцип не может быть пересмотрен, то никакой принципиально новой позиции мы не имеем. Если же мы вправе поставить агонистический плюрализм под сомнение, то позиция Муфф самопротиворечива и более логичным было бы просто отвергнуть возможность какой-либо нормативной политической теории. Ту же критику можно адресовать и построениям Коннолли.

³⁶ *Муфф 2013.*

³⁷ Муфф 2003:
154—155.

Один из центральных тезисов Муфф заключается в том, что либеральная демократия не является вневременным идеалом справедливого общественного устройства³⁷. Бесспорность этого тезиса очевидна, но важно установить, почему это так. По мнению Муфф, согласие в вопросе общественного идеала предопределяется общими формами жизни. Однако из этого еще не следует отстаиваемая Муфф моральная необходимость периодического пересмотра таких форм, равно как и восприятие их в исключительно негативном ключе — как нежелательного господства.

Общие формы жизни неизбежно меняются по самым разным причинам, но их изменение есть факт, а не цель. Мы можем лишь оценивать те или иные изменения как желательные или нежелательные, способствуя первым и пытаясь воспрепятствовать вторым. Таким образом, мы имеем два факта: 1) общественный идеал предопределяется общими формами жизни; 2) общие формы жизни постоянно меняются. Но ни один из этих фактов ничего не говорит нам о должном. Ибо должное, по всей видимости, вообще нельзя вывести из сущего. Либеральная демократия, в свою очередь, может не соответствовать этому должному, но не потому, что предполагает доминирование одной из языковых игр, и не потому, что любые устои необходимо периодически пересматривать, а потому, что она может не отвечать взвешенным моральным интуициям или, будучи идеалом сугубо политическим, не сочетаться с более общим социальным идеалом. Важнейший вопрос состоит в том, на каком основании и каким способом возможно то или иное намеренное изменение общих форм жизни, посредством которых конституируется власть, а также идентичность и идеалы подвластных. Здесь Муфф постулирует, что ни один социальный субъект «не может приписать себе представительство тотальности», но постоянно ссылается на «страсти и аффекты»³⁸. Иными словами, в глазах Муфф подобное изменение допустимо и по произвольным основаниям, важен лишь сам агонистический плюрализм как постоянная возможность такого произвола! На место стремления к моральной истине приходит борьба частных интересов.

³⁸ Муфф 2004:
193, 195.

Этот вывод выглядит обескураживающим. Неужели противоборство коллективных страстей и аффектов способствует легитимности и справедливости больше, чем, например, условия для поиска рационального консенсуса или сам рационально обоснованный идеал? Вероятно, иногда это так, но категорическое «да» в данном случае было бы явно беспочвенным. Фактически Муфф предлагает прибегать к «стратегическому действию» там, где «коммуникативное действие» не приводит к согласию. Но то же самое предлагает и большинство сторонников совещательной демократии! Таким образом, агонистический плюрализм как высшее моральное основание политики вызывает большие сомнения, а в той части, в какой его можно принять, не представляет собой ничего принципиально нового.

**Вместо
заключения**³⁹ Przeworski 1999.⁴⁰ Shapiro 2016.

Все сказанное выше заставляет нас снова задуматься о том, не обладает ли агонистический плюрализм лишь инструментальной ценностью и не стоит ли над ним некий фундаментальный моральный идеал вроде свободы и равенства. Нормативный анализ взглядов сторонников состязательной демократии однозначно свидетельствует о наличии у них некоторых общих ценностей, прежде всего связанных с неприятием насилия, господства, гегемонии, доминирования. Эти ценности разделяют, конечно, не только апологеты агонизма. Так, Адам Пшеворский сводит демократию к возможности ненасильственной смены власти³⁹, а Шапиро пытается концептуализировать ее через понятие недоминирования⁴⁰. Вместе с тем указанные авторы подчеркивают сугубо инструментальную ценность возможности регулярной ненасильственной смены власти, полагая, что такая возможность исключит проведение явно неприемлемой для народа политики и поможет достичь моральной истины. В противоположность им агонисты (в том числе по причине их склонности к релятивизму) избегают выносить суждения о приемлемости или неприемлемости той или иной политики: для них возможность ненасильственной смены власти (социальных структур, общих форм жизни и т.п.) ценна сама по себе. Между тем такая позиция порождает множество вопросов: не получится ли так, что оспаривание существующих социальных структур обернется изменениями в худшую сторону? не означает ли принижение значимости консенсуса и акцент на торге, давлении, спорах и т.д., что результатом политического процесса может быть все что угодно? не является ли неизбежной при обосновании ценности соперничества отсылка к неким сущностным критериям? почему мы вообще должны поддерживать политическое устройство, коль скоро присущее ему господство имеет исключительно негативные черты, а если у него есть и позитивные аспекты, то в чем они заключаются? не стоит ли более снисходительно относиться к тем формам господства, которые допускают меньше дискриминации или менее суровые ее проявления, то есть различать моральные и аморальные гегемонии? почему смена форм господства должна обязательно происходить через агонизм, а не антагонизм? Все эти вопросы, демонстрирующие белые пятна в модели состязательной демократии и ее слабые места, одновременно указывают на сугубо инструментальный характер соперничества и многообразия, а тем самым — на их относительную значимость по сравнению с теми идеалами, которым они призваны служить.

Библиография

- Даль Р.А. (2003) *Демократия и ее критики*. М.: РОССПЭН.
 Каширских О.Н. (2012) «Политические предпочтения в контексте теории делиберативной демократии» // *Вестник Пермского университета. Политология*, № 1: 20—34. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/political/vestnik-1-2012.pdf> (проверено 03.11.2022).

Кин Дж. (2001) *Демократия и гражданское общество*. М.: Прогресс-Традиция.

Муфф Ш. (2003) «Витгенштейн, политическая теория и демократия» // *Логос*. № 4–5 (39): 153–165.

Муфф Ш. (2004) «К агонистической модели демократии» // *Логос*, № 2 (42): 180–197.

Муфф Ш. (2008) «Политика и политическое» // *Политико-философский ежегодник*. М.: ИФ РАН. Вып. 1: 88–102. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppu_1/6.pdf (проверено 03.11.2022).

Муфф Ш. (2009) «Демократия в многополярном мире» // *Прогнозис*, № 2: 59–71. URL: http://intelros.ru/pdf/Prognosis/02_2009/3.pdf (проверено 03.11.2022).

Муфф Ш. (2013) «Радикальная демократия и агонистическая политика» // *Гефтер*, 20.11. URL: <http://gefter.ru/archive/10569> (проверено 03.11.2022).

Черняк А. (2019) «Демократия против господства» // *Социологическое обозрение*, т. 18, № 4: 344–353. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2019/12/30/1511030404/SocOboz_18_4_344-353_Chernyak.pdf (проверено 03.11.2022).

Bachrach P. and M.Baratz. (1962) «Two Faces of Power» // *American Political Science Review*, vol. 56, no. 4: 947–952. URL: <http://www.columbia.edu/itc/sipa/U6800/readings-sm/bachrach.pdf> (accessed on 03.11.2022).

Connolly W. (2002) *Identity/Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Connolly W. (2005) *Pluralism*. Durham: Duke University Press.

Dryzek J. (2000) *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations*. Oxford, New York: Oxford University Press.

Gaventa J. (1980) *Power and Powerlessness: Quiescence and Rebellion in an Appalachian Valley*. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press.

Hayward C.R. (2000) *De-Facing Power*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hayward C.R. (2010) «Making Interest: on Representation and Democratic Legitimacy» // Shapiro I., S.C.Stokes, E.J.Wood, and A.S.Kirshner, eds. *Political Representation*. Cambridge: Cambridge University Press: 111–136.

Lukes S. (1974) *Power: A Radical View*. London: Macmillan.

Mouffe Ch. (1996) «Democracy, Power, and the „Political“» // Benhabib S., ed. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Princeton: Princeton University Press: 245–256.

Mouffe Ch. (2000) *The Democratic Paradox*. London, New York: Verso.

Mouffe Ch. (2007) «Artistic Activism and Agonistic Spaces» // *Art & Research*, vol. 1, no. 2. URL: <http://www.artandresearch.org.uk/v1n2/mouffe.html> (accessed on 03.11.2022).

Mouffe Ch. (2008) «Which World Order: Cosmopolitan or Multipolar?» // *Ethical Perspectives*, vol. 15, no. 4: 453—467.

Przeworski A. (1999) «Minimalist Conception of Democracy: A Defense» // Shapiro I. and C.Hacker-Cordon, eds. *Democracy's Value*. Cambridge, New York: Cambridge University Press: 23—55.

Shapiro I. (1999) *Democratic Justice*. New Haven: Yale University Press.

Shapiro I. (2003) *The State of Democratic Theory*. Princeton: Princeton University Press.

Shapiro I. (2016) *Politics against Domination*. Cambridge: Harvard University Press.

Tully J. (2008) *Public Philosophy in a New Key. Vol. I: Democracy and Civic Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wolin Sh. (2016) *Fugitive Democracy and Other Essays*. Princeton: Princeton University Press.

Young I.M. (1996) «Communication and the Other: Beyond Deliberative Democracy» // Benhabib S., ed. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Princeton, New York: Princeton University Press: 120—135.

N.A.Shaveko
AGONISTIC PLURALISM
AND COMPETITIVE MODEL
OF DEMOCRACY: PROBLEMS
OF NORMATIVE JUSTIFICATION

Nikolai A. Shaveko — Ph.D. in Legal Studies; Senior Researcher at the Udmurt Campus of the Institute of Philosophy and Law, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Email: Nickolai_91@inbox.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main tenets of the theory of competitive democracy and its underlying principle of agonistic pluralism, which have become quite widespread among the Western political philosophers in the recent years. The author identifies two main approaches to the normative substantiation of the value of democratic competition. The first approach is based on the postulate about the importance of maintaining the diversity of public discourses and, therefore, inadmissibility of giving

one of them the status of dominant or preferred. The second approach emphasizes the importance of constantly challenging the established power relations. Having demonstrated serious flaws in these approaches, one of which, in fact, promotes diversity for the sake of diversity, and the other — variability for the sake of variability, the author turns to the strategy of justifying competitive democracy that focuses on providing all stakeholders with an equal opportunity to change the existing power relations. In his estimation, this strategy, which largely overcomes the shortcomings of the above mentioned approaches, also has its weaknesses related to (1) the difficulty of disentangling between unequal opportunities for transforming power mechanisms and other social inequalities, (2) the unattainability of the complete equality of opportunities, and (3) the ambiguous relationship between the value of the opportunity to define and abolish social restrictions (political equality) and other values (in particular, the so-called intrinsic equality). A special attention in the article is paid to the identification of the deep value foundations of agonistic pluralism. The author notices that advocates of agonism want to evade clarification of these foundations and states that agonistic pluralism as the highest moral basis of politics is highly doubtful, while the part of the concept that is acceptable does not represent anything fundamentally new. According to his conclusion, all this speaks of the purely instrumental nature of this principle, and thus of its relative importance in comparison with those ideals that it intends to achieve.

Keywords: democracy, agonistic pluralism, competitive democracy, deliberative democracy, aggregative democracy

References

- Bachrach P. and M. Baratz. (1962) “Two Faces of Power” // *American Political Science Review*, vol. 56, no. 4: 947—952. URL: <http://www.columbia.edu/itc/sipa/U6800/readings-sm/bachrach.pdf> (accessed on 03.11.2022).
- Chernyak A. (2019) “Demokratija protiv gosподstva” [Democracy against Domination] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 18, no. 4: 344—353. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2019/12/30/1511030404/SocOboz_18_4_344-353_Chernyak.pdf (accessed on 03.11.2022). (In Russ.)
- Connolly W. (2002) *Identity/Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Connolly W. (2005) *Pluralism*. Durham: Duke University Press.
- Dahl R.A. (2003) *Demokratija i ee kritiki* [Democracy and Its Critics]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Dryzek J. (2000) *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Gaventa J. (1980) *Power and Powerlessness: Quiescence and Rebellion in an Appalachian Valley*. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press.

Hayward C.R. (2000) *De-Facing Power*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hayward C.R. (2010) “Making Interest: on Representation and Democratic Legitimacy” // Shapiro I., S.C.Stokes, E.J.Wood, and A.S.Kirshner, eds. *Political Representation*. Cambridge: Cambridge University Press: 111—136.

Kashirskikh O.N. (2012) “Politicheskie preferentsii v kontekste teorii deliberativnoj demokratii” [Political Preferences in the Context of Deliberative Democracy Theory] // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], no. 1: 20—34. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/political/vestnik-1-2012.pdf> (accessed on 03.11.2022). (In Russ.)

Keane J. (2001) *Demokratija i grazhdanskoe obshchestvo* [Democracy and Civil Society]. Moscow: Progress-Traditsija. (In Russ.)

Lukes S. (1974) *Power: A Radical View*. London: Macmillan.

Mouffe Ch. (1996) “Democracy, Power, and the „Political“” // Benhabib S., ed. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Princeton: Princeton University Press: 245—256.

Mouffe Ch. (2000) *The Democratic Paradox*. London, New York: Verso.

Mouffe Ch. (2003) “Vitgenshtein, politicheskaja teorija i demokratija” [Wittgenstein, Political Theory and Democracy] // *Logos*, no. 4—5 (39): 153—165. (In Russ.)

Mouffe Ch. (2004) “K agonisticheskoy modeli demokratii” [Toward an Agonistic Model of Democracy] // *Logos*, no. 2 (42): 180—197. (In Russ.)

Mouffe Ch. (2007) “Artistic Activism and Agonistic Spaces” // *Art & Research*, vol. 1, no. 2. URL: <http://www.artandresearch.org.uk/v1n2/mouffe.html> (accessed on 03.11.2022).

Mouffe Ch. (2008) “Politika i politicheskoe” [Politics and the Political] // *Politiko-filosofskij ezhegodnik* [Political and Philosophical Yearbook]. Moscow: IF RAN. Issue 1: 88—102. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/pppy_1/6.pdf (accessed on 03.11.2022). (In Russ.)

Mouffe Ch. (2008) “Which World Order: Cosmopolitan or Multipolar?” // *Ethical Perspectives*, vol. 15, no. 4: 453—467.

Mouffe Ch. (2009) “Demokratija v mnogopoljarnom mire” [Democracy in a Multipolar World] // *Prognosis*, no. 2: 59—71. URL: http://intelros.ru/pdf/Prognosis/02_2009/3.pdf (accessed on 03.11.2022). (In Russ.)

Mouffe Ch. (2013) “Radikal'naja demokratija i agonisticheskaja politika” [Radical Democracy and Agonistic Politics] // *Gefter*, 20.11. URL: <http://gefter.ru/archive/10569> (accessed on 03.11.2022). (In Russ.)

Przeworski A. (1999) “Minimalist Conception of Democracy: A Defense” // Shapiro I. and C.Hacker-Cordon, eds. *Democracy's Value*. Cambridge, New York: Cambridge University Press: 23—55.

Shapiro I. (1999) *Democratic Justice*. New Haven: Yale University Press.

Shapiro I. (2003) *The State of Democratic Theory*. Princeton: Princeton University Press.

Shapiro I. (2016) *Politics against Domination*. Cambridge: Harvard University Press.

Tully J. (2008) *Public Philosophy in a New Key. Vol. I: Democracy and Civic Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wolin Sh. (2016) *Fugitive Democracy and Other Essays*. Princeton: Princeton University Press.

Young I.M. (1996) “Communication and the Other: Beyond Deliberative Democracy” // Benhabib S., ed. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Princeton, New York: Princeton University Press: 120—135.

В.С.Левицкий
ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА
ПОЛИТИКИ

Виктор Сергеевич Левицкий — доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Для связи с автором: Victor2609@ukg.net.

Аннотация. Статья посвящена уточнению понимания природы политики. Констатируя отсутствие в научном дискурсе консенсуса даже относительно самого понятия «политика», автор предлагает подход, позволяющий, с его точки зрения, получить наиболее последовательную концептуализацию политического.

Поскольку, несмотря на серьезные расхождения в научных кругах по поводу того, что такое политика, ее происхождение, как правило, связывается с полисом, в своем исследовании природы политики автор опирается прежде всего на анализ этого феномена. Отталкиваясь от трудов Платона и Аристотеля и привлекая работы современных историков и политических философов, он демонстрирует неадекватность трактовки полиса как города, государства или общества и предлагает рассматривать его как сферу «надфизической» и «надэкономической» деятельности граждан по внешней и внутренней гармонизации общественного пространства. В развитие трансценденталистской традиции в статье показывается, что полис — это в первую очередь онтологическая реальность, место, где (в глазах греков) проявлялось бытие сущего.

Учитывая связь между полисом и политикой в античном мире, автор приходит к выводу, что политика как практика организации жизни в полисе — это деятельность по формированию и поддержанию онтологической реальности. Такое понимание политики, по его мнению, справедливо не только применительно к античности. Соответственно, политика определяется им как онтологическое действие, в котором каждый раз разворачивается борьба за судьбу бытия. И в этом отношении природа античной политики мало чем отличается от природы политики средневековой и современной. При всех различиях современного и досовременного политического дискурса данная дефиниция достаточно адекватно характеризует природу политического *per se*.

Ключевые слова: политика, метафизика, онтология, онтологическая реальность, полис

Введение

Современному человеку политика кажется столь же естественным явлением, сколь и всепроникающим. Сегодня говорят о внешней и внутренней политике, политике в области науки, образования, культуры, миграционной, экономической политике и т.д. Существенная часть страхов и надежд нашего современника связана именно с областью политического: какой будет внешний и внутренний курс государства, кто будет следующим президентом и пр. Как минимум со времен Карла Шмитта известно о тотальности политики и ее проникновении во все сферы человеческого бытия¹. То есть политика в той или иной своей ипостаси окружает современного человека всегда. Со своей стороны, даже находясь в областях от политики очень далеких, он имеет какое-то мнение как о вещах политически злободневных, так и о политике как таковой. В общем, важность политики в современном мире трудно переоценить.

¹ Шмитт 2016.

Вместе с тем если переместиться в область научного дискурса, посвященного политике, то обнаружится, что в нем нет консенсуса даже относительно центрального понятия, нет определенности в том, что есть политика. Аристотель считает ее «высшим родом общения»², Карл Маркс и Фридрих Энгельс видят в ней концентрированное выражение экономики³, по мнению Макса Вебера, политика означает «стремление участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти»⁴, Ханна Арендт связывает ее с поступком и словом в публичной сфере⁵, Пьер Бурдьё называет политикой практику конструирования социальной реальности и навязывания ее общественному сознанию⁶. Список этот можно продолжить, но главное понятно и так: унифицированно-го ответа на вопрос, что такое политика, по состоянию на сегодняшний день нет. В этом смысле ситуация схожа с той, когда Августин вопрошал, что такое время. Как известно, он говорил, что пока никто не спрашивает об этом, он знает, что такое время, если же нужно «объяснить спрашивающему — нет»⁷.

² Аристотель. *Политика 1252a 5* (здесь и далее пер. С.А. Жебелева).

³ Маркс и Энгельс 1955: 24.

⁴ Вебер 1990: 646.

⁵ Арендт 2000: 55.

⁶ Бурдьё 2007: 79, 180.

⁷ Августин. *Исповедь XI:XIV, 17*.

Хорошо известно также, что гиппонский епископ не остановился на этой констатации, а принялся изучать время. Учитывая то место, которое занимает политика в современном мире, не остается ничего иного, как последовать его примеру и постараться прояснить природу политики и политического. Что есть политика? Чем занимаются политики, когда занимаются политикой? Какие существуют теоретические подходы к ее концептуализации? Вот те вопросы, поиску ответов на которые посвящена настоящая статья.

Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на отсутствие исследовательского консенсуса по поводу концептуализации политики, некоторое согласие здесь все же присутствует. Сегодня практически нет дискуссий относительно того, что появление политики связано с греческим полисом. С этого исходного момента и логично начать исследование ее природы.

**Полис как
онтологическая
реальность**

Достаточно долгое время полис (πόλις) трактовался как город-государство, реже — как государство, иногда общество. В этом случае политикой de facto оказывались практики управления полисом. С точки зрения современной исторической и философской науки подобное понимание не вполне адекватно и во многом анахронично.

Считается, что этимологически слово «полис» происходит от санскритского «пур», то есть крепость. Но это значение «полис» имел только в самые архаичные эпохи. Со временем оно существенно изменилось. Как отмечает Игорь Суриков, на древнегреческом «полис» означает город, но «не в смысле зданий, улиц и площадей, оборонительных сооружений и т.п., а в смысле совокупности своих свободных и полноправных жителей — граждан»⁸. В глазах древних греков покинутый его гражданами полис таковым уже не являлся, как не был он больше и государством. А вот обратная ситуация была допустима, и совокупность граждан без определенной территории могла претендовать на статус полиса. Суриков ссылается на как минимум два случая, когда в военном походе коллектив граждан (воины) образовывал полис. Так, в 411 г. до н.э. не принявший олигархического переворота в Афинах афинский флот, находившийся в тот момент на о. Самос, основал «полис на кораблях», избрал полисные органы власти и воссоединился с Афинами только после свержения олигархии. Схожая ситуация имела место в 400 г. до н.э., когда греческим воинам с большими сложностями пришлось пробираться от Вавилона к Элладе. Создав полисные структуры, они стали «движущимся полисом»⁹. Важно также напомнить, что субъектами «межгосударственных» отношений тогда были не «государства» — Афины или, скажем, Спарта, — а афиняне и спартанцы. Говоря словами Фукидида, «полис — это люди, а не стены и не порожние корабли»¹⁰.

⁸ Суриков 2012: 20.

⁹ Там же.

¹⁰ Фукидид. История. VII: 77.

На то, что полис не был государством в современном смысле слова, указывает и Франсис Вольф. Современное представление о государстве предполагает противопоставление ему индивидуальных субъектов либо их совокупности — общества. Поэтому государство «давит» на общество. В полисе же все происходит иначе: «давление полиса — это „наше“ давление, как сообщества в его единстве»¹¹. «Государство» и «общество» там во многом одно и то же. Отсюда и разное понимание свободы: в современном мире она измеряется степенью свободы от государства, в античности — мерой участия в жизни полиса. На это обращает внимание, в частности, Арндт. Констатировав, что в отличие от сферы домашнего хозяйства (οἶκος), где господствовала необходимость и которая была нацелена на обеспечение жизнедеятельности, пространство полиса являлось областью свободы¹², она показывает, что из полисной жизни были принципиально исключены господство и подчинение, насилие и власть — все то, что сегодня ассоциируется с государством. Полис — это сообщество равных, свободных граждан, в котором господство и подчинение в значительной степени совпадают. Отталкиваясь от замечания Аристотеля, согласно которому «при

¹¹ Вольф 2011: 308.

¹² Арндт 2000: 42.

¹³ Аристотель.
Политика 1284a.

¹⁴ *Арендт 2000: 37.*

¹⁵ Аристотель.
Политика 1253a.

¹⁶ *Арендт 2000:*
 33–34.

¹⁷ Аристотель.
Политика 1253a.

¹⁸ *Кардинальные отличия античного понимания экономики от современного детально проанализированы в книге Мозеса Финли, где показано, что античности неизвестны такие центральные для современной экономики понятия, как «труд», «продукция», «спрос и предложение», «амортизация», что для античного мира не адекватно сегодняшнее толкование денег и богатство не превращалось там в капитал (см. Finley 1973).*

наилучшем виде государственного устройства гражданином оказывается тот, кто способен и желает подчиняться и властвовать»¹³, Арендт характеризует полис как пространство, где дела решаются рациональным аргументом, словом, а не насилием. «Принуждать других силой, — подчеркивает она, — приказывать вместо того, чтобы убеждать, считалось у греков как бы до-политическим способом межчеловеческого обхождения»¹⁴. Такой способ обхождения был типичен вне полиса. Поэтому не признавались формой политического общения восточные империи (с современной точки зрения они точно могли бы претендовать на статус государства, но полисом, по греческим критериям, они не были). Базируясь на принципах подчинения и господства, то есть в конечном счете на рабских принципах, категорически исключавшихся из основоположений полисной жизни, они рассматривались как дополитические формы общения, а следовательно, по большей части дочеловеческие.

Итак, полис не был государством в современном понимании. Но так же мало его можно считать и обществом. В первой книге «Политики» Аристотель определяет человека как существо политическое, живущее в полисе¹⁵. Однако при переводе на латынь (Сенека) аристотелевское ζῷον πολιτικόν (существо политическое) превратилось в animal sociale (существо социальное). С тех пор социальность стала считаться родовым признаком человека. Неадекватность такого перевода и соответствующего ему понимания убедительно демонстрирует та же Арендт. Греки, естественно, прекрасно знали, что человек не может жить вне общества. Но, с их точки зрения, это не было специфически человеческой чертой, его родовой сущностью; напротив, «социальность» роднила человека с животными, вынужденными вести «общественный» образ жизни для удовлетворения своих жизненных потребностей. Область общественного закрепляется в греческом сознании за удовлетворением нужд, которые налагает на человека сама жизнь, и в этом он не отличается от животного. Политическая же сфера принципиально противоположна общественной и превосходит ее; по большому счету именно в ней и можно стать человеком, подняться над своим животным состоянием¹⁶. Согласно Аристотелю, тот, кто не способен вступить в политическое общение, то есть быть частью полиса, становится либо божеством, либо животным — «недоразвитым в нравственном смысле существом»¹⁷ вроде рабов и варваров, каковые не являются людьми в полном смысле слова.

Таким образом, в восприятии древних греков сфера социального связана с животной природой (жизненной необходимостью), реализуемой в области ойкос (экономики)¹⁸. Поэтому социальность присуща и животным, и рабам, и варварам. Однако нельзя себе представить, чтобы у них был полис. Социальность — не просто недостаточное основание для полиса (политической сферы), а принципиально исключена из него. «Государство, — настаивает Аристотель, — создается не ради того

только, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо; в противном случае следовало бы допустить также и государство, состоящее из рабов или из животных, чего в действительности не бывает»¹⁹. Поэтому все, что касается обслуживания жизни, то есть носит сугубо «общественный» характер, к полису не относится, оно внеполитично. Соответственно, женщины, дети, рабы, слуги, занятые в области домашнего хозяйства, хотя и локализованы в полисе, не являются его частью. Они принадлежат к «обществу», но не к полису.

Суммируя сказанное, можно солидаризироваться с Вольфом, по мнению которого «*полис* не есть ни нация, ни государство, ни общество — и не через негативную неадекватность, а позитивно, по определению. То, что составляет полис, есть тождество сферы власти (которая для нас указывает на „государство“) и сферы сообщества (которая для нас организуется в „общество“), и именно к этому единству (а не к „нации“) каждый чувствует аффективную причастность»²⁰.

Но если полис — это не государство, не общество и не нация, то что же он представляет собой? Сам Вольф предлагает считать полис политическим сообществом²¹. Не отрицая эвристичности такого ответа, его можно назвать преимущественно социологическим. Но возможен и философский ответ, который эксплицирует более глубокие характеристики данного феномена. Исследователи уже достаточно давно обратили внимание на наличие жесткой связи между полисом и логосом. «Полис жил и выражал себя с помощью *логоса*, да и сам был словом, звучащим на *агоре*»²², — утверждает, например, Пьер Видаль-Накэ. Такое заключение родилось не на пустом месте. В трактате «О душе» Аристотель пишет, что логос (*λόγος*) отличает человека от животного²³ и дан как дар для блага²⁴. Вспомним, что и полис создается для благой жизни и отличает человека от животного. Разбирая знаменитое аристотелевское определение человека как существа, наделенного разумом (*ζῷον λόγον ἔχον*), Арент подчеркивает, что его столь же неадекватно переводить термином «*animal rationale*» и усматривать в нем универсальное обозначение человеческой природы, как переводить *ζῷον πολιτικόν* термином «*animal sociale*». По ее мнению, Аристотель здесь определяет не природу человека, а его сущность в той степени, в какой он принадлежит к полису. Логос — характеристика не человека, а человека, живущего в полисе: вне полиса логоса нет. Логос — это сущность полисного человека, и именно логос отличает человека от животного, свободного от раба, грека от варвара. В этом смысле подлинно человеческой жизнью можно жить исключительно в полисе: «...рабы и варвары оставались без логоса, что естественно означало не что они не умеют говорить, а что их жизнь проходит вне логоса и слово как таковое лишено для них значения»²⁵. Сфера разумной речи (*λόγος*) не только обеспечивала область свободы, куда гражданин полиса перемещался из сферы необходимости, но и выделяла образ жизни свободного грека на фоне всех остальных человеческих существ. Тем самым полис становит-

¹⁹ Аристотель. *Политика 1280a 30*. Слово «*πόλις*» оригинального текста «*Πολιτικῆς*» Аристотеля в переводе Сергея Жебелева передано термином «государство».

²⁰ Вольф 2011: 308.

²¹ Там же.

²² Видаль-Накэ 2001: 32.

²³ Аристотель. *О душе 428a 20* (пер. П. С. Попова).

²⁴ Там же 420b 20.

²⁵ Арент 2000: 38.

ся уникально греческой формой экзистенции, позволяющей воплотить представления о достойной жизни.

Вместе с тем полис связан и с более универсальной характеристикой — он позволяет реализовать человеческую сущность, а значит, жить человеческой жизнью. Как уже упоминалось, по Аристотелю, полис создается не просто для жизни (для этого достаточно домашнего хозяйства), а для счастливой и благой жизни, каковая и является его целью²⁶. Как минимум со времен Сократа счастливой считается жизнь разумная и добродетельная. Счастливый должен быть богат «добродетельной и разумной жизнью», пишет Платон в «Государстве»²⁷. Почему именно добродетельной и разумной? Потому что разумная жизнь соответствует природе человека, а жить сообразно своей природе есть счастье. Греки усматривали особенность человека в его разуме, причем, как полагают многие исследователи, речь шла не о дискурсивном мышлении (λόγος), а об умозрении (νοῦς)²⁸. В античной мысли истинным и счастливым могло быть только существование сообразно своей природе; жизнь в животном состоянии, подчиняясь животной части души, отдаляет человека от его природы (разумной части души), а тем самым и от счастья. Эта идея напрямую вытекает из аттической метафизики. И здесь уместно процитировать Сергея Трубецкого, согласно которому для грека «разумное поведение есть истинное, справедливое и в то же время благое поведение, дающее человеку конечное благо, именно потому, что разум есть универсальное начало, сообразно которому устроено все сущее»²⁹. Соответственно, живя разумной жизнью, человек не просто реализует свою природу, но, по выражению Мартина Хайдеггера, настраивается на божественный лад³⁰. В этот момент он ощущает единство с метафизическим началом всего сущего. Полис и выступает тем местом, где воплощается ум (разум), благодаря чему человек может стать человеком.

Полис — это пространство, где правит νοῦς (ум). Идея блага есть причина всего правильного и прекрасного, на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать в частной и публичной сферах, настаивал Платон³¹. Как отмечает Алексей Лосев, полис для Платона есть претворение первообраза³², поэтому философы-правители должны, «увидев благо само по себе, взять его за образец и упорядочить и государство, и частных лиц»³³. Таким образом, понимание полиса выходит далеко за рамки современной политической теории или теории государственного управления. Полис в глазах Платона имеет онтологический статус, подразумевающий возможность воплощения в мире неизменной идеи Блага, то есть формирование в мире не истинно сущем такого места, где проявляется истинно сущий мир.

Рассуждая об устройстве полиса, Аристотель указывает, что верховной властью в нем должен быть закон (νομοί), должностные же лица вправе вмешиваться только при возникновении ситуаций, в законе четко не оговоренных³⁴. Что касается самого закона, то он есть внеш-

²⁶ Аристотель. *Политика 1280a 30; 1280b 40, 462.*

²⁷ Платон. *Государство 521a (здесь и далее пер. А. Н. Егунова).*

²⁸ См., напр. *Арендт 2000: 37.*

²⁹ *Трубецкой 2000: 27.*

³⁰ *Хайдеггер 2009: 203.*

³¹ Платон. *Государство 517c.*

³² *Лосев 1974.*

³³ Платон. *Государство 540b.*

³⁴ Аристотель. *Политика 1282b 5.*

нее проявление разума, причем божественного: «Итак, кто требует, чтобы властвовал закон, по-видимому, требует, чтобы властвовало только божество и разум, а кто требует, чтобы властвовал человек, привносит в это и животное начало, ибо страсть есть нечто животное и гнев со- вращает с истинного пути правителей, хотя бы они были и наилучшими людьми; напротив, закон — это свободный от безотчетных позывов разум»³⁵. В оригинале русскому «разуму» соответствует νοῦς (ум), тот самый νοῦς, который в XII книге «Метафизики» назван божественным умом-перводвигателем, заставляющим в энтелехийном влечении двигаться весь космос³⁶. Ум, выступающий трансцендентным основанием сущего, гарантом эпистемологических возможностей отдельных несо- вершенных человеческих умов, которые способны что-то познавать и мыслить только по причастности к уму божественному, и условием истинного порядка. Но раз так, то полис не просто форма совместного проживания людей, это сфера божественного присутствия, область, где воплощается божественный разум. Полис есть царство разума. И в том смысле, что вместо аргументов силы в нем действует сила рациональ- ных аргументов, и в том, что его центром является божественный ум. Понятно, что именно в таком пространстве человек может жить разум- ной, а значит, счастливой и благой жизнью.

³⁵ Там же 1287a 30.

³⁶ Аристотель. Метафизи- ка XII (пер. А. В. Кубицкого).

³⁷ Хайдеггер 2009: 197.

³⁸ Там же: 196—197.

³⁹ В настоящем исследовании онтологическая реальность по- нимается как тотальность бытия сущего, де- терминированная аксиоматически (априорными) установками мышления и прак- сиса, которые определяют облик существующего, а также само существующее в его фундаментальных характеристиках (тип предмет- ности и причин- ности, простран- ственно-временная структура, иерар- хия сущностей и их системность). Тематизацию кон- цепта «онтологи- ческая реальность» см. Хюбнер 1994; Белокобыльский 2008; Касавин 2013.

Эту онтологическую природу полиса заметил еще Хайдеггер. Он резко критикует трактовку полиса как города-государства, полагая, что она нивелирует саму суть того, что греки называли полисом. По его мнению, суть полиса коренится в ἀλήθεια, то есть в истине как не- потаенности (несокрытости), позволяющей бытию проявиться, обеспе- чивающей просвет бытия. В связи с этим понимание сути полиса воз- можно лишь на онтологическом уровне. «Между πόλις и „бытием“, — подчеркивает Хайдеггер, — царствует изначальная соотнесенность»³⁷. Полис — то уникальное место, где для грека могло проявиться бытие. Другими словами, полис — это эпизод в истории бытия. Он «дает су- щему возможность проявиться в своем бытии... Полис есть собранное в себе средоточие несокрытости сущего»³⁸. Соответственно, полис — это в первую очередь онтологическая реальность³⁹, а не политическая в современном смысле. Поэтому все определения полиса, исходящие из современного понимания политического, бьют мимо цели.

Таким образом, πόλις — это τόπος (место), в котором звучит λόγος (разумная речь) и правит νοῦς (ум). Его характеристиками являются не комфорт или безопасность и даже не господство и подчинение, а то, что там человек может жить сообразно своей природе, а значит, действи- тельно стать человеком. Возможно это потому, что место это не столь- ко антропологический, сколько онтологический феномен. Это место явления бытия сущего, место, в котором роль νομοῦς (закона) выполняет божественный νοῦς (ум). В конечном счете это место, обеспечивающее связь с трансцендентным.

Политика как онтологическое содействие⁴⁰ Хайдеггер 2009: 210.⁴¹ Видаль-Накэ 2001: 41.⁴² Арендт 2000: 33.

Отталкиваясь от изложенного, можно поставить вопрос о понимании политики в классической античности и попытаться эксплицировать ее природу. Существует как минимум два противоположных взгляда на статус политики у древних греков. Хайдеггер называет их «совершенно неполитическим народом»⁴⁰, имея в виду, что современные представления о политическом нерелевантны их миру. В свою очередь некоторые историки (например, Видаль-Накэ и Суриков) склонны усматривать в них цивилизацию «политического разума»⁴¹, в какой-то степени игнорируя различие между культурными мирами.

По мнению Арендт, греческое понимание политики кардинально отличается от современного, и истоки такого положения дел кроются именно в том, что контуры этого понимания всецело задавались полисом⁴². Из представленного выше описания полиса очевидно, что политическая сфера как практика существования в полисе принципиально исключала все виды деятельности, связанные с поддержанием жизни (хозяйствование) и преследующие утилитарные цели. Поэтому вполне органичное для современного человека понятие «политическая экономия» совершенно немислимо в античной Греции, оно есть противоречие в определении. Экономика воспринималась там как нечто внеполитическое, принадлежащее к сфере частного. Политикой же была сфера публичного поступка/слова как область уникально человеческая, область свободы и бессмертия. Чтобы почувствовать разницу между античным и современным пониманием политики, необходимо обратить внимание на ее роль и статус в каждом из этих культурных миров. Для современного человека характерно рассматривать политику как прикладную сферу, призванную управлять другими — экономикой, образованием, демографией, внешними отношениями и т.д. И если представить, что в этих сферах наведен порядок, политика становится как бы не нужной, излишней (так считали классики марксизма, прогнозируя отмирание государства вслед за исчезновением классов; так считают современные неоллибералы, настаивая на замене государства свободным рынком). Для грека такое отношение непредставимо. С его точки зрения, в политической сфере происходит главное — в ней становятся полноценными людьми и живут жизнью, достойной свободных людей. И если все жизненные вопросы решены, это свидетельствует о том, что пришло время заняться политикой.

Действительно, политика для греческого мира — это не только и не столько практика по организации общественной/государственной жизни. Наглядное подтверждение тому дают классические тексты. В «Государстве» Платон пишет, что политика предполагает воплощение божественного на земле. Для этого философ должен подняться до созерцания блага, но не остаться в этом состоянии, а спуститься вниз в качестве философа-правителя и сообразно полученному знанию обустроить полис⁴³. В свою очередь в диалоге «Политик» он называет политику царским искусством (ткачеством, сплетающим совершенную

⁴³ Платон. Государство 519a.

⁴⁴ Платон. *Политик 311c* (пер. С.Я.Шейнман-Топштейн).

полисную ткань), которому подчиняются другие виды искусств⁴⁴. Возможным такое искусство становится лишь в том случае, если политик ориентируется на идею справедливости и блага. Здесь нетрудно заметить, что политика у Платона — логическое продолжение метафизики, ее «практическая» часть. Ее цель — обустроить онтологическую реальность, представляющую собой воплощение метафизических оснований. При всех разногласиях со своим учителем Аристотель высказывает схожие мысли. Политику он именует главной «из всех наук и искусств», которая занимается высшим благом⁴⁵. Она призвана обеспечить наиболее совершенный вид человеческого общения, позволяющий людям жить сообразно своим стремлениям⁴⁶, то есть, собственно, реализоваться в качестве людей, стать людьми. Достигается это благодаря воплощению в общественной жизни божественного закона (разума), в результате чего и индивидуальный человек живет в согласии с разумом, то есть в соответствии со своей природой.

⁴⁵ Аристотель. *Политика 1282b* 15.

⁴⁶ Там же: 1260b 25.

Учитывая связь между полисом и политикой в античном мире, можно полагать, что в глазах древних греков политика должна была организовывать и поддерживать то место (полис), где могло проявиться бытие сущего. То есть это действие в первую очередь онтологического порядка, практика по обустройству онтологического проекта. В этом смысле политика схожа с мистериями и инициациями: в политической сфере поддерживается определенный порядок бытия, а человек получает новую природу (*ζῆον πολιτικόν*), становится полноценным. Следует сказать, что связь политического с нуминозным не исчезла и в современном секуляризованном мире: ритуальность и символизм по-прежнему играют значительную роль в политическом дискурсе, а сакральность власти выступает важной ее характеристикой. Политика родилась в Древней Греции как деятельность по формированию онтологической реальности; в своих сущностных характеристиках она остается таковой и сегодня.

Поэтому любые функциональные определения политики, отталкивающиеся от понятий «государство», «власть», «насилие» и т.д., не затрагивают «нерва» античного понимания политики. Подобные определения можно сравнить с описанием таинства евхаристии как совместного вкушения хлеба и вина под руководством специально подготовленных и облаченных в специальную одежду людей — все это так, но о сути дела не говорит ничего. Судя по всему, не проясняют они и природу современной политики. Очевидно, что «политика» Платона или Аристотеля является практическим преломлением их метафизических доктрин. И в этом отношении они не одиноки; подтверждением тому служат политические построения Августина, Фомы Аквинского или Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Но можно зафиксировать и более глубинную связь, экспликация которой позволит сформулировать определение политики. Даже столь масштабные и фундаментальные концепции, как учения Аристотеля, Августина или Иммануила Канта,

жестко ориентированы на культурную метафизику (универсалии культуры), будучи скорее ее рационализацией. Это понимал Гегель, когда писал, что философия есть эпоха, схваченная в понятиях⁴⁷, это отмечал Хайдеггер, говоря, что «метафизика лежит в основании эпохи»⁴⁸, на это обращал внимание Робин Джордж Коллингвуд, когда называл метафизику предпосылкой любой «физики»⁴⁹. Собственно, вокруг этого метафизического стержня и формируется тело культуры, определенная онтологическая реальность. Это проливает свет и на бескомпромиссную агоничность современной политической борьбы, так как политика сохраняет память о своей онтологичности и борьба партий есть борьба за реальность, за судьбу бытия.

Исходя из этого, можно предложить следующее определение политики, учитывающее ее онтологическую укорененность. *Политика — это практика формирования и поддержания онтологической реальности как воплощения метафизических основоположений эпохи, демиургическая деятельность по превращению универсалий/смыслов в онтологическую реальность.* В этом смысле политическая практика всегда следствие метафизической теории. Когда Кант говорит о необходимости расширения юридически-правового (политического) состояния вплоть до достижения вечного мира, что позволит раскрыться лучшим способностям человека⁵⁰, он в той же мере ориентируется на максимум Просвещения, понятую как автономия разума, в какой Платон, рассуждая об идеальном полисе, ориентируется на императивы мифического разума. Разница здесь не в понимании политики как практики обустройства онтологической реальности, а в форме последней. Для Платона она неразрывно связана с трансцендентным, у Канта такая связь существенно проблематизирована.

И здесь важно подчеркнуть два момента. Во-первых, политика является онтологическим действием по определению. Отсюда вытекает, что ее предназначение и состоит в том, чтобы формировать и поддерживать онтологическую реальность. Для этого создаются релевантные метафизическим установкам эпохи социальные и политические институты, учреждаются организации, складываются практики. В этом плане, например, возникновение политических партий настолько же детерминировано представлением о равенстве автономных разумов (субъектов), нашедшим выражение во всеобщем избирательном праве, насколько избрание должностных лиц полиса путем жребия, исключаящим «человеческий фактор» и отражающим божественную волю, связано с убежденностью в зависимости мира людей от мира богов. Конечно, этический акт или, скажем, педагогическая практика тоже в известной степени работают на поддержание существующей онтологической реальности, но, в отличие от акта политического, они выполняют эту функцию лишь имплицитно, в основе своей будучи обращены на другую предметную область⁵¹. Политическое же действие эксплицитно направлено на формирование определенного порядка бытия, опреде-

⁴⁷ См. Гегель 2000.

⁴⁸ Хайдеггер 1993: 41.

⁴⁹ Коллингвуд 1980: 360.

⁵⁰ Кант 1966: 12—13.

⁵¹ См. Белокобыльский и Левицкий 2022.

ленной онтологической реальности. И даже если какой-то конкретный политик не отдает себе в этом отчета, это не меняет общего положения дел.

Во-вторых, политическая теория и практика всегда ориентированы на метафизическое ядро культуры, в эксплицитной форме представленное, как правило, в виде разработанных метафизических доктрин. В этом смысле политика всегда следует за метафизикой. Трансформации в области метафизического дискурса неминуемо отражаются в политической сфере: глубинные причины изменений целей и средств политики кроются в области метафизики. Поэтому, когда политика вдруг начинает быть направлена на формирование новой онтологической реальности, это не значит, что она вышла из-под диктата метафизики, а говорит лишь об утверждении нового типа последней. Это подметил уже Лео Штраус, отмечавший, что «теория как либеральной демократии, так и коммунизма возникла во время первой и второй волн современности; политическим последствием третьей волны оказался фашизм»⁵². Как известно, эти «волны современности» Штраус связывал с именами Никколо Макиавелли, Жан-Жака Руссо и Фридриха Ницше, изменивших, по его мнению, моральный и метафизический климат Европы. И даже попытки обосновать самостоятельность и самодостаточность политического, как в случае Шмитта, отвергавшего любые варианты редукции политики к этике, экономике, религии⁵³, не отменяют общего положения о зависимости политики от метафизики. Шмитт не столько «освобождает» политическое от диктата метафизического, сколько поднимает различие друга и врага на метафизический уровень.

⁵² Штраус 2000: 81.

⁵³ Шмитт 2016.

Соответственно, можно предложить еще одно обобщающее определение политики. *Политика — это онтологическое содействие, направленное на формирование и поддержание онтологической реальности.* При всех различиях современного и досовременного политического дискурса данная дефиниция в значительной степени описывает природу политической практики как античного мира, так и средневекового и современного.

* * *

Подводя итог, можно сформулировать три тезиса, в известной мере отвечающих на поставленные в начале статьи вопросы.

1. Дискурсом, позволяющим эксплицировать наиболее фундаментальные характеристики политики, выступает философия. Она является наиболее эвристичной исследовательской стратегией, и это касается не только анализа политического.
2. Политика находится в жесткой связке с метафизикой, будучи формой практического ее воплощения. Это справедливо в отношении как политических теорий, так и политической практики.

3. Природа политики открывается только на онтологическом уровне. Политика — это практика по обустройству онтологической реальности. Вступая в сферу политического, человек попадает в область демиургического сотворения.

Библиография

- Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя.
- Белокобыльский А.В. (2008) *Основания и стратегии рациональности Модерна*. Київ: ПАРАПАН.
- Белокобыльский А.В. и В.С.Левицкий. (2022) «Онтологические горизонты этического, или Насколько глубок кризис современной этики» // *Вопросы философии*, № 7: 27—38.
- Бурдые П. (2007) *Социология социального пространства*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Вебер М. (1990) «Политика как призвание и профессия» // Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс: 644—707.
- Видаль-Накэ П. (2001) *Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире*. М.: Ладомир.
- Вольф Ф. (2011) «Поліс» // *Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей*. Т. 1. Київ: Дух і літера: 307—310.
- Гегель Г.В.Ф. (2000) *Лекции по истории философии*. СПб.: Наука.
- Кант И. (1966) «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» // Кант И. *Собрание сочинений: В 6 т.* Т. 6. М.: Мысль: 5—23.
- Касавин И.Т. (2013) *Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы*. М.: Альфа-М.
- Коллингвуд Р.Дж. (1980) *Идея истории: Автобиография*. М.: Наука.
- Лосев А.Ф. (1974) *История античной эстетики. Т. 3: Высокая классика*. М.: Искусство.
- Маркс К. и Ф.Энгельс. (1955) «Немецкая идеология» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 3. М.: Государственное изд-во политической литературы: 7—544.
- Суриков И.Е. (2012) *Поліс, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Трубецкой С.Н. (2000) *Учение о логосе в его истории*. М.: АСТ; Харьков: Фолио.
- Хайдеггер М. (1993) «Время картины мира» // Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика: 41—62.
- Хайдеггер М. (2009) *Парменид*. СПб.: Владимир Даль.
- Хьюбнер К. (1994) *Критика научного разума*. М.: ИФРАН; Бонн: Интер Национес.
- Шмитт К. (2016) *Понятие политического*. СПб.: Наука.

Штраус Л. (2000) «Три волны современности» // Штраус Л. *Введение в политическую философию*. М.: Логос; Праксис: 68—81.

Finley M.I. (1973) *The Ancient Economy*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

політика

V.S. Levytskyy

THE ONTOLOGICAL NATURE OF POLITICS

Victor S. Levytskyy — Doctor of Philosophy; Associate Professor at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Email: Victor2609@ukr.net.

Abstract. The article is devoted to clarifying the understanding of the nature of politics. Having documented the lack of consensus in the scientific discourse even regarding the very concept of politics, the author proposes an approach that, from his point of view, allows to obtain the most consistent conceptualization of the political.

In his study of the nature of politics, the author relies primarily on the analysis of the phenomenon of polis, because, despite serious disagreements in the scientific circles about what politics is, its origin is generally associated with polis. Based on the works of Plato and Aristotle and drawing on the works of modern historians and political philosophers, he demonstrates the inadequacy of the interpretation of polis as a city, state or society, and proposes to consider polis as a sphere of “supra-physical” and “supra-economic” activity of citizens in external and internal harmonization of public space. In the development of the transcendentalist tradition, the article shows that polis is primarily an ontological reality, a place where (in the eyes of the Greeks) the existence of being was manifested.

Taking into account the connection between polis and politics in the ancient world, the author comes to the conclusion that politics as a practice of organizing life in polis is an activity for the formation and maintenance of ontological reality. Such an understanding of politics, in his opinion, is valid not only in relation to antiquity. Therefore, he defines politics as an ontological action, in which a struggle for the fate of being unfolds every time. In this respect, the nature of ancient politics differs little from the nature of medieval and modern politics. Despite all the differences between modern and pre-

modern political discourse, this definition quite adequately characterizes the nature of the political per se.

Keywords: politics, metaphysics, ontology, ontological reality, polis

References

- Arendt H. (2000) *Vita activa, ili O dejatel'noj zhizni* [The Human Condition]. St Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Belokobyl'skiy O.V. (2008) *Osnovaniya i strategii ratsional'nosti Moderna* [Foundations and Strategies of Rationality of Modern]. Kyiv: PARAPAN. (In Russ.)
- Belokobyl'skiy O.V. and V.S.Levytskiy. (2022) "Ontologicheskie gori-zonty eticheskogo, ili Naskol'ko glubok krizis sovremennoj etiki" [Ontological Horizons of Ethical or How Deep Is the Crisis of Contemporary Ethics] // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 7: 27–38. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociologie de l'espace social]. Moscow: Institut eksperimental'noj sostiologii; St Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Collingwood R.G. (1980) *Ideja istorii. Avtobiografija* [The Idea of History. An Autobiography]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Finley M.I. (1973) *The Ancient Economy*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
- Heidegger M. (1993) "Vremja kartiny mira" [Die Zeit des Weltbildes] // Heidegger M. *Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika: 41–62. (In Russ.)
- Heidegger M. (2009) *Parmenid* [Parmenides]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Hegel G.W.F. (2000) *Leksii po istorii filisofii* [Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte]. St Petersburg: Nauka.
- Hubner K. (1994) *Kritika nauchnogo razuma* [Kritik der wissenschaftlichen Vernunft]. Moscow: IFRAN; Bonn: Inter Natsiones. (In Russ.)
- Kant I. (1966) "Ideja vseobshchej istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane" [Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht] // Kant I. *Sobranie sochinenij: V 6 t.* [Collected Works: In 6 Volumes]. Vol. 6. Moscow: Mysl': 5–23 (In Russ.)
- Kasavin I.T. (2013) *Sotsial'naja epistemologija: Fundamental'nye i prikladnye problemy* [Social Epistemology: Basic and Applied Problems]. Moscow: Al'fa-M. (In Russ.)
- Losev A.F. (1974) *Istorija antichnoj estetiki. T. 3: Vysokaja klassika* [History of the Ancient Aesthetics. Vol. 3: High Classics]. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
- Marx K. and F.Engels. (1955) "Nemetskaja ideologija" [Die Deutsche Ideologie] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury: 7–544. (In Russ.)
- Schmitt C. (2016) *Ponjatie politicheskogo* [Der Begriff des Politischen]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Strauss L. (2000) “Tri volny sovremennosti” [The Three Waves of Modernity] // Strauss L. *Vvedenie v politicheskiju filosofiju* [An Introduction to Political Philosophy]. Moscow: Logos; Praxis. (In Russ.)

Surikov I.E. (2012) *Polis, logos, kosmos: mir glazami ellina. Kategorii drevnegrecheskoj kul'tury* [Polis, Logos, Cosmos: the World Through the Eyes of a Hellene. Categories of Ancient Greek Culture]. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke. (In Russ.)

Trubetskoy S.N. (2000) *Uchenie o logose v ego istorii* [The Doctrine of the Logos in Its History]. Moscow: AST; Kharkiv: Folio. (In Russ.)

Vidal-Naquet P.E. (2001) *Chernyj okhotnik: Formy myshlenija i formy obshchestva v grecheskom mire* [Le chasseur noir: Formes de pensée et formes de société dans le monde grec]. Moscow: Lodomir. (In Russ.)

Volf F. (2011) “Polis” // *Evropejs'kij slovník filosofij: Leksikon neperekladnostej* [Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles]. Vol. 1. Kyiv: Dukh i litera: 30—46. (In Ukr.)

Weber M. (1990) “Politika kak prizvanie i professija” [Politik als Beruf] // Weber M. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Moscow: Progress: 644—707. (In Russ.)

политика

Е.И.Учаев, М.В.Харкевич
НЕМЫСЛИМОСТЬ
ТОТАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ:
ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА
МОДЕРНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА¹

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-01054 (<https://www.rscf.ru/project/22-28-01054/>).

Евгений Иванович Учаев — магистр международных отношений, преподаватель и аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. Для связи с автором: eugeneuchaev@gmail.com.

Максим Владимирович Харкевич — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. Для связи с автором: kharkevich@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме релевантности политического реализма в условиях возможности тотальной планетарной катастрофы. Согласно гипотезе Е.Учаева и М.Харкевича, современный политический реализм — это постапокалиптическое течение мысли, базирующееся на представлении о наступлении окончательного состояния мира. Следовательно, в эпоху угроз существованию человечества реализм может быть отвергнут не по внешним основаниям, но в силу опровержения постапокалиптического мировоззрения, которое исторически и делало его возможным.

Политический реализм определяется в статье как подход к международным отношениям, постулирующий неизбежность конфликтов между множеством политических субъектов. Демонстрируется, что такой образ мысли требует восприятия времени как бесконечного. Опираясь на работы Бруно Латура и Эрика Фёгелина, Учаев и Харкевич показывают, что такое восприятие времени сформировалось на рубеже Средневековья и Нового времени через самопозиционирование Модерна как постапокалиптической эпохи, а государства Модерна — как постапокалиптического субъекта. Изучение текстов современного политического реализма подтверждает гипотезу о его постапокалиптической природе. Последовательно реалистская позиция обнаруживается только после укоренения в Европе постапокалиптического самовосприятия (ориентировочно в середине XVII в.) в результате триумфа суверенного государства. Она наиболее ярко раскрывается в концепции баланса сил конца XVII—XVIII вв. Авторы же, писавшие до

либо накануне данного перелома (Никколо Макиавелли и Томас Гоббс), в своих произведениях обращаются к апокалиптико-утопическому горизонту, где разобщенность трансформируется в политическое единство. В свою очередь возникшая в середине XX в. угроза тотальной ядерной войны становится для Ганса Моргентау, Джона Герца и Рейнхольда Нибура стимулом к преодолению реализма и разработке проектов глобальной политической реформы. Однако, по заключению Учаева и Харкевича, преодоление реализма останется незавершенным, пока не будет решена проблема политического субъекта глобальной реформы.

Ключевые слова: политический реализм, постапокалипсис, Модерн, государство, международные отношения, эсхатология

Введение

Политический реализм остается доминирующим направлением в осмыслении международных отношений (как минимум в России² и США³). В условиях обострения соперничества великих держав⁴ и общего укрепления позиций государства⁵ такая приверженность реализму, с одной стороны, понятна, с другой стороны, ввиду наличия беспрецедентных вызовов, чреватых уничтожением человечества *per se* и требующих масштабного международного сотрудничества⁶, небезопасна. Соответственно, встает вопрос об отношении к реализму в условиях глобальных экзистенциальных угроз.

Существует три ответа на этот вопрос. *Первый*: признать, что любые усилия по решению глобальных проблем возможны только в рамках фундаментальных закономерностей международной политики, фиксируемых реализмом (в частности, при центральной роли государства)⁷. Главная слабость данного подхода — отсутствие уверенности в достаточности таких усилий. *Второй*: отбросив реализм, разрабатывать сценарии трансформации миропорядка, соразмерные существующим вызовам⁸. Очевидный недостаток здесь — сомнительная практическая реализуемость, что косвенно признают и приверженцы этой линии⁹. Наконец, *третий*: попытаться каким-то образом совместить реализм и «утопию»¹⁰, к чему призывал еще Эдвард Халлетт Карр¹¹. Непротиворечивость получающихся в результате концепций, однако, вызывает сомнения даже у самих сторонников подобного синтеза¹².

Обратим внимание, что все три ответа исходят из имманентной дихотомии двух позиций: реализма и утопизма/идеализма. Показателен пример того же Карра, который, призывая к синтезу, одновременно описывал антитезу утопии и реальности как фундаментальную, проявляющуюся во множестве форм мысли¹³. Аналогичное бинарное противопоставление характерно и для других классических работ¹⁴, вследствие чего оно стало восприниматься в науке о международных отношениях как учредительное — «первые великие дебаты»¹⁵.

В настоящей статье обосновывается ошибочность дихотомического противопоставления реализма и идеализма-утопизма, которые

² Бордачев 2022.

³ *Should U.S. Foreign Policy 2020.*

⁴ *Trenin 2014; Wohlforth 2021.*

⁵ *Силаев и Проценко 2020; Каспе 2021.*

⁶ *Ord 2020.*

⁷ *Lieven 2020.*

⁸ *Biermann 2014; Bostrom 2019.*

⁹ *См., напр. Biermann 2014: 10.*

¹⁰ *Booth 1991; Scheuerman 2011.*

¹¹ *Carr 1981: 10.*

¹² *Scheuerman 2019.*

¹³ *Carr 1981: 11.*

¹⁴ *Morgenthau 1947; Herz 1951.*

¹⁵ *Lake 2013: 569.*

¹⁶ *Попытку примирить идеализм и реализм в рамках секулярной республиканской традиции см. Deudney 2007.*

¹⁷ *Робертс 2021.*

¹⁸ *Guilhot 2010; Brown 2015; Paipais 2016; Rengger 2017.*

¹⁹ *Аверинцев 2005: 61, 473, 520; Taubes 2009; Лёвиг 2021.*

²⁰ *Guilhot 2010.*

²¹ *Paipais 2016.*

²² *Steele 2007.*

²³ *McQueen 2018.*

²⁴ *Ibid.: 14.*

²⁵ *Ibidem.*

²⁶ *Ibid.: 20—21.*

²⁷ *Ibid.: 196.*

²⁸ *Ibid.: 14.*

²⁹ *Макиавелли периода «Государя» для МакКуин — пример апокалиптики per se, а не реалистского обращения к ней (см. Ibid.: 79—96).*

³⁰ *Ibid.: 13—14.*

при этом рассматриваются не как секулярные теории¹⁶, а как *политические теологии*. Политико-теологический ракурс избран прежде всего в связи с распространенностью апокалиптических метафор, образов и настроений в дискуссиях о современных глобальных угрозах¹⁷. Но он вполне легитимен и академически: в последние годы появился целый ряд работ о теологических аспектах политического реализма¹⁸; широкое хождение имеет и тезис о преемственности между христианской эсхатологией и нововременными утопическими идеологиями и философиями¹⁹. В связи с этим проблема реализма в эпоху глобальных экзистенциальных угроз, как представляется, вполне может быть переформулирована как проблема реализма в апокалиптические времена.

На первый взгляд, такая реинтерпретация мало что дает, поскольку для большинства авторов теологическое измерение реализма, трактуется ли оно как катехонтизм²⁰ или как августирианство²¹, находится в оппозиции к эсхатологии и любым мессианским политическим проектам, например неоконсерватизму²². Однако недавняя книга американской исследовательницы Алисон МакКуин «Политический реализм в апокалиптические времена»²³ позволяет предположить, что исходного и однозначного противоречия между реализмом и эсхатологией не существует. Ее анализ трудов Никколо Макиавелли, Томаса Гоббса и Ганса Моргентау показывает, что «стратегии их ответа на апокалиптизм значительно более многогранны, чем простое и автоматическое противостояние»²⁴. Согласно МакКуин, упомянутые мыслители прибегают к двум стратегиям. Первой из них является «перенаправление» (redirection) — «использование апокалиптической риторики и образов с целью противодействия крайностям апокалиптизма»²⁵. Примером такого «перенаправления» может служить возникновение Левиафана — кульминация и одновременно преодоление «ужаса и хаоса естественного состояния», выступающее у Гоббса секулярным эквивалентом апокалипсиса²⁶, а также ядерная война — ужасающий «апокалипсис без искупления», перспектива которого в глазах позднего (после 1960 г.) Моргентау выдвигает императив построения мирового государства²⁷.

Впрочем, поскольку МакКуин тоже не удается полностью избежать дихотомического противопоставления реализма и апокалиптики (в частности, по ее мнению, обращения Гоббса и позднего Моргентау к апокалиптизму «входят в конфликт с их приверженностью реализму»²⁸), более естественной для реализма она считает вторую стратегию — «отвержение» (rejection), под которым понимается «принципиальный и осознанный отказ от апокалиптизма и принятия трагического мировоззрения», характерные для позднего (периода «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия») Макиавелли²⁹ и раннего (1940—1950 гг.) Моргентау³⁰. Но если так, становится непонятно, почему реалисты в принципе прибегали к «перенаправлению» апокалиптизма, а не только к его «отвержению».

Сама МакКуин пытается объяснить это противоречие двумя способами — через психологическую тяжесть последовательного реализма

- ³¹ *Ibid.*: 194—195. с его «трагическим» видением мира³¹ и через присущее реализму внимание к контексту. Второе объяснение подразумевает, что в условиях распространения апокалиптических настроений или перед лицом угроз действительно апокалиптического масштаба реалист будет обращаться к апокалиптизму с целью обеспечить практическую релевантность своего анализа³². Эти объяснения, на наш взгляд, недостаточны. Так, не все реалисты прибегают к эсхатологическим нарративам: их нет у Кеннета Уолтца³³, равно как и в древнегреческом реализме и древнегреческой трагедии³⁴, что ставит под вопрос ссылку на психологическую тяжесть. В свою очередь указание на внимание к контексту заставляет ожидать чисто инструментального использования апокалиптики, но, как демонстрирует та же МакКуин, аргументы Гоббса и Моргантау являются (квази)апокалиптическими не по форме, а по сути: они «используют надежды и страхи, связанные с апокалипсисом, чтобы обеспечить приверженность людей политическим порядкам, обещающим вечный мир»³⁵.

³⁵ *McQueen 2018*: 14.

Как представляется, ключ к пониманию истоков апокалиптической риторики реалистов следует искать в присущем реализму бесконечном восприятии времени, формирование которого и будет положено в центр нашего анализа.

Центральный аргумент и концептуальная рамка

В настоящей статье мы исходим из того, что модерный реализм с самого начала был генеалогически связан с апокалиптикой, поскольку необходимая для реализма бесконечная темпоральность учреждалась через позиционирование политического субъекта «после конца времен», «после апокалипсиса». Следовательно, противостояние реализма и утопизма может быть прочитано как спор между постапокалиптической и апокалиптической точками зрения. В этом случае модерный реализм, постулирующий неизбежную конфликтность и множественность политических субъектов, предстает не вековечной мудростью, гарантирующей неизменно точное описание реальности, а исторически обусловленной концепцией, зависящей от корректности постапокалиптической картины мира. Наступление ядерного века (и, шире, эпохи Антропоцена), опровергающее постапокалиптическое восприятие³⁶, побуждает отвергнуть реализм не по внешним для него соображениям, но в силу исчезновения тех исторических условий, которые с самого начала и делали его возможным.

³⁶ *Hamilton 2017*; *Uchaev 2021*.

Соответственно, сегодня есть все основания для принятия эсхатологического мировоззрения. Однако эсхатология (утопия) в свою очередь сталкивается с проблемой (теолого)политического субъекта, адекватного ядерному веку. Если эта проблема не будет решена, эсхатологическое мышление рискует оказаться столь же беспомощным перед лицом угрозы всеобщего конца, как и реализм.

³⁷ *Latour 2017*: 184—219.

Теоретической основой статьи служит тезис Бруно Латура о Модерне как постапокалиптической эпохе³⁷, эмпирически же представ-

ленная аргументация отталкивается от приведенных выше наблюдений МакКуин. Соединяя эти два источника, мы, во-первых, получаем более логичное и полное, чем у МакКуин, объяснение присутствия апокалиптики в реалистской мысли, а во-вторых, дополнительно подкрепляем тезис Латура на примере развития политического реализма в Новое время.

Для более убедительного обоснования выдвигаемой концепции мы расширяем охват анализа: помимо присутствующих у МакКуин Макиавелли, Гоббса и Моргентау, в статье рассматриваются концепция баланса сил в европейской политической мысли конца XVII—XIX вв., классические реалисты Рейнхольд Нибур и Джон Герц и неореалисты Уолтц и Джон Миршаймер. Масштаб темы обуславливает опору прежде всего на вторичную литературу; привлечение первоисточников носит преимущественно иллюстративный характер.

«Политический реализм» — многозначное понятие. В наиболее общем плане под ним понимается установка на практическую реализуемость выдвигаемых политических предложений, подразумевающая также учет социально-политического контекста действия при его этической оценке³⁸. Вместе с тем в науке о международных отношениях реализм приобрел более специфическое значение. Здесь реализм — это взгляд на международную политику, исходящий из трех презумпций: (1) множественность политических субъектов; (2) конфликтный характер отношений между ними; (3) неизбежность множественности и конфликтности. Выделение этих презумпций в качестве ключевых черт реализма согласуется с подходами как самих реалистов³⁹, так и сторонних исследователей данной традиции⁴⁰.

Эти два понимания реализма связаны. Реализм в международных отношениях просто фиксирует анархический и конфликтный контекст как неизменный, тестируя все возможные действия на предмет соответствия ему. За подобной фиксацией можно усмотреть и общую логику: при непосредственном эмпирическом восприятии реальность действительно предстает как множественность отдельных и часто противостоящих друг другу элементов. Универсальность и единство не схватываются непосредственным восприятием, а выводятся мысленным усилием, причем получающаяся в результате идейная конструкция постоянно рискует не выдержать очередного столкновения с множественной реальностью. В статье, когда особо не оговаривается иное, подразумевается второе, более конкретное понимание реализма.

В свою очередь, говоря об эсхатологии, мы имеем в виду «универсальную эсхатологию, то есть учение о цели и назначении космической и человеческой истории, об исчерпании ими своего смысла, об их конце и о том, что за этим концом последует»⁴¹. Эсхатологический нарратив содержит идею конца истории или конца времен, вслед за которым наступает новое, совершенное состояние мира — вечность / постистория / утопия (конечно, только для праведников). В миллениаризме и хилиазме это событие конца раздваивается: собственно концу времен

³⁸ Williams B. 2005: 1—17; Geuss 2008.

³⁹ См., напр. Morgenthau 1947: 175; Ripsman, Taliaferro, and Lobell 2016: 179.

⁴⁰ Bell 2008: 5; Williams M. C. 2005: 9.

⁴¹ Аверинцев 2005: 512.

в виде Страшного суда и наступления Царства Божия предшествует Тысячелетнее царство как последняя — и опять же совершенная — эпоха внутри истории⁴². Однако основной центр внимания и надежды здесь переносится на точку перехода к Тысячелетнему царству, и тем самым общая структура «история — конец истории — идеальное после» в главной своей сути остается неизменной. Во многом синонимичен «эсхатологии» и термин «апокалиптика» — с тем уточнением, что он обычно подчеркивает катастрофический характер события конца, предшествующего окончательному избавлению⁴³. Поскольку два принципиально важных для нашего изложения автора — Латур и МакКуин — используют в основном понятие «апокалиптика» («апокалиптический»), в статье отдается предпочтение именно ему, в том числе в случаях полной взаимозаменяемости с «эсхатологией». Отсюда, в частности, положительный оттенок значения слова «постапокалипсис» в контексте нашего исследования.

Статья состоит из шести частей (включая текущий раздел и введение). В следующей части обосновывается тезис Латура о постапокалиптической природе эпохи Модерна. В четвертой и пятой частях проверяется, соответствуют ли закономерности развития реализма в Новое время (XVI — XXI вв.) следствиям, вытекающим из тезиса Латура. В последней части подводятся итоги и намечаются пути решения проблемы современного эсхатологического субъекта.

⁴² Мольтман 2017: 156—161.

⁴³ Аверинцев 2005: 59.

Бесконечность реализма, государство и конец времен

Обратим внимание на различное восприятие времени в реализме и апокалиптике. МакКуин отмечает, что реализм «противопоставляет апокалиптической уверенности в направлении движения истории циклическое понимание политического времени»⁴⁴. Конкретно циклический характер темпоральности реализма может оспариваться — иногда она описывается как «открытая», допускающая новизну и изменения⁴⁵. Однако базового различия это уточнение не затрагивает: для реализма время бесконечно (будь то бесконечность циклического повторения или же ничем не ограниченная открытость будущему), для апокалиптики у него есть конец.

При этом бесконечная темпоральность имеет для реализма столь же фундаментальное, конститутивное значение, как конец времен для апокалиптики. Это связано с тем, что только в бесконечном времени может быть легитимировано присутствие множества политических субъектов. Конец времен является версией «общей судьбы», наличие которой создает предпосылки для формирования общей идентичности и — в перспективе — преодоления конфликтности и появления универсального политического субъекта⁴⁶. Как показал Мишель Фуко, нововременное государство (излюбленный политический субъект реализма) осмысляет себя как существующее в бесконечном времени в противовес средневековой универсальной империи, легитимировавшей себя эсхатологическим ожиданием конца⁴⁷. Некоторые абсолютистские госу-

⁴⁴ McQueen 2018: 13.

⁴⁵ Hom and Steele 2010.

⁴⁶ Wendt 1999: 349—353.

⁴⁷ Фуко 2011: 340, 471. См. также Allan 2018: 108, 143—148; Shoemaker 2018. Подробнее о бесконечной темпоральности государства Модерна см. Учаев и Квартальный 2022.

⁴⁸ Koselleck 2004: 16—17, 21.

дарства даже прямо запрещали апокалиптические пророчества, расценивая их как угрозу своему существованию⁴⁸.

⁴⁹ Taubes 2009: 65—122.

Казалось бы, приведенные аргументы лишь подкрепляют представление о непримиримом конфликте реализма и апокалиптики, укореняя его еще и в несовместимости их темпоральностей. Однако зададимся вопросом: если для реализма и государства необходима бесконечная темпоральность, то каким образом они возникли в европейском христианском контексте, глубоко пропитанном эсхатологическими представлениями⁴⁹?

⁵⁰ Покок 2020: 132.

В поисках ответа на этот вопрос имеет смысл обратиться к Джону Пококу, который, столкнувшись со схожей проблемой при изучении возникновения ренессансного республиканизма, обозначил, на наш взгляд, исчерпывающий диапазон открывающихся здесь возможностей: «Поскольку республика не была ни обществом, основанным на обычае, ни частью воинствующей церкви, ей надлежало оставаться моментом во времени — моментом либо исполнения пророчества, либо иррационального вращения колеса фортуны — или же попытаться выйти за рамки системы понятий, которую мы обрисовали»⁵⁰. Ввиду того что абсолютный выход за рамки сложившейся ментальности невозможен и любое новое формулируется исходно посредством уже имеющегося (через его переопределение, комбинирование, смещение значения), и у занимавшего Покока республиканизма, и у интересующего нас реализма в конечном счете было два пути.

⁵¹ Там же.

Первый — «откатиться» к античному, дохристианскому представлению о времени как о цикличном «иррациональном вращении колеса фортуны». Второй — осмелиться помыслить свое время как «момент исполнения пророчества» и заявить, что новый политический субъект — республика или государство — «воплощал и осуществлял Тысячелетнее царство или Третий Завет»⁵¹. Первый путь, особенно как массовый выбор, выглядит неправдоподобным: он потребовал бы забвения предшествующей тысячелетней истории и полного отказа от христианской надежды. Как мы увидим далее на примере Макиавелли, даже самые смелые умы не могли однозначно на это решиться. Вместе с тем тот же Покок отмечает, что второй путь — обращение светских правителей к миллениаризму для легитимации своей власти — был достаточно широко распространен на рубеже Средневековья и Нового времени⁵².

⁵² Там же: 88—89.

Таким образом, конструирование бесконечности в христианском контексте оказывается возможным посредством позиционирования себя и мира «после конца времен», «после апокалипсиса», в реализованном Тысячелетнем царстве. На эту фундаментальную характеристику Модерна обращает внимание Латур, творчески развивая тезис Эрика Фёгелина о Модерне как эпохе гностицизма. В его интерпретации, «люди Модерна, согласно Фёгелину, начали верить, что на место содрогания перед лицом незавершенности мира (следовавшей из политической теологии св. Августина) могла прийти новая возможность — за-

⁵³ Latour 2017: 199.

⁵⁴ Фёгелин 2021: 277—306.

⁵⁵ Latour 2017: 195—196.

⁵⁶ Ibid.: 212.

⁵⁷ Например, по Фуко, гражданское общество (см. Фуко 2011: 458).

⁵⁸ Фёгелин 2021: 242—247.

⁵⁹ Там же: 256—257.

⁶⁰ Hall 2009: 70—73; McQueen 2018: 109.

⁶¹ Покок 2020: 88—89.

⁶² McQueen 2018: 111—113.

⁶³ Кревельд 2019: 149—157.

вершение, достижение полноты мира здесь, в земной реальности, благодаря вторжению Духа и его последователей»⁵³. Отметим, однако, что сам Фёгелин не ставит знак равенства между гностицизмом и позицией после конца времен. В его описании гностические движения осмысляют себя как существующие накануне конца и действующие, чтобы его приблизить⁵⁴. Напротив, в трактовке Латура Модерн наступает, когда критическая масса людей осознает себя «после конца», по ту сторону разрыва⁵⁵. Люди Модерна у Латура в буквальном смысле живут в постапокалиптическую эпоху⁵⁶.

На наш взгляд, расхождение между Латуром и Фёгелином (которого сам Латур, похоже, не замечает) можно снять через дифференциацию темпоральностей разных политических субъектов. На пороге Нового времени эсхатологические ожидания исполняются, и постапокалиптическая эпоха наступает в государстве и для государства (и для всех, кто связывает себя в первую очередь именно с государством). Другие политические субъекты⁵⁷ могут сохранять незавершенность эсхатологии и стремиться реализовать *свой* конец истории.

Применительно же к государству Модерна возникновение постапокалиптического (само)восприятия можно представить в виде последовательности из четырех шагов. Первые два в целом фиксирует уже Фёгелин. *Первый шаг*: артикуляция Иоахимом Флорским той идеи, что история завершается не переходом в некое внеисторическое инобытие Царства Божия, а достижением идеального состояния общества на земле⁵⁸. *Второй шаг*: формирование установки, что это требует не только божественного вмешательства, но и человеческой активности. Фёгелин здесь противопоставляет представления об имманентном источнике прорыва к земному совершенству вере в трансцендентный характер такового⁵⁹, однако даже более важным является сдвиг от пассивного ожидания к активному самостоятельному действию (которое при этом может осмыслиться и как движимое трансцендентным «сошествием Духа»). Этот сдвиг наблюдается уже у многих милленаристских движений позднего Средневековья, например у мюнстерских анабаптистов⁶⁰. В результате этих двух шагов складывается как раз описанное Фёгелином самовосприятие «накануне конца времен». Чтобы показать, как оно трансформируется в самовосприятие «после конца», необходимо зафиксировать еще два шага, которые Фёгелин оставляет без внимания. *Третий шаг*: субъектом, ответственным за переход в совершенное общество, назначается суверенный монарх⁶¹ (что иногда сопровождается определением католической церкви как Антихриста, который должен быть одолен в «последней битве»⁶²). Наконец, *четвертый шаг*: победа (которую можно условно датировать 1648 г.) суверенного территориального государства в борьбе за статус доминирующего политического субъекта⁶³, что с точки зрения рассмотренных выше представлений логически означало наступление новой, постапокалиптической эпохи.

**Постапокалипсис
модерного
реализма**

Приведенные соображения пока лишь добавляют убедительности предположению о постапокалиптической природе модерного реализма, но сами по себе еще не подтверждают его. Также не очевидно, в какой мере постапокалиптичность остается важной чертой сознания Модерна (и, следовательно, модерного реализма) на всем протяжении эпохи. Может быть, такая самоинтерпретация, сыграв свою роль в момент перехода к Новому времени, далее постепенно теряет значимость? Чтобы разрешить эту проблему, перейдем непосредственно к анализу истории развития нововременного политического реализма. У постапокалиптической трактовки, если она верна, должен быть ряд следствий, которые можно представить в виде трех проверяемых гипотез.

1. Формирование устойчивого и последовательного политического реализма происходит только после укоренения в коллективной ментальности Модерна постапокалиптического самовосприятия; до этого попытки реалистского осмысления политики остаются половинчатыми и внутренне противоречивыми.
2. В силу своего постапокалиптического характера последовательный реализм не рассматривает реальность как чрезмерно трагическую и катастрофическую.
3. Когда в середине XX в. из-за угрозы тотальной катастрофы постапокалиптическая картина мира оказывается под вопросом, реализм снова становится неустойчивым, возникают попытки его внутреннего преодоления.

Этапу до укоренения постапокалиптического самовосприятия (которое мы условно датируем «после 1648 г.») соответствует творчество Макиавелли. В первой трети XVI в. он еще не имел доступа к «постапокалиптическому» решению, оказываясь замкнут в дихотомии «(квази) эсхатологическое свершение vs. античная цикличность». Между этими полюсами он и колеблется, будучи не в состоянии сделать окончательный выбор. Неустойчивость макиавеллиевского реализма особенно ярко проявляется в «Государе»⁶⁴, где вполне реалистское намерение «правильно постичь природу князя»⁶⁵ заканчивается в итоге указанием на «беспримерные знамения Божии»⁶⁶ и упованием на то, что «Италия после стольких лет ожидания» увидит наконец «своего спасителя»⁶⁷. В «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли, напротив, максимально близко подходит к античному трагизму и признанию неизбежности круговорота развития и упадка⁶⁸: «Вечная республика невозможна, потому что множество различных обстоятельств влекут ее в гибель»⁶⁹. Однако даже в «Рассуждениях» (в период своего, по оценке МакКуин, «зрелого реализма»⁷⁰) Макиавелли сохраняет проблески надежды на возможность республики, преодолевшей циклы фортуны: «Если бы какая-нибудь республика была столь счастлива, чтобы часто видеть рождение среди себя людей, пример которых... придал бы ее законам суровость и которые не только удерживали бы ее на рубеже ее гибели, но и могли бы привести ее в прежнее состояние, то, конечно, она

⁶⁴ McQueen 2018: 79—96.

⁶⁵ Макиавелли 2015a: 54.

⁶⁶ Там же: 122.

⁶⁷ Там же: 124.

⁶⁸ McQueen 2018: 98—102.

⁶⁹ Макиавелли 2015b: 375.

⁷⁰ McQueen 2018: 103.

⁷¹ *Макиавелли 2015b: 383.*

была бы вечной»⁷¹. Отметим, что Макиавелли не занимает реалистской позиции по отношению к современному ему состоянию Италии: он не признает разделенность полуострова на множество политий неизбежным результатом человеческой конфликтности, а стремится положить этой разделенности конец.

В свою очередь написанный более чем столетие спустя (в 1651 г.) «Левиафан» Гоббса прекрасно иллюстрирует момент появления постапокалиптического самовосприятия. Опять же, полноценный и всепроникающий реализм применительно к «естественному состоянию» должен был бы допускать возможность бесконечного воспроизводства «войны всех против всех». Тем более что страх смерти, который в «Левиафане» предстает одним из ключевых мотивационных механизмов преодоления «естественного состояния», в эпоху английской гражданской войны в действительности часто затмевался страхом перед гробным воздаянием, и сам Гоббс, как показывает МакКуин, осознавал этот факт⁷². Это осознание вынуждало его выстраивать, по сути, нормативную аргументацию, которая бы убеждала людей, что самой смерти *следует* бояться больше, чем посмертного суда⁷³. Соответственно, формирование суверена у Гоббса — это не логичный и реалистичный продукт «естественного состояния», а квазиапокалиптический нормативный проект.

⁷² *McQueen 2018: 129—130.*

⁷³ *Ibid.: 131—132.*

Адекватность такой характеристики «Левиафана» подтверждает и то, что логика взаимодействия множества конкурирующих суверенов у Гоббса отлична от логики поведения множества конкурирующих индивидов в досуверенном мире⁷⁴. Свобода суверенов по отношению друг к другу «не приводит к тем бедствиям, которые сопровождают свободу частных лиц»⁷⁵. Поэтому партикулярное суверенное государство является для Гоббса достаточным и окончательным решением проблемы безопасности и благополучия человеческого существования. Иначе говоря, эквивалентом постапокалиптического состояния.

⁷⁴ *Bull 1981: 728—729; Williams 1996: 232.*

⁷⁵ *Гоббс 2001: 88.*

Наконец, если «Левиафан» Гоббса иллюстрирует сам момент перелома — возникновения постапокалиптического самовосприятия, то в укоренившемся виде такое самовосприятие раскрывается в концепции баланса сил в европейской политической мысли и практике конца XVII — XIX вв. Многие исследователи отмечали влияние ньютоновской картины мира (подразумевавшей, помимо прочего, бесконечное время) на формирование теории и практики баланса сил⁷⁶. Баланс сил воспринимался как установленный свыше вечный закон, следование которому обеспечивает свободу независимых государств, а также мир между ними⁷⁷. Подобное восприятие получило широкое отражение и в официальных документах, ярким примером чему служит Утрехтский мирный договор, в котором «справедливый баланс сил» характеризовался как «лучшее и самое прочное основание взаимной дружбы и продолжительного всеобщего согласия»⁷⁸. Европейская система государств, несмотря на признание ее анархичности, а также важности силового фактора, расценивалась теоретиками баланса сил отнюдь не как «траги-

⁷⁶ *Butterfield 1966: 132, 141; Allan 2018: 75—138.*

⁷⁷ *Butterfield 1966: 141—145; Sheehan 1996: 33—35.*

⁷⁸ *Wight 1966: 153.*

ческая», но как актуально упорядоченная или, по меньшей мере, потенциально упорядочиваемая именно посредством следования принципу баланса сил⁷⁹. Эту установку не подрывали и почти постоянные войны, которые, впрочем, были ограниченными как по своим целям, так и по способам ведения⁸⁰. В итоге складывалась следующая картина: суверенное государство, являющееся окончательной и непревзойденной политической формой, упорядочивает и гармонизирует свои отношения с множеством других суверенных государств путем реализации вечно-го и неизменного принципа баланса сил. Дальнейшее развитие может быть только количественным; в качественном смысле мир уже достиг, если можно так выразиться, конца истории *ante litteram*.

⁷⁹ *Ibid.*: 153—154;
Зонова 2003:
17—24.

⁸⁰ *Sheehan 1996*:
100—106.

**Реализм в XX в.:
незавершенное
преодоление
пост-
апокалипсиса**

Таким образом, анализ узловых точек международно-политической мысли XVI—XIX вв. подтверждает первые две гипотезы: последовательный реализм (определяемый, напомним, как представление о неизбежной множественности и конфликтности политических субъектов) формируется только после укоренения постапокалиптического самовосприятия; и признание реализмом неизбежной конфликтности не эквивалентно принятию трагичности политического мира. Обратимся теперь к проверке третьей гипотезы и посмотрим, что происходит с реализмом после появления угрозы тотальной ядерной катастрофы.

События первой половины XX века поставили под вопрос обоснованность постапокалиптического мировосприятия. Постепенная массовизация и механизация войны сделали боевые действия намного более разрушительными⁸¹, что наглядно проявилось в двух мировых войнах. Изменения в военном деле сопровождались и возникновением новых утопических воззрений — социализма, романтического национализма, «научного» расизма, бросавших вызов суверенно-государственному концу истории и опиравшихся на общий динамизм индустриального капиталистического общества⁸². Постапокалиптический оптимизм стал невозможен уже после Первой мировой войны, однако единственный характер катастрофы вызвал поначалу не трагический пессимизм, а поиск нового утопического выхода из ситуации, признанной неприемлемой⁸³.

⁸¹ *Buzan and
Lawson 2015*:
240—244.

⁸² *Ibid.*: 97—101.

⁸³ *Что потом и
критиковали клас-
сические реалисты
(см. Morgenthau
1947; Carr 1981*:
22—88).

⁸⁴ *McQueen 2018*:
175—177.

⁸⁵ *Morgenthau
1948*: 196.

⁸⁶ *Morgenthau
1947*: 175.

Повторение катастрофы в 1939—1945 гг., причем в увеличенном масштабе, повысило убедительность трагического мировосприятия, которое, сознавая неприемлемость текущего международно-политического положения, не надеется на качественное его исправление. В первые послевоенные годы очень близко к последовательной артикуляции такого мировосприятия подошел, в частности, Моргентау⁸⁴. Он писал о жизни «под пустым небом, покинутом богами»⁸⁵, о том, что «нет никакого прогресса по направлению к добру, заметного от года к году, есть только неразрешенное противостояние, в котором сегодня побеждает добро, а завтра — зло»⁸⁶.

Однако и сам Моргентау, и другие классические реалисты — Нибур и Герц — в итоге сделали выбор не в пользу трагизма, а в пользу новой надежды. Как ни парадоксально, ее источником для них стала угроза ядерной войны. Моргентау, Герц и Нибур осознали ядерную войну как общую для всего человечества угрозу, которой нельзя удовлетворительным образом противодействовать в рамках анархического международного порядка, включающего в себя множество суверенных государств. Они также надеялись, что такое осознание, распространившись на широкие массы, станет импульсом к постепенному формированию некоей общемировой, универсальной политической формы и, следовательно, преодолению анархии⁸⁷. Так, Герц в 1957 г. отмечал, что теперь «только глобальное правление может в конечном счете удовлетворить интересы любой державы, в особенности сверхдержав, в области безопасности»⁸⁸. А Моргентау в начале 1960-х годов писал о необходимости — и возможности (!) — «устранения самих по себе международных отношений посредством слияния всех национальных суверенитетов в единое мировое государство, которое бы обладало монополией на самые разрушительные средства насилия»⁸⁹.

Данный ход мысли полностью естествен и объясним с точки зрения постапокалиптической интерпретации реализма. Для Моргентау, Герца и Нибура апокалипсис (в виде возможной ядерной войны) вновь оказался не позади, а впереди. И, как и в Средневековье, мысль о конечности времени человечества вновь привела к политическому универсализму. В ядерную эпоху, как сформулировал Моргентау, «реалистический и утопический подходы к... международным отношениям сливаются в один»⁹⁰. Таким образом, подтверждается и третья выдвинутая гипотеза: возвращение перспективы апокалипсиса в виде ядерной войны дестабилизирует реализм и запускает процесс его внутреннего преодоления.

Это преодоление, впрочем, осталось незавершенным. Постапокалиптическое самовосприятие снова вернулось — в форме неореализма, в котором владе- и государствоцентричная онтология соединилась с позитивистской «объективной» эпистемологией⁹¹. Осмысление политики как искусства, а не науки⁹² оказалось заменено тезисами о рациональности государств⁹³ и менеджировании межгосударственных отношений⁹⁴: из познаваемости мира логически выводилась его управляемость, даже если это мир множества государств, обеспокоенных поддержанием собственной мощи и безопасностью. На место подхода Карра и Моргентау, еще сохранявших историзм мышления⁹⁵, пришли хронофетишизм и темпоцентризм Уолтца и Роберта Гилпина — представления о естественности и неизменности текущего (анархического и конфликтного) состояния международной системы в сочетании с проекцией этого состояния на всю предшествующую историю⁹⁶. Соответственно, в неореализме исчезла тема глобальной политической организации⁹⁷. Вердикт Уолтца в разделе его монографии, озаглавленном (что само по себе симптоматично) «Добродетели анархии», на долгое время

⁸⁷ *О Моргентау и Нибура см. Craig 2003; о Герце — Munster and Sylvest 2016: 75—82.*

⁸⁸ *Herz 1957: 491.*

⁸⁹ *Цит. по: Craig 2003: 109.*

⁹⁰ *Цит. по: Ibid.: 108.*

⁹¹ *Guilhot 2017: 184—219.*

⁹² *Morgenthau 1947: 16.*

⁹³ *Mearsheimer 2001: 31, 363.*

⁹⁴ *Waltz 1979: 194—210.*

⁹⁵ *Hobden 2002: 48—49.*

⁹⁶ *Hobson 2002: 5—20.*

⁹⁷ *Scheuerman 2011: 94—96.*

закрывает любую дискуссию внутри реализма по данному вопросу: «Перспектива мирового правительства стала бы приглашением готовиться к мировой гражданской войне»⁹⁸.

⁹⁸ Waltz 1979: 112.

⁹⁹ Почему удалось само нивелирование — отдельный вопрос, выходящий за рамки настоящей статьи. Частичное объяснение см. Уцаев и Квартальнов 2022.

¹⁰⁰ Waltz 1990.

¹⁰¹ Mearsheimer 2001.

¹⁰² Ibid.: 401—402.

Не противоречит ли нашей концепции этот возврат к последовательному реализму в ядерную эпоху? Нет, поскольку он осуществился не посредством примирения с трагичностью и катастрофичностью мира, а путем мировоззренческого нивелирования тотальной угрозы⁹⁹. Парадигматическим примером здесь может служить позитивное отношение Уолтца к ядерному оружию, которое, с его точки зрения, автоматически сдерживает конфликты между рациональными государствами¹⁰⁰. Представляется, что даже Миршаймер, прямо говорящий о трагедии¹⁰¹, в действительности не имеет ее в виду. В чем подлинная «трагедия великодержавной политики», если, согласно Миршаймеру, у США есть все шансы сохранить свое ведущее положение в международной системе, поддерживая собственную региональную гегемонию и не допуская появления гегемонов-конкурентов в других регионах мира¹⁰²?

**(Не)мыслимость
тотальной
катастрофы и
эсхатологический
субъект**

Итак, гипотеза о постапокалиптической природе нововременного политического реализма получает подтверждение. Мир последовательного современного реализма — это не античный космос, где возможна подлинная трагедия и нет выхода из циклов подъема и разложения. Его мир — это космос Божественный и упорядоченный, можно сказать, одомашненный, в котором государство не обречено на неизбежный упадок, а антагонизм межгосударственных отношений можно компенсировать и смягчить искусственным овладением политикой баланса сил. В нашей интерпретации элементы трагического мировосприятия не определяющая черта реализма, как часто утверждается¹⁰³, а свидетельство моментов кризиса реалистского мировоззрения. Последовательно и уверенному в себе реализму в эпоху Модерна, напротив, присущ особый постапокалиптический оптимизм. Что из этого следует?

¹⁰³ Thompson and Myers (eds.) 1984; Lebow 2003; Rengger 2008.

Во-первых, апокалиптический ход мысли у Макиавелли, Гоббса и Моргентау имеет логическое объяснение. Первые двое пишут до (Макиавелли) либо накануне (Гоббс) укоренения постапокалиптического самовосприятия, связанного с триумфом суверенного государства, когда альтернативой эсхатологической надежде были только глубокий пессимизм и примирение с гражданскими войнами. В свою очередь Моргентау обращается к (квази)эсхатологическому проекту мирового государства, когда угроза тотальной ядерной войны поставила под вопрос постапокалиптическую картину мира.

Во-вторых, в свете представленной концепции правильным является подход Моргентау, а не неореалистов. Если «отмена» апокалипсиса была самим условием утверждения политического реализма в Новое время, то возвращение апокалипсиса — это отнюдь не просто внешний факт, входящий в противоречие с реалистской традицией, а исчезно-

вание одной из опор, на которых данная традиция все это время (пусть преимущественно незаметно для себя) держалась. Позиция неореалистов, делающих вид, что ничего не изменилось и опора постапокалиптизма по-прежнему на месте, представляется крайне сомнительной. В эпоху ядерного оружия, изменения климата и непредсказуемых последствий дальнейшего развития биотехнологий и искусственного интеллекта¹⁰⁴ невнимание к возможности тотальной катастрофы — не признак трезвой реалистичной оценки ее объективно низкой вероятности, а искажение постапокалиптического сознания.

¹⁰⁴ Ord 2020.

¹⁰⁵ Booth 1991;
Lebow 2003;
Williams M. C.
2005.

¹⁰⁶ McQueen 2018:
205.

Этим искажением затронут и ряд недавних обращений к наследию классического реализма¹⁰⁵, включая многократно упоминавшуюся работу МакКуин. Ее наиболее универсальный нормативный вывод формулируется как «культивирование искусства переживать катастрофы»¹⁰⁶. Это лозунг сознания, способного помыслить только «умеренные» катастрофы, которые можно пережить. Тотальную катастрофу, которую (если целью выступает сохранение человечества) необходимо именно предотвратить, постапокалиптическое мышление представить не в состоянии.

Если ответственно относиться к угрозе конца человечества, то реалистская позиция, подразумевающая, еще раз напомним, неизбежность конфликтов между множеством политических субъектов, становится невозможной. Точнее, она возможна лишь при замене в ее основании опоры на постапокалиптический оптимизм опорой на всеобъемлющий трагический пессимизм. Такая операция не противоречит законам физики, вот только за последние 500 лет на нее мало кто решался¹⁰⁷. Что-то похожее имел в виду Майкл Мандельбаум, предлагавший для психологического примирения с ядерным оружием вернуться от линейного взгляда на историю обратно к циклическому¹⁰⁸. Но и здесь видны следы постапокалиптической ментальности: для нового цикла в истории человечества нужно, чтобы от человечества хоть что-то уцелело, а значит, опять игнорируется возможность *тотальной* катастрофы.

¹⁰⁷ По крайней мере из авторов, имеющих отношение к международно-политической мысли.

¹⁰⁸ Mandelbaum 1981: 228—229.

Только стоит ли надеяться на нетотальность катастрофы, если возможна надежда эсхатологическая? Вместе с тем, чтобы эта возможность стала реальностью, современная эсхатология должна решить проблему своего политического субъекта. Настало время вспомнить первое, более общее понимание реализма как установки на практическую реализуемость. Для радикальной трансформации существующего международно-политического порядка нужен кто-то, кто ее осуществит. Исторически эсхатологии и утопии были реалистичными (по меркам своего времени) в этом смысле. Они понимали, от кого ждут исполнения пророчества — в зависимости от эпохи это был Бог, империя, массовое революционное движение. На какого субъекта можем мы надеяться сегодня, когда впервые в истории задача не в приближении (и не в откладывании)¹⁰⁹ апокалипсиса, а в постоянном его предотвращении?

¹⁰⁹ Что делает менее очевидным, казалось бы, напрашивающееся в этом контексте обращение к идее катехона.

Библиография

- Аверинцев С.С. (2005) *София — Логос: Словарь*. Киев: Дух и Літера.
- Бордачев Т.В. (2022) «Почему в России любят реалистскую школу международных отношений» // *Профиль*, 1.09. URL: <https://profile.ru/politics/pochemu-v-rossii-ljubyat-realistskuju-shkolu-mezhdunarodnyh-otnoshenij-1149560/> (проверено 04.11.2022).
- Гоббс Т. (2001) *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. М.: Мысль.
- Зонова Т.В. (2003) *Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития*. М.: РОССПЭН.
- Кревельд М. ван. (2019) *Расцвет и упадок государства*. М., Челябинск: ИРИСЭН; Социум.
- Лёвит К. (2021) *Смысл в истории: Теологические предпосылки философии истории*. СПб.: Владимир Даль.
- Макиавелли Н. (2015а) «Государь (князь)» // Макиавелли Н. *Государь*. М.: Академический проект: 51—124.
- Макиавелли Н. (2015b) «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» // Макиавелли Н. *Государь*. М.: Академический проект: 151—425.
- Мольтман Ю. (2017) *Пришествие Бога: Христианская эсхатология*. М.: Изд-во ББИ.
- Покок Дж.Г.А. (2020). *Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция*. М.: Новое литературное обозрение.
- Робертс А. (2021) *Вот и все: Зачем мы пугаем себя концом света?* М.: Индивидуум.
- Силаев Н.Ю. и Н.П.Проценко. (2020) «Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу» // *Международная аналитика*, т. 11, № 1: 11—26.
- Учаев Е.И. и А.А.Квартальнов. (2022) «Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии» // *Вестник МГИМО-Университета*: 1—23. URL: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/3254/2474> (проверено 14.12.2022).
- Фёгелин Э. (2021) *Новая наука политики: Введение*. СПб.: Владимир Даль.
- Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году*. СПб.: Наука.
- Allan B.V. (2018) *Scientific Cosmology and International Orders*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bell D. (2008) «Introduction: Under an Empty Sky — Realism and Political Theory» // Bell D., ed. *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme*. Oxford: Oxford University Press: 1—25.
- Biermann F. (2014) *Earth System Governance: World Politics in the Anthropocene*. Cambridge (MA): The MIT Press.

Booth K. (1991) «Security in Anarchy: Utopian Realism in Theory and Practice» // *International Affairs*, vol. 67, no. 3: 527—545.

Bostrom N. (2019) «The Vulnerable World Hypothesis» // *Global Policy*, vol. 10, no. 4: 455—476.

Brown C. (2015) «On the Disunity of Mankind» // *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 44, no. 1: 141—143.

Bull H. (1981) «Hobbes and the International Anarchy» // *Social Research*, vol. 48, no. 4: 717—738.

Butterfield H. (1966) «The Balance of Power» // Butterfield H. and M.Wight, eds. *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*. Cambridge (MA): Harvard University Press: 132—148.

Buzan B. and G.Lawson. (2015) *The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Carr E.H. (1981) *The Twenty Years' Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London, Basingstoke: Macmillan.

Craig C. (2003) *Glimmer of a New Leviathan: Total War in the Realism of Niebuhr, Morgenthau, and Waltz*. New York: Columbia University Press.

Deudney D.H. (2007) *Bounding Power: Republican Security Theory from the Polis to the Global Village*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Geuss R. (2008) *Philosophy and Real Politics*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Guilhot N. (2010) «American Katechon: When Political Theology Became International Relations Theory» // *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*, vol. 17, no. 2: 224—253.

Guilhot N. (2017) *After the Enlightenment: Political Realism and International Relations in the Mid-Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hall J.R. (2009) *Apocalypse: From Antiquity to the Empire of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Hamilton C. (2017) *Defiant Earth: The Fate of Humans in the Anthropocene*. Cambridge: Polity Press.

Herz J.H. (1951) *Political Realism and Political Idealism: A Study in Theories and Realities*. Chicago: University of Chicago Press.

Herz J.H. (1957) «Rise and Demise of the Territorial State» // *World Politics*, vol. 9, no. 4: 473—493.

Hobden S. (2002) «Historical Sociology: Back to the Future of International Relations?» // Hobden S. and J.M.Hobson, eds. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press: 42—59.

Hobson J.M. (2002) «What's at Stake in „Bringing Historical Sociology Back into International Relations“? Transcending „Chronofetishism“ and „Tempocentrism“ in International Relations» // Hobden S. and J.M.Hobson,

eds. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press: 3–41.

Hom A.R. and B.J.Steele. (2010) «Open Horizons: The Temporal Visions of Reflexive Realism» // *International Studies Review*, vol. 12, no. 2: 271–300.

Kaspe S.I. (2021) «Life, Death, and the State» // *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 3: 174–204.

Koselleck R. (2004) *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Colombia University Press.

Lake D.A. (2013) «Theory Is Dead, Long Live Theory: The End of the Great Debates and the Rise of Eclecticism in International Relations» // *European Journal of International Relations*, vol. 19, no. 3: 567–587.

Latour B. (2017) *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press.

Lebow R.N. (2003) *The Tragic Vision of Politics: Ethics, Interests and Orders*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lieven A. (2020) «Climate Change and the State: A Case for Environmental Realism» // *International Institute for Strategic Studies*, 24.03. URL: <https://www.iiss.org/blogs/survival-blog/2020/03/climate-change-and-the-state> (accessed on 05.11.2022).

Mandelbaum M. (1981) *The Nuclear Revolution International Politics before and after Hiroshima*. Cambridge: Cambridge University Press.

McQueen A. (2018) *Political Realism in Apocalyptic Times*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mearsheimer J.J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, London: W.W.Norton & Company.

Morgenthau H.J. (1947) *Scientific Man vs. Power Politics*. London: Latimer House.

Morgenthau H.J. (1948) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.

Munster R. van and C.Sylvest. (2016) *Nuclear Realism: Global Political Thought during the Thermonuclear Revolution*. New York: Routledge.

Ord T. (2020) *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*. New York: Hachette Books.

Paipais V. (2016) «Overcoming „Gnosticism“? Realism as Political Theology» // *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 29, no. 4: 1603–1623.

Rengger N. (2008) «Realism, Tragedy, and the Anti-Pelagian Imagination in International Political Thought» // Williams M.C., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 118–136.

Rengger N. (2017) *The Anti-Pelagian Imagination in Political Theory and International Relations: Dealing in Darkness*. London, New York: Routledge.

Ripsman N.M., J.W.Taliaferro, and S.E.Lobell. (2016) *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. New York: Oxford University Press.

Scheuerman W.E. (2011) *The Realist Case for Global Reform*. Cambridge: Polity Press.

Scheuerman W.E. (2019) *Progressive Realism: Possible? Yes. Coherent? Perhaps Not*. Duke Global Working Paper Series No. 2019/10. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3448691 (accessed on 04.11.2022).

Sheehan M. (1996) *The Balance of Power: History and Theory*. London, New York: Routledge.

Shoemaker S.J. (2018) *The Apocalypse of Empire: Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

«Should U.S. Foreign Policy Focus on Great-Power Competition?» (2020) // *Foreign Affairs*, 13.10. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ask-the-experts/2020-10-13/should-us-foreign-policy-focus-great-power-competition> (accessed on 05.11.2022).

Steele B.J. (2007) «„Eavesdropping on Honored Ghosts“: From Classical to Reflexive Realism» // *Journal of International Relations and Development*, vol. 10, no. 3: 272—300.

Taubes J. (2009). *Occidental Eschatology*. Stanford: Stanford University Press.

Thompson K. and R.J.Myers, eds. (1984) *Truth and Tragedy: A Tribute to Hans J. Morgenthau*. London, New York: Routledge.

Trenin D.V. (2014) «The Ukraine Crisis and the Resumption of Great Power Rivalry» // *Carnegie Moscow Center*, July. URL: https://carnegieendowment.org/files/ukraine_great_power_rivalry2014.pdf (accessed on 03.11.2022).

Uchaev Ye.I. (2021). «The Anthropocene Consensus: Transforming International Politics in the Age of Global Existential Threats» // *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 3: 206—227.

Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (MA): Addison-Wesley.

Waltz K.N. (1990) «Nuclear Myths and Political Realities» // *American Political Science Review*, vol. 84, no. 3: 730—745.

Wendt A. (1999) *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wight M. (1966) «The Balance of Power» // Butterfield H. and M.Wight, eds. *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*. Cambridge (MA): Harvard University Press: 149—175.

Williams B. (2005) *In the Beginning Was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Williams M.C. (1996) «Hobbes and International Relations: A Reconsideration» // *International Organization*, vol. 50, no. 2: 213—236.

Williams M.C. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wohlforth W.C. (2021) «How (Not) to Evaluate U.S. Decline and the Emerging Great Power Rivalry» // *Journal of International Analytics*, vol. 12, no. 3: 12–18.

Ye.I.Uchaev, M.V.Kharkevich
**UNTHINKABLE DOOMSDAY:
 POSTAPOCALYPTIC NATURE
 OF MODERN POLITICAL REALISM**

Yevgeny I. Uchaev — M.A. in International Relations; Lecturer and Ph.D. Student at the Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). Email: eugeneuchaev@gmail.com.

Maxim V. Kharkevich — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). Email: kharkevich@mail.ru.

Abstract. The article discusses the relevance of political realism in the times when a total planet catastrophe is possible. According to Ye.Uchaev and M.Kharkevich’s hypothesis, modern political realism is a post-apocalyptic direction of thought, which is based on the belief that a final state of the world has arrived. Therefore, now that human survival is under threat, realism could be rejected due to the denial of the postapocalyptic worldview, which historically made realism possible, rather than external reasons.

The article defines political realism as an approach towards international relations that assumes the inevitability of conflicts between multiple political actors. The authors claim that such an approach requires interpretation of time as infinite. Based on the works of Bruno Latour and Eric Voegelin, Uchaev and Kharkevich show that such a perception of time was formed at the turn of the Middle Ages and the New Age through the self-positioning of Modernity as a post-apocalyptic era, and the state within the Modern era — as a post-apocalyptic subject. The study of the texts of modern political realism confirms the hypothesis about its post-apocalyptic nature. A consistent realist position is found only after the post-apocalyptic self-perception took root in Europe (roughly in the middle of the 17th century) as a result of the triumph of a sovereign state. The realist position is most clearly revealed in the concept

of the balance of power of the late 17th—18th centuries. The authors who wrote before or on the eve of this turning point (Niccolò Machiavelli and Thomas Hobbes) in their works turn to the apocalyptic-utopian horizon, where disunity is transformed into political unity. In turn, the threat of the total nuclear war that emerged in the middle of the 20th century becomes an incentive for Hans Morgenthau, John Hertz and Reinhold Niebuhr to overcome realism and develop projects for global political reform. However, according to Uchaev and Kharkevich's conclusion, overcoming realism will remain incomplete until the problem of the political subject of global reform is resolved.

Keywords: political realism, post-apocalypse, Modernity, state, international relations, eschatology

References

- Allan B.B. (2018) *Scientific Cosmology and International Orders*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Averintsev S.S. (2005) *Sofija — Logos: Slovar'* [Sofia — Logos: A Dictionary]. Kyiv: Dukh i Litera. (In Russ.)
- Bell D. (2008) "Introduction: Under an Empty Sky — Realism and Political Theory" // Bell D., ed. *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme*. Oxford: Oxford University Press: 1—25.
- Biermann F. (2014) *Earth System Governance: World Politics in the Anthropocene*. Cambridge (MA): The MIT Press.
- Booth K. (1991) "Security in Anarchy: Utopian Realism in Theory and Practice" // *International Affairs*, vol. 67, no. 3: 527—545.
- Bordachev T.V. (2022) "Pochemu v Rossii ljubjat realistskuju shkolu mezhdunarodnykh otnoshenij" [Why Russia Loves the Realist School of IR] // *Profil'* [Profile], 1.09. URL: <https://profile.ru/politics/pochemu-v-rossii-ljubyat-realistskuju-shkolu-mezhdunarodnykh-otnoshenij-1149560/> (accessed on 04.11.2022). (In Russ.)
- Bostrom N. (2019) "The Vulnerable World Hypothesis" // *Global Policy*, vol. 10, no. 4: 455—476.
- Brown C. (2015) "On the Disunity of Mankind" // *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 44, no. 1: 141—143.
- Bull H. (1981) "Hobbes and the International Anarchy" // *Social Research*, vol. 48, no. 4: 717—738.
- Butterfield H. (1966) "The Balance of Power" // Butterfield H. and M.Wight, eds. *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*. Cambridge (MA): Harvard University Press: 132—148.
- Buzan B. and G.Lawson. (2015) *The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carr E.H. (1981) *The Twenty Years' Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London, Basingstoke: Macmillan.

Craig C. (2003) *Glimmer of a New Leviathan: Total War in the Realism of Niebuhr, Morgenthau, and Waltz*. New York: Columbia University Press.

Crevelde M. van. (2019) *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN, Sotsium. (In Russ.)

Deudney D.H. (2007) *Bounding Power: Republican Security Theory from the Polis to the Global Village*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territorija, naselenie: Kurs leksij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977—1978 uchebnom godu* [Sécurité, Territoire, Population: Cours au Collège de France (1977—1978)]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Geuss R. (2008) *Philosophy and Real Politics*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Guilhot N. (2010) “American Katechon: When Political Theology Became International Relations Theory” // *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*, vol. 17, no. 2: 224—253.

Guilhot N. (2017) *After the Enlightenment: Political Realism and International Relations in the Mid-Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hall J.R. (2009) *Apocalypse: From Antiquity to the Empire of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Hamilton C. (2017) *Defiant Earth: The Fate of Humans in the Anthropocene*. Cambridge: Polity Press.

Herz J.H. (1951) *Political Realism and Political Idealism: A Study in Theories and Realities*. Chicago: University of Chicago Press.

Herz J.H. (1957) “Rise and Demise of the Territorial State” // *World Politics*, vol. 9, no. 4: 473—493.

Hobbes T. (2001) *Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Hobden S. (2002) “Historical Sociology: Back to the Future of International Relations?” // Hobden S. and J.M.Hobson, eds. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press: 42—59.

Hobson J.M. (2002) “What’s at Stake in „Bringing Historical Sociology Back into International Relations“? Transcending „Chronofetishism“ and „Tempocentrism“ in International Relations” // Hobden S. and J.M.Hobson, eds. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press: 3—41.

Hom A.R. and B.J.Steele. (2010) “Open Horizons: The Temporal Visions of Reflexive Realism” // *International Studies Review*, vol. 12, no. 2: 271—300.

Kaspe S.I. (2021) “Life, Death, and the State” // *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 3: 174—204.

Koselleck R. (2004) *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press.

Lake D.A. (2013) “Theory Is Dead, Long Live Theory: The End of the Great Debates and the Rise of Eclecticism in International Relations” // *European Journal of International Relations*, vol. 19, no. 3: 567–587.

Latour B. (2017) *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press.

Lebow R.N. (2003) *The Tragic Vision of Politics: Ethics, Interests and Orders*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lieven A. (2020) “Climate Change and the State: A Case for Environmental Realism” // *International Institute for Strategic Studies*, 24.03. URL: <https://www.iiss.org/blogs/survival-blog/2020/03/climate-change-and-the-state> (accessed on 05.11.2022).

Löwith K. (2021) *Smysl v istorii: Teologicheskie predposylki filosofii istorii* [Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Machiavelli N. (2015a) “Gosudar' (knjaz'”) [II Principe] // Machiavelli N. *Gosudar' [II Principe]*. Moscow: Akademicheskij proekt: 51–124. (In Russ.)

Machiavelli N. (2015b) “Rassuzhdenija o pervoj deкаде Tita Livija” [Discorsi sopra la prima Deca di Tito Livio] // Machiavelli N. *Gosudar' [II Principe]*. Moscow: Akademicheskij proekt: 151–425. (In Russ.)

Mandelbaum M. (1981) *The Nuclear Revolution International Politics before and after Hiroshima*. Cambridge: Cambridge University Press.

McQueen A. (2018) *Political Realism in Apocalyptic Times*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mearsheimer J.J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, London: W.W.Norton & Company.

Moltmann Jü. (2017) *Prishestvie Boga: Khristianskaja eskhatologija* [Das Kommen Gottes: Christliche Eschatologie]. Moscow: Izd-vo BBI. (In Russ.)

Morgenthau H.J. (1947) *Scientific Man vs. Power Politics*. London: Latimer House.

Morgenthau H.J. (1948) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.

Munster R. van and C.Sylvest. (2016) *Nuclear Realism: Global Political Thought during the Thermonuclear Revolution*. New York: Routledge.

Ord T. (2020) *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*. New York: Hachette Books.

Paipais V. (2016) “Overcoming „Gnosticism“? Realism as Political Theology” // *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 29, no. 4: 1603–1623.

Pocock J.G.A. (2020). *Moment Makiavelli: Politicheskaja mysl' Florentsii i atlanticheskaja respublikanskaja traditsija* [The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Rengger N. (2008) “Realism, Tragedy, and the Anti-Pelagian Imagination in International Political Thought” // Williams M.C., ed. *Realism Re-*

considered: *The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 118—136.

Rengger N. (2017) *The Anti-Pelagian Imagination in Political Theory and International Relations: Dealing in Darkness*. London, New York: Routledge.

Ripsman N.M., J.W.Taliaferro, and S.E.Lobell. (2016) *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. New York: Oxford University Press.

Roberts A. (2021) *Vot i vse: Zachem my pugaem sebja kontsom sveta?* [It's the End of the World. But What Are We Really Afraid of?] Moscow: Individuum. (In Russ.)

Scheuerman W.E. (2011) *The Realist Case for Global Reform*. Cambridge: Polity Press.

Scheuerman W.E. (2019) *Progressive Realism: Possible? Yes. Coherent? Perhaps Not*. Duke Global Working Paper Series No. 2019/10. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3448691 (accessed on 04.11.2022).

Sheehan M. (1996) *The Balance of Power: History and Theory*. London, New York: Routledge.

Shoemaker S.J. (2018) *The Apocalypse of Empire: Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

“Should U.S. Foreign Policy Focus on Great-Power Competition?” (2020) // *Foreign Affairs*, 13.10. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ask-the-experts/2020-10-13/should-us-foreign-policy-focus-great-power-competition> (accessed on 05.11.2022).

Silaev N.Yu. and N.P.Protsenko. (2020) “Snova modern? COVID-19 vozvrashchaet gosudarstvu ego iznachal'nuju prirodu” [Back into Modernity? COVID-19 Returns Nation-State to Its Original Nature] // *Mezhdunarodnaja analitika* [Journal of International Analytics], vol. 11, no. 1: 11—26. (In Russ.)

Steele B.J. (2007) “„Eavesdropping on Honored Ghosts“: From Classical to Reflexive Realism” // *Journal of International Relations and Development*, vol. 10, no. 3: 272—300.

Taubes J. (2009). *Occidental Eschatology*. Stanford: Stanford University Press.

Thompson K. and R.J.Myers, eds. (1984) *Truth and Tragedy: A Tribute to Hans J. Morgenthau*. London, New York: Routledge.

Trenin D.V. (2014) “The Ukraine Crisis and the Resumption of Great Power Rivalry” // *Carnegie Moscow Center*, July. URL: https://carnegieendowment.org/files/ukraine_great_power_rivalry2014.pdf (accessed on 03.11.2022).

Uchaev Ye.I. (2021). “The Anthropocene Consensus: Transforming International Politics in the Age of Global Existential Threats” // *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 3: 206—227.

Uchaev Ye.I. and A.A.Kvartalnov. (2022) “Temporal'nyj podkhod k probleme ustojchivosti jadernoj anarkhii” [Is Nuclear Anarchy Sustainable?

A Temporal Approach] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]: 1–23. URL: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/3254/2474> (accessed on 14.12.2022). (In Russ.)

Voegelin E. (2021) *Novaja nauka politiki: Vvedenie* [The New Science of Politics: An Introduction]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (MA): Addison-Wesley.

Waltz K.N. (1990) “Nuclear Myths and Political Realities” // *American Political Science Review*, vol. 84, no. 3: 730–745.

Wendt A. (1999) *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wight M. (1966) “The Balance of Power” // Butterfield H. and M.Wight, eds. *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*. Cambridge (MA): Harvard University Press: 149–175.

Williams B. (2005) *In the Beginning Was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Williams M.C. (1996) “Hobbes and International Relations: A Reconsideration” // *International Organization*, vol. 50, no. 2: 213–236.

Williams M.C. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wohlforth W.C. (2021) “How (Not) to Evaluate U.S. Decline and the Emerging Great Power Rivalry” // *Journal of International Analytics*, vol. 12, no. 3: 12–18.

Zonova T.V. (2003) *Sovremennaja model' diplomatii: istoki stanovlenija i perspektivy razvitija* [The Modern Model of Diplomacy: Its Origins and Prospects]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

политика

**В.В. Устюжанин, В.А. Михеева,
И.А. Сумерников, А.В. Коротаев**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИЙ: СВЯЗЬ МЕЖДУ ВВП И РИСКОМ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ¹

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

Вадим Витальевич Устюжанин — стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; младший научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС. Для связи с автором: vvustiuzhanin@hse.ru.

Вероника Алексеевна Михеева — стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: vamikheeva@edu.hse.ru.

Илья Александрович Сумерников — стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: iasumernikov@hse.ru.

Андрей Витальевич Коротаев — доктор исторических наук, профессор, зав. Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института Африки РАН. Для связи с автором: akorotayev@gmail.com.

Аннотация. В последние годы появилось большое число работ, посвященных анализу воздействия различных факторов на вероятность возникновения революционных событий. Вместе с тем важный комплекс модернизационных переменных (ВВП, урбанизация, образование, демократизация) все еще остается недостаточно изученным. Более того, современные количественные исследования влияния благосостояния, операционализи-

рованного через ВВП на душу населения, на риски революционных выступлений дают противоречивые результаты. При этом такие выступления, как правило, рассматриваются в совокупности, без деления их на вооруженные и невооруженные.

В статье предпринята попытка внести ясность в вопрос о влиянии благосостояния на революционную нестабильность с учетом специфики вооруженных и невооруженных ее версий. Опираясь на анализ 425 революционных эпизодов различных типов за период с 1900 по 2019 г., авторы фиксируют сильную отрицательную линейную связь между вооруженными революциями и уровнем ВВП на душу населения. В свою очередь зависимость между невооруженными революциями и благосостоянием носит криволинейный характер: сначала по мере роста ВВП на душу населения риск невооруженной революции растет, но после достижения определенного уровня начинает падать. Точкой перегиба, когда риск невооруженной революционной дестабилизации максимален, является подушевой ВВП стран среднего достатка, которые в настоящее время сталкиваются с ловушкой средних доходов. Другими словами, благосостояние таких стран стагнирует на уровне, чреватом наибольшим риском возникновения невооруженных революций. По заключению авторов, это означает, что, помимо очевидных экономических проблем, ловушка средних доходов ведет и к повышению вероятности невооруженной революционной нестабильности.

Ключевые слова: модернизация, революционная дестабилизация, вооруженные революции, невооруженные революции, благосостояние, кросс-национальные исследования

Введение

Изучение разных форм революционных действий не теряет актуальности в течение многих лет. Однако возможности исследователей в этой сфере ограничены. Тот факт, что революции — достаточно редкое явление, затрудняет применение количественных методов и снижает точность прогнозов (в частности, специалисты по Восточной Европе и Ближнему Востоку не смогли предсказать падение «железного занавеса» и Арабскую весну²). Работ, нацеленных на систематический количественный анализ предикторов революций, по-прежнему немного³, фокус внимания авторов, как правило, смещен на изучение революционных ситуаций по отдельности в формате кейс-стади. Вместе с тем в последние годы наблюдается рост числа количественных кросс-национальных исследований, особенно в контексте смены авторитарных режимов⁴.

Попытки рассмотреть роль экономических факторов в возникновении революций предпринимались исследователями еще в прошлом веке. Приверженцы структуралистского подхода делали акцент на экономическом развитии и преобразовании отдельных социально-экономических структур как факторах, способствующих революционным всплескам. Так, Самюэль Хантингтон настаивал на главенствующей

² Albrecht and Koehler 2020.

³ Butcher and Svensson 2016; Chenoweth and Ulfelder 2017; Dahlum 2019; Beissinger 2022; Коротяев и др. 2022.

⁴ См., напр. Escriba-Folch 2013; Casper and Tyson 2014. Из более ранних работ этого типа прежде всего стоит упомянуть Paige 1975.

⁵ Huntington 1968. роли модернизации в возникновении революций⁵. Становясь в ходе модернизации более образованным, урбанизированным и обеспеченным, общество начинает требовать большего политического участия. Если политические институты не допускают такого участия и/или не создают механизмов включения граждан в управление, возможно политическое насилие, в том числе революция⁶.

⁶ О связи модернизации и революции см. также Шульц 2016; Розов и др. 2019; Коротаев, Халтурина и др. 2010, 2011; Коротаев, Божеевский и др. 2011; Korotayev et al. 2011; Grinin 2022.

⁷ Davies 1962.

⁸ Gurr 1970.

⁹ См. также Korotayev and Shishkina 2020.

¹⁰ DeNardo 1985; Lichbach 1995.

¹¹ Knight 1995.

¹² Albrecht and Koehler 2020.

¹³ Cincotta and Weber 2021.

¹⁴ Shaheen 2015.

¹⁵ Dahl et al. 2021.

¹⁶ Wimmer, Cederman, and Min 2009.

¹⁷ Keller 2012.

Значительный вклад в определение экономических предикторов революций был внесен Джеймсом Дэвисом⁷ и Тедом Гурром⁸, сформулировавшими теорию относительной депривации: революции происходят, когда за продолжительным социально-экономическим ростом следует резкий экономический спад⁹. Революционные выступления в этом контексте — результат несбывшихся ожиданий. Со своей стороны приверженцы теории мобилизации связывают риск возникновения революции с накопленным в обществе мобилизационным потенциалом, включая способность лидеров протеста аккумулировать человеческие, финансовые и информационные ресурсы для расширения базы своей поддержки¹⁰. Наконец, согласно институциональной теории переговоров, вероятность участия в борьбе за политические права зависит от запаса ресурсов, повышаясь по мере его роста¹¹.

При этом результаты современных количественных исследований влияния благосостояния (операционализацией которого выступает ВВП на душу населения) на возникновение революционных ситуаций носят противоречивый характер. Например, в большинстве моделей, построенных Хольгером Альбрехтом и Кевином Кохлером для недемократических стран в период с 1945 по 2015 г., обнаружилась положительная связь между подушевым ВВП и революционными ситуациями¹². Значимое положительное влияние этого показателя на вероятность вооруженных революций вообще и сепаратистских восстаний в частности было выявлено также Ричардом Чинкотой и Ханнесом Вебером¹³. В свою очередь исследование Сондоса Шахена дает противоположные результаты, фиксируя значимую отрицательную связь между подушевым ВВП и вооруженными революциями и незначимую положительную — с невооруженными¹⁴. Схожие выводы можно найти также в работе Мэрианн Даль и ее соавторов¹⁵. К заключению о негативном эффекте душевого ВВП в случае вооруженных революций приходят и Андреас Виммер с соавторами¹⁶. А согласно исследованию Франчески Келлер¹⁷, ВВП на душу населения имеет как незначимый положительный, так и незначимый негативный эффект применительно к любым революционным выступлениям (то есть речь идет о статистически незначимой перевернутой U-образной зависимости).

NB! Отметим, что многие из упомянутых авторов избегают термина «революция», предпочитая говорить о максималистских кампаниях. Вместе с тем вслед за Питером Акерманом и Кристофером Крюглером¹⁸ Эрика Ченовет и Мария Стиван определяют кампанию как «серию наблюдаемых, непрерывных, осознанных массовых тактик

¹⁸ Ackerman and Kruegler 1994.

¹⁹ *Chenoweth and Stephan 2011: 68.*

²⁰ *Lawson 2019: 5.*

²¹ *Голдстоун, Гринин и Коротаев 2022: 109.*

²² *Голдстоун 2006: 61.*

²³ *См., напр. Chenoweth and Stephan 2011; Butcher and Svensson 2016; Chenoweth and Ulfelder 2017; Gleditsch and Rivera 2017; Dahl et al. 2021; Устюжанин и др. 2022; Устюжанин и Коротаев 2022.*

²⁴ *Kadivar and Ketchley 2018.*

²⁵ *Chenoweth and Christopher 2020.*

Гипотезы

²⁶ *Kricheli and Livne 2011.*

для достижения политической цели», подчеркивая, что в центре их внимания находятся «кампании с целями, которые воспринимаются как максималистские по своей природе: смена режима или национальное самоопределение»¹⁹. Однако подобным образом понятая максималистская кампания, по сути, идентична революции, о чем свидетельствуют распространенные определения последней, например: «Революция — это коллективная мобилизация, направленная на быстрое и насильственное свержение действующего режима с целью трансформации политических, экономических и символических отношений»²⁰; «Революция — антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов»²¹; революция есть «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть»²².

Как представляется, отмеченные расхождения в результатах отчасти обусловлены отсутствием деления революций на вооруженные и невооруженные, что, по оценке ряда исследователей, является критичным в понимании причин, хода и последствий революционных процессов²³.

NB! Сразу же оговоримся, что многие авторы, пишущие о ненасильственных кампаниях/революциях, *de facto* имеют в виду *невооруженные* протесты/выступления. Как убедительно показывают Мухаммад Али Кадивар и Нейл Кечли, участники большинства так называемых «ненасильственных максималистских кампаний» в достаточно серьезных масштабах прибегали к насилию²⁴. Здесь можно вспомнить хотя бы Египетскую революцию 2011 г. или «Евромайдан» 2013—2014 гг., которые Ченовет вполне уверенно квалифицирует именно как «ненасильственные максималистские кампании»²⁵.

Как упомянутые выше теории модернизации и депривации, так и современные исследования указывают на связь между ВВП на душу населения и разными типами революционных выступлений. Так, в работе Рут Кричели и Яира Ливне демонстрируется, что революции с большей вероятностью происходят в странах с низкими темпами экономического роста и уровнем благосостояния²⁶. Рассматривая ВВП на душу населения как один из факторов абсолютной депривации, Шахен, как уже

говорилось, выявляет положительную (хотя и статистически незначимую) связь между этим показателем и невооруженными революционными выступлениями²⁷. Альбрехт и Кохлер²⁸ фиксируют стабильное увеличение подушевого ВВП в течение 10 лет, предшествующих революционной ситуации.

По заключению Джеймса Фирона и Дэвида Лэйтина, при уменьшении подушевого ВВП на тысячу долларов вероятность возникновения гражданской войны увеличивается на 35%. В стране, где ВВП на душу населения составляет 576 долларов, риск гражданской войны на 54% выше, чем там, где он приближается к 2 тыс. долларам²⁹. Эти выводы подтверждает и исследование Ченовет и Ориона Луиса³⁰, обнаруживших статистически значимую отрицательную связь данного показателя с вооруженными революциями и гражданскими войнами.

В качестве значимого негативного фактора ВВП на душу населения выступает и в ряде работ, посвященных этнополитическим конфликтам³¹. Обратную значимую связь между его уровнем и интенсивностью таких конфликтов выявляет, а частности, Мари Безансон³². В свою очередь Роберт Даль и Чарльз Линдблом фиксируют сильную отрицательную связь подушевого ВВП с этническими столкновениями и неэтническими гражданскими войнами³³. Имеются также исследования, указывающие на очень сильную отрицательную корреляцию между логарифмом подушевого ВВП и рисками любых вооруженных (не обязательно революционных) переворотов³⁴. Другими словами, когда речь идет о вооруженных типах дестабилизации, ее связь с ВВП на душу населения носит отрицательный характер.

Отмеченную закономерность можно объяснить тем, что низкий подушевой ВВП означает низкое благосостояние населения и, как следствие, скромные накопленные инвестиции в человеческий капитал. Это делает относительно невысокими и издержки участия в вооруженном революционном выступлении: если людям особо нечего терять, им легче пойти на риск в надежде улучшить свое положение. Переводя это на язык теории рационального выбора, можно сказать: чем ниже ценность доконфликтного равновесного состояния, тем ценнее возможность повысить свое благосостояние, что подталкивает людей к отказу от привычной жизни и участию в рискованных действиях³⁵. В принципе эту мысль можно найти у целого ряда авторов. Так, Брюс Буэно де Мескита писал, что те, у кого ничего нет, более склонны рисковать и включаться в протестные акции именно потому, что им нечего терять³⁶. О том же свидетельствует и модель Гершеля Гроссмана, демонстрирующая, что наиболее экономически ущемленные слои чаще участвуют в вооруженных конфликтах³⁷. Ну и, конечно же, здесь сложно не вспомнить знаменитые слова Карла Маркса и Фридриха Энгельса из «Манифеста Коммунистической партии»: «Пусть господствующие классы содрогнутся перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир»³⁸. Соот-

²⁷ Shaheen 2015.

²⁸ Albrecht and Koehler 2020.

²⁹ Fearon and Laitin 2003.

³⁰ Chenoweth and Lewis 2013.

³¹ Hegre and Sambanis 2006; Wimmer, Cederman, and Min 2009.

³² Besançon 2005.

³³ Dahl and Lindblom 2017.

³⁴ Коротаев, Васькин и Билюга 2017; Korotayev et al. 2018; Коротаев, Цирель и Билюга 2019.

³⁵ Sambanis 2001; Besançon 2005.

³⁶ Bueno de Mesquita 1985.

³⁷ Grossman 1991.

³⁸ Маркс и Энгельс 1955: 459. При этом важно отметить, что коммунистическая революция мыслилась Марксом и Энгельсом именно как вооруженное выступление.

ветственно, с расширением слоя ущемленных вероятность возникновения подобных конфликтов возрастает. Таким образом, мы можем сформулировать первую гипотезу:

Н1: Между ВВП на душу населения и риском вооруженных революционных выступлений существует сильная отрицательная корреляция.

Согласно классическим теоретическим подходам и некоторым современным эмпирическим исследованиям, особенно сильная прямая связь между ВВП на душу населения и риском революционных конфликтов характерна для стран среднего достатка и приближающихся к этой категории. Причины такого положения дел полнее всего раскрывает теория модернизации: революции наиболее вероятны в обществах, которые в ходе модернизации сталкиваются с шоками и кризисами, замедляющими социально-экономическое развитие. Движение по пути модернизации запускает такие процессы, как урбанизация, повышение уровня грамотности, прогресс в области здравоохранения и, главное, изменение ценностей и появление среднего класса, который начинает требовать больших политических и гражданских прав³⁹. Революционные выступления в этом контексте — следствие обманутых ожиданий. Именно эту закономерность и отражает теория относительной депривации: к протесту толкает граждан не бедность сама по себе, а разрыв между ожиданиями и реальностью⁴⁰.

³⁹ Inglehart and Welzel 2005: 134.

⁴⁰ Davies 1962; Gurr 1970. См. также Korotayev and Shishkina 2020.

Нужно также учитывать, что с ростом благосостояния растут и инвестиции в человеческий капитал, а вместе с ними и страх потерять достигнутый уровень достатка. Включение в революционные действия возможно лишь тогда, когда потенциальные выгоды от участия в них значительно превышают издержки, поэтому при повышении благосостояния люди чаще делают ставку на невооруженные формы отстаивания своих интересов (более «дешевые» в плане издержек). В исследовании Чарльза Бутчера и Исака Свенссона зафиксирована положительная связь между таким показателем модернизационного перехода, как доля промышленности в экономике, и невооруженным типом революции⁴¹. Выбор в пользу невооруженных методов борьбы положительно и сильно связан также с уровнем образования, который можно рассматривать в качестве важного индикатора развития человеческого капитала⁴².

⁴¹ Butcher and Svensson 2016.

⁴² Устюжанин и др. 2022.

В пользу данного заключения говорит и концепция Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля (вполне подтверждающаяся эмпирическими исследованиями), согласно которой рост благосостояния ведет к переходу от ценностей выживания к постматериальным ценностям самовыражения⁴³, что повышает потребность в политическом участии (а также ведет к увеличению среднего класса, заинтересованного в широком круге прав и свобод). Более того, рост экономики сопровождается расширением рынков и торговли, а тем самым и спроса на мирную

⁴³ Inglehart and Welzel 2005.

⁴⁴ Inglehart, Puranen, and Welzel 2015.

(невооруженную) коммуникацию⁴⁴. Исходя из всего вышесказанного, мы выдвигаем вторую гипотезу:

Н2: В слабо- и среднеразвитых странах между ВВП на душу населения и риском невооруженной революционной дестабилизации существует положительная связь.

Вместе с тем теория альтернативных издержек заставляет предположить, что в очень богатых странах потенциальные выгоды от участия в невооруженных конфликтах не в состоянии полностью перекрыть издержки. Снижает мотивацию населения таких стран к революционной активности и то обстоятельство, что в них чаще имеются легальные — и работающие — институты смены правительства и его курса. К тому же элиты богатых стран могут активно использовать различные перераспределительные инструменты и/или кооптировать оппозиционную элиту, чтобы смягчить общее недовольство⁴⁵. Как следствие, затраты на мобилизацию там выше, а вероятность успеха ниже, чем в менее обеспеченных странах⁴⁶. Отсюда третья гипотеза:

⁴⁵ Wimmer, Cederman, and Min 2009.

⁴⁶ McAdam 1999; Fearon and Laitin 2003.

Н3: В высокоразвитых странах между ВВП на душу населения и риском невооруженной революционной дестабилизации существует отрицательная корреляция.

Если вторая и третья гипотезы верны, зависимость между рисками невооруженной революционной дестабилизации и подушевым ВВП носит криволинейный характер. Это может объяснять смешанные результаты, полученные в более ранних исследованиях, посвященных изучению невооруженных революционных событий, где использовались линейные функции связей. В частности, нелинейность зависимости может быть причиной того, что в нескольких работах связь между риском невооруженной революционной дестабилизации и подушевым ВВП оказалась статистически незначимой⁴⁷. Соответственно, наша четвертая гипотеза выглядит следующим образом:

⁴⁷ Gleditsch and Rivera 2017; Dahl et al. 2021.

Н4: Между риском невооруженной революционной дестабилизации и уровнем ВВП на душу населения существует криволинейная зависимость.

Данные и методы

⁴⁸ Chenoweth and Shay 2020.

При проверке выдвинутых гипотез мы опирались на базу данных NAVCO 1.3⁴⁸, где содержится информация о 622 революционных выступлениях («кампаниях») за период с 1900 по 2019 г., причем, что особенно важно применительно к нашему исследованию, эти выступления разделяются на вооруженные («насильственные») и невооруженные («ненасильственные»). В качестве зависимых переменных были использованы: (1) наличие/отсутствие вооруженного революционного

выступления (1 и 0 соответственно) и (2) наличие/отсутствие невооруженного революционного выступления (1 и 0 соответственно).

В качестве переменной, фиксирующей благосостояние, фигурировал ВВП на душу населения в постоянных международных долларах 2017 г. по паритету покупательной способности (ППС). В этом случае за основу была взята база данных Всемирного Банка⁴⁹, но, поскольку она покрывает временной промежуток лишь с 1990 по 2020 г., к ней были добавлены данные за 1900—1989 гг., собранные Марком Бессинджером⁵⁰. В целях нормализации уровня подушевого ВВП мы использовали логарифмированную его версию (натуральный логарифм).

⁴⁹ <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

⁵⁰ Beissinger 2022.

Для анализа корреляции между зависимой и независимой переменными по уровню ВВП на душу населения страны были поделены на шесть равных частей (секстилей):

- 1) крайне низкий уровень (средний подушевой ВВП — 1380 долл.);
- 2) очень низкий уровень (средний подушевой ВВП — 2644 долл.);
- 3) низкий уровень (средний подушевой ВВП — 4492 долл.);
- 4) средний уровень (средний подушевой ВВП — 7976 долл.);
- 5) высокий уровень (средний подушевой ВВП — 14495 долл.);
- 6) очень высокий уровень (средний подушевой ВВП — 39348 долл.).

В ходе исследования были задействованы следующие методы:

- 1) построение таблиц сопряженности, отражающих количество вооруженных и невооруженных революционных событий среди выделенных групп стран, что позволяет зафиксировать совместное распределение и риски соответствующих событий при определенном уровне ВВП на душу населения;
- 2) корреляционный анализ на основе полученных таблиц сопряженности для статистической проверки наличия/отсутствия связи между разными уровнями благосостояния и риском той или иной революционной дестабилизации;
- 3) логистическая регрессия (в силу бинарного характера зависимой переменной) с визуализацией связи между полиномом ВВП на душу населения и невооруженными революционными выступлениями, что необходимо для проверки гипотезы о наличии криволинейной зависимости между подушевым ВВП и риском невооруженных революций.

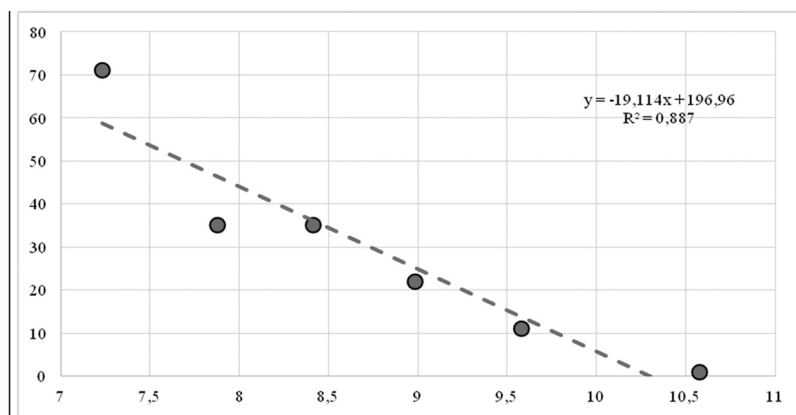
Всего было проанализировано 425 вооруженных и невооруженных революционных выступлений с 1900 г. по 2019 г.

Результаты

Представленное на *рис. 1* распределение вооруженных революционных эпизодов по выделенным нами группам стран говорит о наличии явной отрицательной связи между уровнем благосостояния (выраженном в натуральном логарифме ВВП на душу населения в ценах 2017 г. по ППС) и числом вооруженных эпизодов. Если в первой, самой бедной группе стран зафиксирован 71 такой эпизод (или порядка 40%),

то в последней, самой богатой — всего один (речь идет об активизации курдского повстанческого движения в Турции в 2015 г.). При наложении линии линейной регрессии $R^2 = 0,887$, а $r = -0,94$ на уровне $p < 0,01$. Другими словами, между риском начала вооруженного революционного выступления и благосостоянием страны действительно существует сильная отрицательная корреляция.

Рисунок 1 Корреляция между натуральным логарифмом подушевого ВВП (ось абсцисс) и риском вооруженных революционных событий (посекстильный анализ)

Проанализируем теперь ситуацию с невооруженными революционными выступлениями. Согласно нашим гипотезам, в слабо- и среднеразвитых странах связь между благосостоянием и риском невооруженной революционной дестабилизации должна быть положительной, а в развитых — отрицательной. Для проверки этих гипотез мы разделили нашу изначальную выборку на две вспомогательные, в одну из которых были включены страны первых пяти секстилей (то есть в диапазоне от крайне низкого до высокого уровня ВВП на душу населения), в другую — пятого и шестого (то есть с высоким и очень высоким подушевым ВВП). Полученные подвыборки в свою очередь были разбиты на секстили. Распределение невооруженных революционных эпизодов между группами слабо- и среднеразвитых стран представлено на *рис. 2*; аналогичное распределение применительно к развитым странам — на *рис. 3*.

Как видно из *рис. 2*, в случае слабо- и среднеразвитых стран налично явная тенденция к повышению риска невооруженных революционных выступлений по мере роста благосостояния. Если в первом секстиле, то есть в самой бедной группе стран, зафиксировано всего 25 невооруженных революций, то в двух последних — 52 и 49 соответственно.

Рисунок 2 Зависимость между натуральным логарифмом подушевого ВВП (ось абсцисс) и невооруженными революционными выступлениями в слабо- и среднеразвитых странах

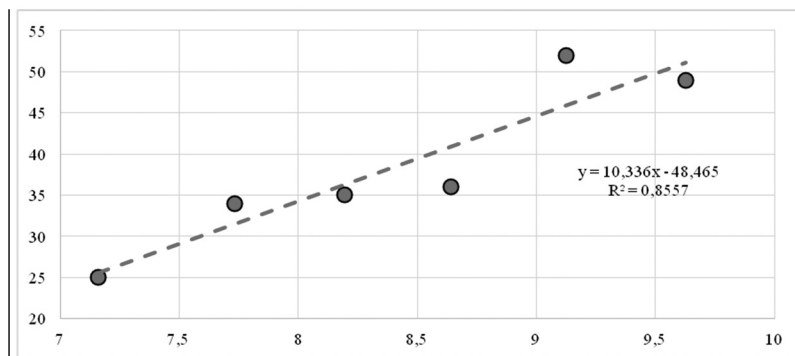
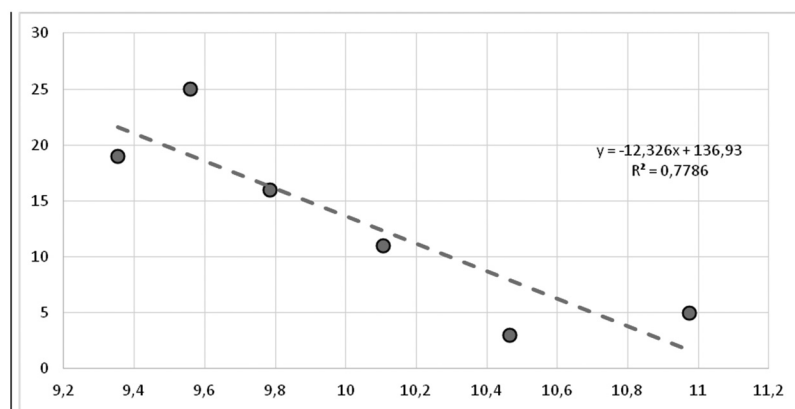

Рисунок 3 Зависимость между натуральным логарифмом подушевого ВВП (ось абсцисс) и невооруженными революционными выступлениями в экономически развитых странах

⁵¹ Коротаев, Билюга и Шишкина 2016, 2017а, 2017б; Коротаев, Васькин и Билюга 2017; Korotayev, Bilyuga, and Shishkina 2018; Korotayev et al. 2018; Коротаев и др. 2020; Korotayev, Sawyer, and Romanov 2021.

⁵² Lawson 2019; Beissinger 2022.

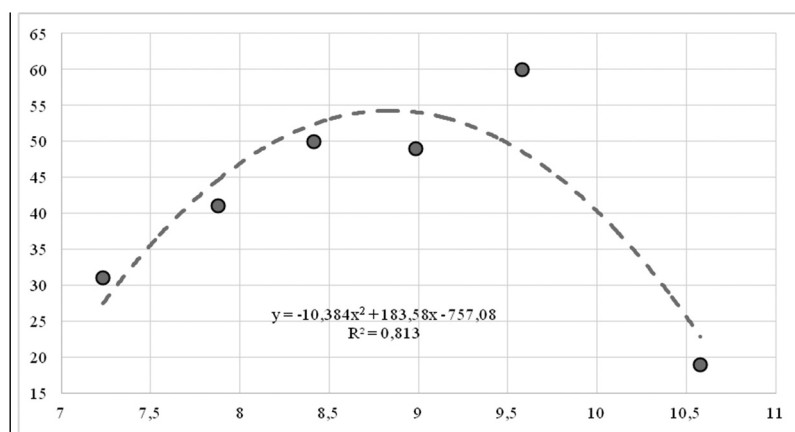
При наложении линии линейной регрессии объясняется порядка 85% дисперсии, $r = 0,92$ на уровне $p < 0,01$. Отметим, что эти результаты коррелируют с результатами предыдущих исследований, выявивших в странах этого типа выраженную положительную связь между ВВП на душу населения и интенсивностью ненасильственных антиправительственных демонстраций⁵¹ как центрального элемента невооруженных революций⁵².

В свою очередь *рис. 3* демонстрирует, что применительно к развитым странам закономерность прямо противоположная и по мере роста благосостояния риск невооруженной революционной дестабилизации

сокращается. Если в первых двух секстилях отмечено 19 и 25 подобных эпизодов, то в последних двух — три и пять соответственно. Другими словами, в развитых странах существует явная отрицательная корреляция между ВВП на душу населения и риском начала невооруженных революций: $R^2 = 0,78$, $r = -0,88$ на уровне $p < 0,05$.

Если вернуться к изначальному делению на секстили и рассмотреть слабо-, средне- и высокоразвитые страны вместе, то, в полном соответствии с нашей четвертой гипотезой, можно увидеть криволинейную зависимость между уровнем ВВП на душу населения и риском невооруженной революционной активности (см. *рис. 4*). Так, максимум и точка перегиба приходятся на пятый секстиль, включающий в себя страны с высоким подушевым ВВП (60 эпизодов), а минимум — на последний, то есть на страны с очень высоким ВВП (19 эпизодов). Иначе говоря, по мере перехода от менее богатых к более богатым группам стран риск невооруженной революционной дестабилизации растет вплоть до группы стран с высоким ВВП на душу населения, а потом начинает падать. При этом при наложении полинома второй степени объясняется порядка 81% дисперсии.

Рисунок 4 Криволинейная зависимость между натуральным логарифмом подушевого ВВП (ось абсцисс) и невооруженными революциями

⁵³ Ввиду специфики полученного распределения (где единиц в разы меньше, чем нулей) была использована логистическая регрессия со штрафом для максимального правдоподобия (*biased reduced penalized-likelihood logit*).

Для того чтобы удостовериться в адекватности наших результатов, мы дополнительно проверили связь между риском вооруженной/невооруженной революционной активности и логарифмом ВВП на душу населения в международных долларах 2017 г. посредством логистической регрессии⁵³. Как видно из *табл. 1*, ВВП на душу населения значимо и отрицательно связан с риском вооруженной революционной дестабилизации. Увеличение подушевого ВВП на один порядок (по на-

туральной логарифмической шкале) в среднем ведет к уменьшению риска вооруженного революционного выступления в 0,5 раз (по отношению к шансам — *odds ratio*, которые представляют собой экспоненты регрессионных коэффициентов). Что касается риска невооруженных революционных выступлений, то логистическая регрессия показывает высокую значимость всех компонентов подушевого ВВП, тем самым подтверждая наличие криволинейной зависимости. При этом данная зависимость имеет форму параболы ветвями вниз (то есть речь идет именно о перевернутой U-образной криволинейной зависимости).

Таблица 1 Логистическая регрессия (*bias-reduction*) между ВВП на душу населения и риском вооруженных и невооруженных революционных выступлений

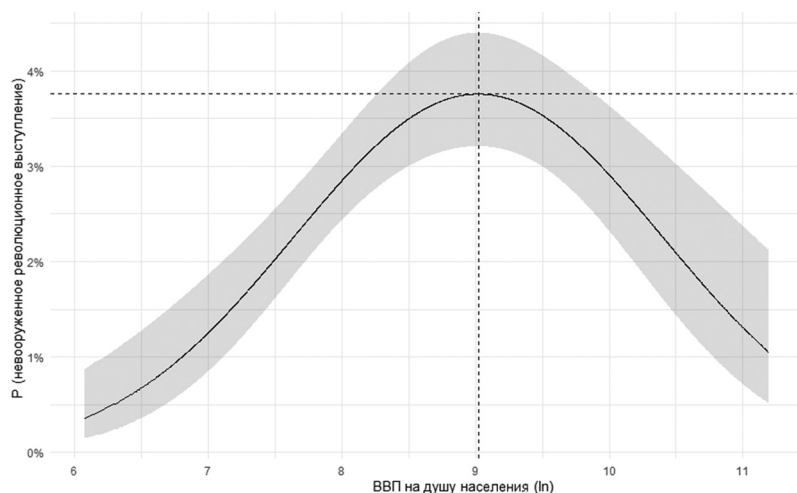
	Зависимая переменная:	
	Вооруженные революции	Невооруженные революции
ВВП на душу населения	-0,692*** (0,086)	4,965*** (1,118)
Квадрат ВВП на душу населения		-0,275*** (0,063)
Константа	1,792*** (0,685)	-25,637*** (4,888)
Наблюдения	8979	8979

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; в скобках приведены стандартные ошибки

На *рис. 5* представлены предсказанные вероятности возникновения невооруженного революционного события с 95% доверительным интервалом в зависимости от разных значений логарифма ВВП на душу населения. По сути, это визуализация соответствующей модели логистической регрессии из *табл. 1*. Точка перегиба, где риск невооруженной революционной дестабилизации максимален (около 4%), приходится на подушевой ВВП порядка 8100 международных долларов 2017 г. По нашей классификации, страна с таким уровнем подушевого ВВП попадает в четвертый секстиль. В целом это соотносится с результатами предыдущего анализа, хотя точкой перегиба там был скорее пятый секстиль. Следует, однако, заметить, что ввиду не слишком большого коэффициента перед квадратом независимой переменной полученная парабола оказывается не слишком крутой, и поскольку ее вершина относительно пологая, границы между четвертым и пятым секстилем стираются. Стоит также обратить внимание на то, что при малых значениях подушевого ВВП у выявленной нами посредством визуализации логистической регрессии параболической связи «хвост» заметно тяжелее, чем при высоких. То есть риск возникновения невооруженных революций в богатых странах все же больше, чем в самых

бедных. Это вполне объяснимо с учетом того, что при малом риске невооруженных революций в странах с низким подушевым ВВП есть серьезный риск революций вооруженных, которые в богатых странах замещаются именно невооруженными. Так, если при ВВП на душу населения, равном примерно 22 тыс. долларов (по нашей логарифмической шкале — 10), риск возникновения вооруженного эпизода составляет около 0,5%, то при ВВП в 3 тыс. долларов (по нашей логарифмической шкале — 8) — приблизительно 2,3%.

Рисунок 5 Вероятность невооруженного революционного выступления при разных уровнях ВВП

Заключение

Итак, все наши гипотезы получили убедительное подтверждение. По мере роста подушевого ВВП риск вооруженной революционной дестабилизации сильно и значимо снижается, почти достигая нуля в самых богатых странах. Что касается риска невооруженных революций, то в слабо- и среднеразвитых странах по мере повышения благосостояния он увеличивается, но падает в развитых странах. Другими словами, между ВВП на душу населения и риском невооруженной революционной дестабилизации существует криволинейная зависимость в форме параболы ветвями вниз.

В целом зоной перегиба, когда риск невооруженной революционной нестабильности максимален, можно считать область приблизительно в 14000—16000 международных долларов 2017 г. по ППС. Такой уровень благосостояния вполне соотносится с показателями стран среднего достатка, которые в настоящее время сталкиваются с так называемой ловушкой средних доходов (middle-income trap). Иначе говоря, их бла-

⁵⁴ Ср. Коротаяев, Васькин и Билюга 2017; Коротаяев, Цирель и Билюга 2019.

госостояние стагнирует на уровне, который чреват наибольшим риском возникновения невооруженных революций. А это означает, что, помимо очевидных экономических проблем, ловушка средних доходов ведет и к повышению вероятности невооруженной революционной нестабильности⁵⁴.

Библиография

Голдстоун Дж.А. (2006) «К теории революции четвертого поколения» // *Логос*, № 5: 58–103. URL: http://intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf (проверено 01.11.2022).

Голдстоун Дж.А., Л.Е.Гринин и А.В.Коротаяев. (2022) «Волны революций XXI столетия» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 108–119.

Коротаяев А.В., С.Э.Билюга и А.Р.Шишкина. (2016) «ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа» // *Сравнительная политика*, т. 7, № 4: 72–94.

Коротаяев А.В., С.Э.Билюга и А.Р.Шишкина. (2017а) «ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования (Кросс-национальный анализ)» // *Полития*, № 1 (84): 127–143. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1\(84\)-127-143.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1(84)-127-143.pdf) (проверено 01.11.2022).

Коротаяев А.В., С.Э.Билюга и А.Р.Шишкина. (2017б) «Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа» // *Полис. Политические исследования*, № 2: 155–169. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2017/Polis-2017-2-Korotayev.pdf> (проверено 01.11.2022).

Коротаяев А.В., Ю.В.Божевольнов, Л.Е.Гринин, Ю.В.Зинькина и С.Ю.Малков. (2011) «Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели» // Акаев А.А., А.В.Коротаяев, Г.Г.Малинецкий и С.Ю.Малков, ред. *Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: Красанд: 138–164.

Коротаяев А.В., И.А.Васькин и С.Э.Билюга. (2017) «Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа» // *Социологическое обозрение*, т. 16, № 1: 9–49. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2017/03/30/1168539368/Soc-Oboz_16_1_9-49_Korotayev_Vaskin_Bilyuga.pdf (проверено 01.11.2022).

Коротаяев А.В., Гринин Л.Е., Медведев И.А. и М.Слав. (2022) «Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке» // *Социологическое обозрение*, т. 21, № 4: 9–65.

Коротаяев А.В., П.С.Сойер, Л.Е.Гринин, А.Р.Шишкина и Д.М.Романов. (2020) «Социально-экономическое развитие и антиправительственные протесты в свете новых результатов количественного анализа глобальных баз данных» // *Социологический журнал*, т. 26, № 4: 25–41. URL: <https://jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/7642/7583> (проверено 01.11.2022).

Коротаев А.В., Д.А.Халтурина, А.С.Малков, Ю.В.Божевольнов, С.В.Кобзева и Ю.В.Зинькина. (2010) *Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. М.: ЛКИ/URSS.

Коротаев А.В., Д.А.Халтурина, С.В.Кобзева и Ю.В.Зинькина. (2011) «Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем» // Акаев А.А., А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий и С.Ю.Малков, ред. *Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: Красанд: 45—88.

Коротаев А.В., С.В.Цирель и С.Э.Билюга. (2019) «Коррупция, ценности и попытки насильственных изменений государственной власти в странах с различным уровнем ВВП на душу населения: опыт количественного компаративного и корреляционного анализа» // *Сравнительная политика*, т. 10, № 1: 98—123. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/231203581.pdf> (проверено 01.11.2022).

Маркс К. и Ф.Энгельс. (1955) «Манифест Коммунистической партии» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 4. М.: Государственное изд-во политической литературы: 419—459.

Розов Н.С., Ю.А.Пустовойт, С.И.Филиппов и В.В.Цыганков. (2019) *Революционные волны в ритмах глобальной модернизации*. М.: Красанд/URSS.

Устюжанин В.В., Л.Е.Гринин, И.А.Медведев и А.В.Коротаев. (2022) «Образование и революции (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?)» // *Полития*, № 1 (104): 50—71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1\(104\)-edit-50-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1(104)-edit-50-71.pdf) (проверено 01.11.2022).

Устюжанин В.В. и А.В.Коротаев. (2022) «Революции и демократия. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 66: 198—210.

Шульц Э.Э. (2016) *Теория революции: Революции и современные цивилизации*. М.: Ленанд/URSS.

Ackerman P. and C.Kruegler. (1994) *Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century*. Westport: Praeger.

Albrecht H. and K.Koehler. (2020) «Revolutionary Mass Uprisings in Authoritarian Regimes» // *International Area Studies Review*, vol. 23, no. 2: 135—159.

Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.

Besançon M.L. (2005). «Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides» // *Journal of Peace Research*, vol. 42, no. 4: 393—415.

Bueno de Mesquita B. (1985) «The War Trap Revisited» // *American Political Science Review*, vol. 79, no. 1: 156—177.

Butcher C. and I.Svensson. (2016) «Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no. 2: 311–339.

Casper B.A. and S.A.Tyson. (2014) «Popular Protest and Elite Coordination in a Coup D'état» // *Journal of Politics*, vol. 76, no. 2: 548–564.

Chenoweth E. and O.A.Lewis. (2013) «Unpacking Nonviolent Campaigns: Introducing the NAVCO 2.0 Dataset» // *Journal of Peace Research*, vol. 50, no. 3: 415–423.

Chenoweth E. and C.W.Shay. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge (MA): Harvard Dataverse.

Chenoweth E. and M.J.Stephan. (2011). *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Chenoweth E. and J.Ulfelder. (2017) «Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings?» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 2: 298–324.

Cincotta R. and H.Weber. (2021). «Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts» // Goerres A. and P.Vanhuyse, eds. *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions*. Cham: Palgrave Macmillan: 57–92.

Dahl M., S.Gates, K.Gleditsch, and B.Gonzalez. (2021) «Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics» // *Economics of Peace and Security Journal*, vol. 16, no. 1: 5–25.

Dahl R.A. and C. E.Lindblom. (2017) *Politics, Economics, and Welfare*. New York: Routledge.

Dahlum S. (2019) «Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest» // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 2: 277–309.

Davies J. (1962) «Towards a Theory of Revolution» // *American Sociological Review*, vol. 27, no. 1: 5–19.

DeNardo J. (1985) *Power in Numbers*. Princeton: Princeton University Press.

Escriba-Folch A. (2013) «Accountable for What? Regime Types, Performance, and the Fate of Outgoing Dictators, 1946–2004» // *Democratization*, vol. 20, no. 1: 160–185.

Fearon J.D. and D.D.Laitin. (2003) «Ethnicity, Insurgency, and Civil War» // *American Political Science Review*, vol. 97, no. 1: 75–90.

Gleditsch K.S. and M.Rivera. (2017) «The Diffusion of Nonviolent Campaigns» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 5: 1120–1145.

Grinin L. (2022) «Revolutions and Modernization Traps» // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 219–238.

Grossman H.I. (1991) «A General Equilibrium Model of Insurrections» // *American Economic Review*, vol. 81, no. 4: 912–921.

Gurr T. (1970) *Why Men Rebel*. Princeton: Princeton University Press.

Hegre H. and N.Sambanis. (2006) «Sensitivity Analysis of Empirical Results on Civil War Onset» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 50, no. 4: 508—535.

Huntington S.P. (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.

Inglehart R., B.Puranen, and C.Welzel. (2015) «Declining Willingness to Fight for One's Country» // *Journal of Peace Research*, vol. 52, no. 4: 418—434.

Inglehart R. and C.Welzel. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge (MA): Cambridge University Press.

Kadivar M.A. and N.Ketchley. (2018) «Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization» // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 4: 1—16. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2378023118773614> (accessed on 01.11.2022).

Keller F. (2012) *(Why) Do Revolutions Spread?* APSA 2012 Annual Meeting Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/275954363_Why_Do_Revolutions_Spread (accessed on 01.11.2022).

Knight J. (1995) «Models, Interpretations, and Theories: Constructing Explanations of Institutional» // Knight J. and I.Sened, eds. *Explaining Social Institutions*. Ann Arbor: University of Michigan Press: 95—124.

Korotayev A., S.Bilyuga, and A.Shishkina. (2018) «GDP per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis» // *Cross-Cultural Research*, vol. 52, no. 4: 406—440.

Korotayev A., P.Sawyer, and D.Romanov. (2021) «Socio-Economic Development and Protests: A Quantitative Reanalysis» // *Comparative Sociology*, vol. 20, no. 2: 195—222.

Korotayev A. and A.Shishkina. (2020) «Relative Deprivation as a Factor of Sociopolitical Destabilization: Toward a Quantitative Comparative Analysis of the Arab Spring Events» // *Cross-Cultural Research*, vol. 54, no. 2—3: 296—318.

Korotayev A., I.Vaskin, S.Bilyuga, and I.Ilyin. (2018) «Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis» // *Cliodynamics*, vol. 9, no. 1: 59—118.

Korotayev A., J.Zinkina, S.Kobzeva, J.Bogevolnov, D.Khaltourina, A.Malkov, and S.Malkov. (2011) «A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia» // *Cliodynamics*, vol. 2, no. 2: 276—303.

Kricheli R. and Y.Livne. (2011) *Mass Revolutions vs. Elite Coups*. APSA 2009 Toronto Meeting Paper. URL: <https://ssrn.com/abstract=1449852> (accessed on 01.11.2022).

Lichbach M.I. (1995) *The Rebel's Dilemma*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

McAdam D. (1999). *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930—1970*. Chicago: University of Chicago Press.

Paige J. (1975) *Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World*. New York: Free Press.

Sambanis N. (2001) «Do Ethnic and Nonethnic Civil Wars Have the Same Causes? A Theoretical and Empirical Enquiry (Part 1)» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 46, no. 1: 259—282.

Shaheen S. (2015) *Measuring Social Acts of Defiance Against the Government: The Social Uprisings Composite Index (SUCI)*. Ph.D. diss. Marburg: Philipps University of Marburg.

Wimmer A., L.E.Cederman, and B.Min. (2009). «Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set» // *American Sociological Review*, vol. 74, no. 2: 316—337.

**V.V.Ustyuzhanin, V.A.Mikheeva,
I.A.Sumernikov, A.V.Korotayev**

**ECONOMIC ORIGINS OF REVOLUTIONS:
THE LINK BETWEEN GDP
AND THE RISK OF REVOLUTIONARY
EVENTS**

Vadim V. Ustyuzhanin — Research Intern at the Laboratory for Monitoring the Risks of Social and Political Destabilization, HSE University; Junior Researcher at the International Laboratory of Demography and Human Capital, RANEPА. Email: vvustuzhanin@hse.ru.

Veronika A. Mikheeva — Research Intern at the Laboratory for Monitoring the Risks of Social and Political Destabilization, HSE University. Email: vamikheeva@edu.hse.ru.

Ilya A. Sumernikov — Research Intern at the Laboratory for Monitoring the Risks of Social and Political Destabilization, HSE University. Email: iasumernikov@hse.ru.

Andrey V. Korotayev — Doctor of History; Professor; Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabiliza-

tion, HSE University; Chief Researcher at the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (RAS). Email: akorotayev@gmail.com.

Abstract. The recent years have witnessed numerous studies that analyze the influence of different factors on the probability of revolutionary events. At the same time, an important set of modernization variables (GDP, urbanization, education, democratization) still remains understudied. Moreover, the results of the contemporary quantitative studies show significant discrepancies in how wealth (operationalized through GDP per capita) affects the risks of revolutionary events. Herewith scholars usually consider such events in the aggregate, without dividing them into armed and non-armed rebellions.

This paper attempts to shed light on the impact of wealth on revolutionary instability, taking into account the distinguishing features of its armed and non-armed versions. On the basis of the analysis of 425 revolutionary episodes of various types over the period of 1900–2019, the authors document a strong linear negative relationship between armed revolutions and the level of GDP per capita, while the relationship between unarmed revolutions and wealth has a curvilinear nature. At first, as GDP per capita increases, the risks of unarmed revolutions increase, but after reaching a certain threshold they begin to fall. The inflection point, when the risk of unarmed revolutionary instability is the greatest, corresponds to the level of GDP per capita in the middle-income countries, which currently face the middle-income trap. In other words, their wealth stagnates at the level that is most risky for the emergence of unarmed revolutions. According to the authors' conclusion, in addition to the obvious economic problems associated with the middle-income trap, the latter also leads to the increased probability of unarmed revolutionary instability.

Keywords: modernization, revolutionary destabilization, armed revolutions, unarmed revolutions, wealth, cross-national studies

References

- Ackerman P. and C.Kruegler. (1994) *Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century*. Westport: Praeger.
- Albrecht H. and K.Koehler. (2020) "Revolutionary Mass Uprisings in Authoritarian Regimes" // *International Area Studies Review*, vol. 23, no. 2: 135–159.
- Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.
- Besançon M.L. (2005). "Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides" // *Journal of Peace Research*, vol. 42, no. 4: 393–415.

- Bueno de Mesquita B. (1985) “The War Trap Revisited” // *American Political Science Review*, vol. 79, no. 1: 156–177.
- Butcher C. and I.Svensson. (2016) “Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no. 2: 311–339.
- Casper B.A. and S.A.Tyson. (2014) “Popular Protest and Elite Coordination in a Coup D’état” // *Journal of Politics*, vol. 76, no. 2: 548–564.
- Chenoweth E. and O.A.Lewis. (2013) “Unpacking Nonviolent Campaigns: Introducing the NAVCO 2.0 Dataset” // *Journal of Peace Research*, vol. 50, no. 3: 415–423.
- Chenoweth E. and C.W.Shay. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge (MA): Harvard Dataverse.
- Chenoweth E. and M.J.Stephan. (2011). *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.
- Chenoweth E. and J.Ulfelder. (2017) “Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings?” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 2: 298–324.
- Cincotta R. and H.Weber. (2021). “Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts” // Goerres A. and P.Vanhuyse, eds. *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions*. Cham: Palgrave Macmillan: 57–92.
- Dahl M., S.Gates, K.Gleditsch, and B.Gonzalez. (2021) “Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics” // *Economics of Peace and Security Journal*, vol. 16, no. 1: 5–25.
- Dahl R.A. and C. E.Lindblom. (2017) *Politics, Economics, and Welfare*. New York: Routledge.
- Dahlum S. (2019) “Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest” // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 2: 277–309.
- Davies J. (1962) “Towards a Theory of Revolution” // *American Sociological Review*, vol. 27, no. 1: 5–19.
- DeNardo J. (1985) *Power in Numbers*. Princeton: Princeton University Press.
- Escriba-Folch A. (2013) “Accountable for What? Regime Types, Performance, and the Fate of Outgoing Dictators, 1946–2004” // *Democratization*, vol. 20, no. 1: 160–185.
- Fearon J.D. and D.D.Laitin. (2003) “Ethnicity, Insurgency, and Civil War” // *American Political Science Review*, vol. 97, no. 1: 75–90.
- Gleditsch K.S. and M.Rivera. (2017) “The Diffusion of Nonviolent Campaigns” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 5: 1120–1145.
- Goldstone J.A. (2006) “K teorii revolutsii chetvertogo pokolenija” [Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory] // *Logos*, no. 5: 58–103. URL: http://intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf (accessed on 01.11.2022). (In Russ.)

Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev. (2022) “Volny revoljutsij 21 stoletija” [Waves of Revolutions in the 21st Century] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 108—119. (In Russ.)

Grinin L. (2022) “Revolutions and Modernization Traps” // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 219—238.

Grossman H.I. (1991) “A General Equilibrium Model of Insurrections” // *American Economic Review*, vol. 81, no. 4: 912—921.

Gurr T. (1970) *Why Men Rebel*. Princeton: Princeton University Press.

Hegre H. and N.Sambanis. (2006) “Sensitivity Analysis of Empirical Results on Civil War Onset” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 50, no. 4: 508—535.

Huntington S.P. (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.

Inglehart R., B.Puranen, and C.Welzel. (2015) “Declining Willingness to Fight for One’s Country” // *Journal of Peace Research*, vol. 52, no. 4: 418—434.

Inglehart R. and C.Welzel. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge (MA): Cambridge University Press.

Kadivar M.A. and N.Ketchley. (2018) “Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization” // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 4: 1—16. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2378023118773614> (accessed on 01.11.2022).

Keller F. (2012) *(Why) Do Revolutions Spread?* APSA 2012 Annual Meeting Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/275954363_Why_Do_Revolutions_Spread (accessed on 01.11.2022).

Knight J. (1995) “Models, Interpretations, and Theories: Constructing Explanations of Institutional” // Knight J. and I.Sened, eds. *Explaining Social Institutions*. Ann Arbor: University of Michigan Press: 95—124.

Korotayev A.V., S.E.Bilyuga, and A.R.Shishkina. (2016) “VVP na dushu naselenija, uroven’ protestnoj aktivnosti i tip rezhima: opyt kolichestvennogo analiza” [GDP per Capita, Protest Intensity and Regime Type: a Quantitative Analysis] // *Sravnitel’naja politika* [Comparative Politics Russia], vol. 7, no. 4: 72—94. (In Russ.)

Korotayev A.V., S.E.Bilyuga, and A.R.Shishkina. (2017a) “VVP na dushu naselenija, intensivnost’ antipravitel’stvennykh demonstratsij i uroven’ obrazovanija (Kross-natsional’nyj analiz)” [GDP per Capita, Intensity of Anti-government Demonstrations and Level of Education (Cross-national Analysis)] // *Politeia*, no. 1 (84): 127—143. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1\(84\)-127-143.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1(84)-127-143.pdf) (accessed on 01.11.2022). (In Russ.)

Korotayev A.V., S.E.Bilyuga, and A.R.Shishkina. (2017b) “Ekonomicheskij rost i sotsial’no-politicheskaja destabilizatsija: opyt global’nogo analiza” [Correlation between GDP per Capita and Protest Intensity: a Quanti-

tative Analysis] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 2: 155–169. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2017/Polis-2017-2-Korotaev.pdf> (accessed on 01.11.2022). (In Russ.)

Korotayev A., S.Bilyuga, and A.Shishkina. (2018) “GDP per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis” // *Cross-Cultural Research*, vol. 52, no. 4: 406–440.

Korotayev A.V., J.V.Bogevolnov, L.E.Grinin, J.V.Zinkina, and S.J.Malkov. (2011) “Lovushka na vykhode iz lovushki. Logicheskie i matematicheskie modeli” [A Trap at the Escape from the Trap. Logical and Mathematical Models] // Akaev A.A., A.V.Korotayev, G.G.Malinetskii, and S.Y.Malkov, eds. *Proekty i riski budushchego: Kontseptsii, modeli, instrumenty, prognozy* [Projects and Risks of the Future: Concepts, Models, Tools, Forecasts]. Moscow: Krasand: 138–164. (In Russ.)

Korotayev A.V., D.A.Khaltourina, S.V.Kobzeva, and J.V.Zinkina. (2011) “Lovushka na vykhode iz lovushki? O nekotorykh osobennostyakh politiko-demograficheskoy dinamiki modernizirujushchiksja system” [A Trap at the Escape from the Trap? On Some Features of the Political and Demographic Dynamics of Modernizing Systems] // Akaev A.A., A.V.Korotaev, G.G.Malinetskii, S.Y.Malkov, eds. *Proekty i riski budushchego: Kontseptsii, modeli, instrumenty, prognozy* [Projects and Risks of the Future: Concepts, Models, Tools, Forecasts]. Moscow: Krasand: 45–88. (In Russ.)

Korotayev A.V., D.A.Khaltourina, A.S.Malkov, J.V.Bogevolnov, S.V.Kobzeva, and J.V.Zinkina. (2010) *Zakony istorii: Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie mirovogo i regional'nogo razvitiija* [Laws of History: Mathematical Modeling and Forecasting of World and Regional Development]. Moscow: LKI/URSS. (In Russ.)

Korotayev A.V., P.S.Sawyer, L.E.Grinin, D.M.Romanov, and A.R.Shishkina. (2020) “Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie i antipravitel'stvennye protesty v svete novykh rezul'tatov kolichestvennogo analiza global'nykh baz dannykh” [Socio-Economic Development and Anti-government Protests in Light of a New Quantitative Analysis of Global Databases] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], vol. 26, no. 4: 25–41. URL: <https://jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/7642/7583> (accessed on 01.11.2022). (In Russ.)

Korotayev A. and A.Shishkina. (2020) “Relative Deprivation as a Factor of Sociopolitical Destabilization: Toward a Quantitative Comparative Analysis of the Arab Spring Events” // *Cross-Cultural Research*, vol. 54, no. 2–3: 296–318.

Korotayev A., P.Sawyer, and D.Romanov. (2021) “Socio-Economic Development and Protests: A Quantitative Reanalysis” // *Comparative Sociology*, vol. 20, no. 2: 195–222.

Korotayev A.V., S.V.Tsirel, and S.E.Bilyuga. (2019) “Korrupsija, tsennosti i popytki nasil'stvennykh izmenenij gosudarstvennoj vlasti v stranakh s razlichnym urovnem VVP na dushu naselenija: opyt kolichestvennogo komparativnogo i korreljatsionnogo analiza” [Corruption, Human Values and Attempts of Violent Changes of Government in Countries with Various Levels

of Per Capita GDP: A Comparative Quantitative Analysis] // *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics Russia], vol. 10, no. 1: 98–123. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/231203581.pdf> (accessed on 01.11.2022). (In Russ.)

Korotayev A.V., I.A.Vaskin, and S.E.Bilyuga. (2017) “Gipoteza Olsona-Khantingtona o krivolinejnoj zavisimosti mezhdou urovnem ekonomicheskogo razvitija i sotsial'no-politicheskoj destabilizatsiej: opyt kolichestvennogo analiza” [Olson-Huntington Hypothesis on a Bell-Shaped Relationship between the Level of Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Quantitative Analysis] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 16, no. 1: 9–49. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2017/03/30/1168539368/SocOboz_16_1_9-49_Korotaev_Vaskin_Bilyuga.pdf (accessed on 01.11.2022). (In Russ.)

Korotayev A., I.Vaskin, S.Bilyuga, and I.Ilyin. (2018) “Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis” // *Cliodynamics*, vol. 9, no. 1: 59–118.

Korotayev A., J.Zinkina, S.Kobzeva, J.Bogevolnov, D.Khaltourina, A.Malkov, and S.Malkov. (2011) “A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia” // *Cliodynamics*, vol. 2, no. 2: 276–303.

Kricheli R. and Y.Livne. (2011) *Mass Revolutions vs. Elite Coups*. APSA 2009 Toronto Meeting Paper. URL: <https://ssrn.com/abstract=1449852> (accessed on 01.11.2022).

Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lichbach M.I. (1995) *The Rebel's Dilemma*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Marx K. and F.Engels. (1955). “Manifest Kommunisticheskoy partii” [Manifest der Kommunistischen Partei] // K.Marx and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury: 419–459. (In Russ.)

McAdam D. (1999). *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970*. Chicago: University of Chicago Press.

Paige J. (1975) *Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World*. New York: Free Press.

Rozov N.S., Yu.A.Pustovoit, S.I.Filippov, and V.V.Tsygankov. (2019) *Revoljutsionnye volny v ritmakh global'noj modernizatsii* [Revolutionary Waves in the Rhythms of Global Modernization]. Moscow: Krasand/URSS. (In Russ.)

Sambanis N. (2001) “Do Ethnic and Nonethnic Civil Wars Have the Same Causes? A Theoretical and Empirical Enquiry (Part 1)” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 46, no. 1: 259–282.

Shaheen S. (2015) *Measuring Social Acts of Defiance Against the Government: The Social Uprisings Composite Index (SUCI)*. Ph.D. diss. Marburg: Philipps University of Marburg.

Shults E.E. (2016) *Teorija revoljutsii: Revoljutsii i sovremennye tsivilizatsii* [Theory of Revolution: Revolutions and Modern Civilizations]. Moscow: Lenand/URSS. (In Russ.)

Ustyuzhanin V.V., L.E.Grinin, I.A.Medvedev, and A.V.Korotayev. (2022) “Obrazovanie i revoljutsii (Pochemu revoljutsionnye vystuplenija primajut vooruzhennuju ili nevooruzhennuju formu?)” [Education and Revolutions (Why Do Some Revolutions Take up Arms while Others Do Not?)] // *Politeia*, no. 1 (104): 50–71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1\(104\)-edit-50-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1(104)-edit-50-71.pdf) (accessed on 01.11.2022). (In Russ.)

Ustyuzhanin V.V. and A.V.Korotayev. (2022) “Revoljutsii i demokratija. Pochemu revoljutsionnye vystuplenija primajut vooruzhennuju ili nevooruzhennuju formu?” [Revolutions and Democracy. Why Do Revolutionary Actions Take Armed or Unarmed Form?)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sotsiologija. Politologija* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], no. 66: 198–210. (In Russ.)

Wimmer A., L.E.Cederman, and B.Min. (2009). «Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set» // *American Sociological Review*, vol. 74, no. 2: 316–337.

политика

Ю.Г.Коргунюк

ТЕМАТИКА СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00709 «Оценка наследия СССР в риторике основных политических акторов современной России».

Коргунюк Юрий Григорьевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН. Для связи с автором: partinform@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу места советского прошлого в межпартийной дискуссии и влияния данной тематики на выбор российского электората в избирательных кампаниях 1993—2021 гг. По заключению автора, несмотря на не слишком большое количество вопросов, относящихся к этой сфере, и довольно скромную их долю в общей повестке кампаний, они формировали противостояния, сильно коррелирующие с размежеваниями внутри ведущих политических измерений и предметных областей и вызывающие резонанс в массовом политическом сознании.

В 1993—2011 гг. речь шла об одном противостоянии — «коммунисты — антикоммунисты (либералы)». В 2016—2021 гг. к нему добавилось размежевание по линии «консерваторы — либералы», проявившееся в особой позиции Либерально-демократической партии России, которая по одним вопросам советского прошлого примыкала к либералам, по другим — к коммунистам.

В 1993 и 1995 гг. противостояние между коммунистами и антикоммунистами (либералами) по вопросам советского прошлого успешно конкурировало с политическими измерениями и предметными размежеваниями при определении политического лица первого (то есть главного) электорального размежевания. В 1999 г. это противостояние переместилось из первого электорального размежевания во второе, где продолжало с успехом соперничать с размежеванием между советскими традиционалистами и модернистами в системной области. В 2003 г. оно также выдерживало конкуренцию с размежеваниями между рыночниками и «плановиками» в социально-экономической сфере и советскими традиционалистами и модернистами в сфере системной, однако в 2007—2016 гг. утратило эту способность, хотя и сохранило фоновое присутствие в политическом пространстве.

В 2021 г. наблюдался своего рода ренессанс советского прошлого, к которому начали активно апеллировать не только коммунисты и либералы, но и другие политические силы, включая «партию власти». Усилилось и влияние связанных с ним противостояний на электоральные размежева-

ния, правда, лишь при исключении из анализа регионов с явкой более 60%. В этом случае противостояние между коммунистами и либералами по тематике советского прошлого определяло лицо второго электорального размежевания, а особая позиция ЛДПР — третьего.

Ключевые слова: советское прошлое, политические партии, выборы, постсоветская Россия, факторный анализ, корреляционный анализ, множественная регрессия

Наше прошлое всегда с нами — эта сентенция вполне применима и к политике, в том числе партийной. Неотъемлемым элементом партийных программ является презентация проектов развития страны, представляющих собою, как правило, не что иное, как проецированные в будущее взгляды на прошлое.

Наиболее актуальны в этом плане персонажи и события относительно недавнего прошлого, в максимальной степени раскалывающего текущее политическое пространство. В современной России это советский период.

В своих предыдущих работах автор уже касался тематики советского прошлого в межпартийной дискуссии по состоянию на осень 2020 г.² и в избирательной кампании 2021 г.³ Было отмечено, в частности, что на выборах 2021 г. эта тематика не только не утратила значимости при мотивации голосования за те или иные партии, но даже несколько возросла. Если раньше противостояния по этим сюжетам рождались в более широких размежеваниях, то теперь они составили им серьезную конкуренцию⁴.

Вполне естественно задаться вопросом, явилось ли такое возрастание роли советского прошлого продолжением предшествующих тенденций или, наоборот, их изменением. Для ответа на него необходимо выяснить, какую роль тематика советского прошлого играла в предыдущих избирательных кампаниях постсоветской России. Решению этой задачи и посвящена настоящая статья.

Методология исследования

Как и прежде, методология исследования базируется на инструментальной концепции размежеваний (cleavage theory⁵) и теории проблемных измерений (issue dimensions theory⁶), исходящих из того, что в основе политической борьбы лежат противостояния по вопросам (issues), которые в наибольшей степени поляризуют позиции участников межпартийной дискуссии.

Эти вопросы выявляются посредством мониторинга данной дискуссии, а затем измеряются количественно. Авторская методика измерения предполагает оценку партийных позиций по шкале от -5 до +5 (низшая оценка присваивается крайне негативному отношению, высшая — апологетическому; если партия придерживается «центристской»

² Коргунюк 2021.

³ Коргунюк 2022.

⁴ Там же: 123.

⁵ Lipset and Rokkan (eds.) 1967.

⁶ Budge, Robertson, and Hearl (eds.) 1987.

позиции или не имеет никакой, ставится ноль); полученные показатели подвергаются факторному анализу⁷.

Обнаруженные факторы рассматриваются либо как политические измерения (если берется вся совокупность вопросов), либо как противостояния по отдельным предметным областям — внутриполитической, социально-экономической, внешнеполитической, мировоззренческой. Вопросы советского прошлого относятся к мировоззренческой области.

Факторы могут выявляться двумя способами, согласно двум разновидностям факторного анализа: Q-техника (линейная комбинация групп объектов) и R-техника (линейная комбинация признаков). На первой технике строилась методика, примененная во второй половине 1980-х годов Иэном Баджем и его коллегами к анализу партийных программ и предвыборных платформ⁸, на второй — авторская методика. Обе эти техники были задействованы автором при исследовании роли тематики советского прошлого в кампании 2021 г.⁹

При Q-технике позиции партий (issue positions) выступают в роли переменных (variables), а участвующие в дискуссии партии — в роли случаев (cases). R-техника, наоборот, роль переменных отводит партиям, роль случаев — вопросам. В принципе методика, основанная на R-технике, дает более надежные результаты и предлагает более сложную картину политических измерений (dimensions). Но для ее использования необходимо, чтобы число вопросов, по которым ведется дискуссия, значительно превышало количество участников таковой. А с этим нередко возникают проблемы.

Например, в думской кампании 2021 г. к советскому прошлому имели отношение 16 из 185 вопросов межпартийной дискуссии, в выборах участвовали 14 партий. Для обеспечения нужного соотношения переменных и случаев приходилось прибегать к разного рода ухищрениям, в том числе исключать из анализа партии, не проявлявшие особого интереса к данной тематике. Но это, в свою очередь, сужало возможности для сравнения результатов с более широкими размежеваниями как в политическом, так и в электоральном пространстве.

Использование Q-техники позволяет преодолевать возникающие сложности не столь грубо. Если вопросов слишком много, их можно просто разбить на тематические группы, а полученные результаты подвергнуть вторичному факторному анализу — так поступили Бадж и его коллеги. У этого метода тоже есть изъяны; в частности, метод двойного факторного анализа тяготеет к сокращению числа выявленных измерений (issue dimensions)¹⁰, что в свое время заставило участников проекта «Манифесто» отказаться от факторного анализа, ограничившись определением места партий на шкале «левые—правые»¹¹.

Однако если вопросов немного, необходимость в двойном факторном анализе отпадает. Поскольку в подавляющем большинстве думских кампаний этих вопросов было действительно мало, не оставалось ничего иного, кроме как отдать предпочтение Q-технике.

⁷ Подробнее см. Коргунюк 2013, 2017, 2019а; Коргунюк 2014, 2020.

⁸ Budge, Robertson, and Hearl (eds.) 1987.

⁹ Коргунюк 2022.

¹⁰ Подробнее см. Там же.

¹¹ Budge and Notola 2012.

В соответствии с данной методикой в настоящем исследовании вопросы выступают в роли переменных, партии — в роли случаев. В дальнейшем факторные оценки (factor scores) партий посредством корреляционного анализа и множественной регрессии (метод наименьших квадратов — МНК, или OLS) сравниваются с их факторными нагрузками (factor loadings) в более широких размежеваниях в политическом и электоральном пространствах. Политические размежевания являются соответствующими расчетами по всему комплексу вопросов политической повестки, электоральные — факторным анализом долей голосов, полученных партиями в различных территориальных единицах (в нашем случае — в субъектах Федерации).

Результаты этого сравнения позволяют сделать ряд заключений о роли и месте тематики советского прошлого в межпартийной дискуссии и политическом выборе избирателей.

Выборы-1993

В избирательной кампании 1993 г. только два поляризирующих вопроса из 31 касались советского прошлого: отношение к этому прошлому в целом и к распаду СССР. Факторный анализ партийных позиций по данным вопросам ожидаемо дал только одно размежевание — по линии «коммунисты — провластные либералы»: «Выбор России» и Российское движение демократических реформ оппонировали КПРФ и Аграрной партии России, чьи факторные оценки были максимальными по модулю (см. *табл. 1*).

Это противостояние имело сильную корреляцию с такими противостояниями в предметных областях, как размежевание между коммунистами и лоялистами во внутренней политике; между сторонниками рынка и плана в социально-экономической сфере; между традиционалистами и модернистами, а также между демократами и консерваторами в сфере системной. Однако наиболее сильной оказалась корреляция со вторым политическим измерением, включавшим в себя элементы большинства указанных выше размежеваний с доминированием противостояния по линии «рынок — план» (см. *табл. 2*).

Примечательно, что в регрессионных моделях связей между территориальными различиями в голосовании за партии (электоральными размежеваниями) и противостояниями в политической сфере оппозиция коммунистов и провластных либералов по вопросам советского прошлого более надежно предсказывала поведение избирателей в первом электоральном размежевании, чем второе политическое измерение, дававшее интерпретацию этому размежеванию в случае исключения тематики советского прошлого из набора независимых переменных (см. *табл. 3*). Известную роль данная оппозиция сыграла и при определении политической окраски третьего электорального размежевания — между «Выбором России» и Партией российского единства и согласия, с одной стороны, и ЛДПР и Демократической партией России, с дру-

Таблица 1 Противостояние участников выборов-1993 по вопросам советского прошлого

	<i>Отношение к советскому прошлому</i>	<i>Отношение к распаду СССР</i>	<i>Факторные оценки</i>
«Выбор России»	-5	3	-1,622
Российское движение демократических реформ	-5	3	-1,622
«Женщины России»	-2	0	-0,348
«Яблоко»	-5	-3	-0,212
Конструктивно-экологическое движение России	-1	0	-0,158
«Будущее России — Новые имена»	-2	-1	-0,113
Демократическая партия России	-4	-3	-0,022
«Достоинство и милосердие»	0	0	0,032
«Гражданский союз»	-1	-1	0,077
Партия российского единства и согласия	-2	-2	0,122
ЛДПР	-3	-4	0,402
Аграрная партия России	3	-3	1,306
КПРФ	5	-5	2,156

гой. Правда, здесь она не вытеснила второе политическое измерение, а явилась его «младшим партнером».

Конкурируя с размежеваниями в отдельных предметных областях политического пространства, противостояние по вопросам советского прошлого оказалось не столь мощным предиктором (см. табл. 4). Оно играло лишь подчиненную роль при определении политического лица первого электорального размежевания, отдав главное место размежеванию между традиционалистами и модернистами в системной (мировоззренческой) сфере. А при политической интерпретации третьего размежевания оно уступило противостоянию власти и оппозиции в социально-экономической сфере, не сумев пристроиться к нему даже в качестве вспомогательного фактора.

Тем не менее влияние тематики советского прошлого в межпартийном противоборстве на выборах 1993 г. следует признать достаточно существенным. Она внесла известный вклад в определение политиче-

Таблица 2 Корреляция между факторными оценками участников выборов-1993 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

Variable	Correlations (Spreadsheet5) Marked correlations are significant at $p < 0,05000$ $N=13$ (Casewise deletion of missing data)
	Коммунисты — провластные либералы
Политическое измерение — 1	0,157 $p=0,610$
Политическое измерение — 2	-0,874 $p=0,000$
Политическое измерение — 3	0,034 $p=0,912$
Внутренняя политика: власть — оппозиция	0,273 $p=0,367$
Внутренняя политика: коммунисты — лоялисты	0,801 $p=0,001$
Внутренняя политика: особая позиция ЛДПР	-0,254 $p=0,402$
Социально-экономическая сфера: власть — оппозиция	-0,517 $p=0,071$
Социально-экономическая сфера: рынок — план	0,827 $p=0,000$
Системная сфера: традицио- налисты — модернисты	0,803 $p=0,001$
Системная сфера: демократы — консерваторы	-0,712 $p=0,006$
Системная сфера: особая позиция «Достоинства и милосердия»	0,275 $p=0,364$

ской окраски первого, то есть основного, электорального размежевания. Конечно, противостояние по вопросам советского прошлого проиграло в предсказательной силе размежеванию между традиционалистами и модернистами в мировоззренческой сфере. Но, если вдуматься, оно и являлось частью этого размежевания, причем, возможно, не последней по значимости.

Таблица 3 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-1993 и противостояниями в политической сфере (модель 1)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3		ЭР-4	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,811	0,000			0,481	0,038	0,506	0,006
	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка
Коммунисты против про-властных либералов в вопросах советского прошлого	-0,900	0,131			0,930	0,469		
Политическое измерение — 1								
Политическое измерение — 2	(0,830)*	(0,168)*			1,339	0,469		
Политическое измерение — 3							0,711	0,212

* Значения beta-коэффициента и стандартной ошибки в случае исключения противостояния по вопросам советского прошлого из набора независимых переменных.

Таблица 4 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-1993 и противостоениями в политической сфере (модель 2)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3		ЭР-4	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,968	0,000	0,387	0,023	0,351	0,033	0,556	0,017
Коммунисты против провластных либералов в вопросах советского прошлого	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка
Внутренняя политика: власть — оппозиция	-0,270	0,113						
Внутренняя политика: коммунисты — лоялисты							0,931	0,265
Внутренняя политика: особая позиция ЛДПР			-0,622	0,236				
Социально-экономическая сфера: власть — оппозиция					0,592	0,243		
Социально-экономическая сфера: рынок — план								
Системная сфера: традиционалисты — модернизмы	-0,704	0,108					-0,650	0,265
Системная сфера: демократы — консерваторы								
Системная сфера: особая позиция «Достоинства и Милосердия»	-0,237	0,067						

Выборы-1995

В избирательной кампании 1995 г. вопросов, касающихся советского прошлого, было немногим больше, чем на предыдущих выборах, — три из 42, но их характер свидетельствовал о резком ожесточении полемики. Кроме отношения к советскому прошлому в целом в их число вошли также вопросы о необходимости восстановления СССР и советской власти, что объяснялось участием в выборах ортодоксально коммунистического блока «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз», а также активным использованием антикоммунистической риторики со стороны блока «Демократический выбор России — Объединенные демократы». Факторный анализ позиций 17 из 43 участников выборов по пропорциональной системе¹² предсказуемо обнаружил лишь одно размежевание — по линии «коммунисты — антикоммунисты» (см. табл. 5).

¹² Здесь и далее в расчет принимались позиции только тех объединений и блоков, которые получили более 1% голосов.

Таблица 5 Противостояние участников выборов-1995 по вопросам советского прошлого

	<i>Отношение к советскому прошлому</i>	<i>Восстановление советской власти</i>	<i>Восстановление СССР</i>	<i>Факторные оценки</i>
«Коммунисты — Трудовая Россия — за Советский Союз»	5	5	5	-1,781
Аграрная партия России	5	5	4	-1,700
КПРФ	4	5	5	-1,685
«Власть — народу!»	3	3	4	-1,325
Социально-патриотическое движение «Держава»	-2	-3	4	-0,295
«Женщины России»	0	-2	-2	-0,091
«Профсоюзы и промышленники России — Союз труда»	-2	-4	1	0,040
Конгресс русских общин	0	-4	-5	0,335
Блок Ивана Рыбкина	0	-5	-4	0,344
Российская экологическая партия «Зеленые»	-1	-4	-4	0,350
Партия самоуправления трудящихся	-5	-2	-5	0,637
«Яблоко»	-3	-5	-5	0,716
ЛДПР	-4	-5	-5	0,813
«Наш дом — Россия»	-5	-5	-5	0,910
«Памфилова—Гуров—Лысенко (РПРФ)»	-5	-5	-5	0,910
«Вперед, Россия!»	-5	-5	-5	0,910
«Демократический выбор России — Объединенные демократы»	-5	-5	-5	0,910

Противостояние коммунистов и антикоммунистов по тематике советского прошлого хорошо коррелировало с такими предметными размежеваниями, как «советские традиционалисты — модернисты» и «либералы — консерваторы» (системная сфера), «рынок — план» (социально-экономическая сфера), «за и против президента» (внутренняя политика), но максимально — с первым политическим измерением, включавшим элементы первых трех из упомянутых размежеваний (см. табл. 6).

Таблица 6 Корреляция между факторными оценками участников выборов-1995 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

Variable	Correlations (Spreadsheet 11) Marked correlations are significant at $p < 0,05000$ $N=17$ (Casewise deletion of missing data)
	Коммунисты — антикоммунисты
Политическое измерение — 1	-0,879 p=0,000
Политическое измерение — 2	-0,636 p=0,006
Политическое измерение — 3	-0,140 p=0,592
Внутренняя политика: радикалы — умеренные	-0,098 p=0,709
Внутренняя политика: за — против президента	0,720 p=0,001
Внутренняя политика: федералисты — унитаристы	-0,026 p=0,921
Внутренняя политика: президент- ское — парламентское правление	-0,079 p=0,764
Социально-экономическая сфера: рынок — план	0,807 p=0,000
Социально-экономическая сфера: правительство — оппозиция	0,231 p=0,374
Социально-экономическая сфера: противостояние маргиналов	0,064 p=0,806
Системная сфера: советские тра- диционалисты — модернисты	-0,811 p=0,000
Системная сфера: либералы — консерваторы	0,844 p=0,000
Системная сфера: противостояние по чеченскому вопросу	0,294 p=0,251

Что касается воздействия на массовое политическое сознание, то при определении лица первого электорального размежевания противостояние коммунистов и антикоммунистов по тематике советского прошлого уступило первому политическому измерению, однако выиграло у отдельных предметных размежеваний. Причем коэффициент детерминации во второй модели оказался выше, чем в первой (с участием политических измерений), — 0,666 (см. *табл. 7*) против 0,640. На остальные электоральные размежевания противостояние по вопросам советского прошлого не повлияло.

Таким образом, по сравнению с выборами 1993 г. противостояние по вопросам советского прошлого как минимум не утратило влияния на массовое политическое сознание, возможно, даже несколько его увеличило. Это неудивительно, если учесть, что именно на выборы-1995 пришелся пик электорального успеха коммунистов в постсоветской России.

Выборы-1999

В думской кампании 1999 г. к тематике советского прошлого принадлежали уже шесть вопросов (из 58): общее отношение к советскому прошлому, а также отношение к перезахоронению тела Ленина, Сталину, реставрации советской власти, восстановлению СССР и событиям августа 1991 г. Факторный анализ, однако, вновь выявил лишь одно противостояние — и опять по линии «коммунисты — антикоммунисты», точнее «коммунисты — либералы» (см. *табл. 8*).

Это противостояние снова сильно коррелировало с такими предметными размежеваниями, как «советские традиционалисты — модернисты» (системная сфера) и «рынок — план» (социально-экономическая сфера), но в наибольшей степени — с первым политическим измерением, главными элементами которого были оба этих размежевания (см. *табл. 9*).

Противостояние коммунистов и либералов по вопросам советского прошлого не смогло составить конкуренцию политическим измерениям, но успешно вытеснило размежевание между советскими традиционалистами и модернистами в системной сфере при интерпретации второго электорального размежевания (см. *табл. 10*).

Таким образом, и в этой избирательной кампании вопросы советского прошлого продолжали влиять на массовое политическое сознание. Другое дело, что теперь они имели отношение ко второму, а не к первому электоральному размежеванию, которое, вопреки прежним заключениям автора¹³, все-таки поддавалось политической интерпретации — просто для этого требовались более тонкие методики. Из *табл. 10* видно, что основное электоральное размежевание на выборах-1999 можно трактовать как противостояние унитаристов и федералистов во внутренней политике и западников и самобытников в системной сфере, что в общем и целом отражало ожесточенную борьбу между двумя «партиями власти», одна из которых представляла Кремль, а другая — региональных «баронов».

¹³ Коргунок 2013.

Таблица 7 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-1995 и противостоениями в политической сфере (модель 2)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3		ЭР-4	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,666	0,000	0,356	0,012	0,238	0,047	0,579	0,002
	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка
Коммунисты против антикоммунистов в вопросах советского прошлого	-0,760	0,168						
Внутренняя политика: радикалы — умеренные	0,299	0,155						
Внутренняя политика: за — против президента					0,488	0,225		
Внутренняя политика: федералисты — унитаристы							-0,421	0,174
Внутренняя политика: президентское — парламентское правление								
Социально-экономическая сфера: рынок — план			-0,596	0,207				
Социально-экономическая сфера: правительство — оппозиция							0,659	0,174
Социально-экономическая сфера: противостоение маргиналов								
Системная сфера: советские традиционалисты — модернисты	(0,459)*	0,188						
Системная сфера: либералы — консерваторы	(-0,463)*	0,188						
Системная сфера: противостоение по чеченскому вопросу								

* Значения beta-коэффициентов в случае исключения противостоения по вопросам советского прошлого из набора независимых переменных.

Таблица 8 Противостояние участников выборов-1999 по вопросам советского прошлого

	Отноше- ние к со- ветскому прошлому	Переза- хоронение тела Ленина	Отноше- ние к Сталину	Рестау- рация со- ветской власти	Восста- новление СССР	Отно- шение к событиям августа 1991 г.	Фактор- ные оценки
«Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз»	5	-5	5	5	5	-5	-1,791
КПРФ	4	-5	5	4	4	-5	-1,650
Партия пенсионеров	3	0	0	-3	-3	0	-0,225
«Женщины России»	-1	0	-2	-3	-3	0	0,071
«Единство»	0	-2	-4	-5	-3	0	0,123
Блок Жириновского	-5	5	-5	-5	4	-5	0,257
«Отечество — Вся Россия»	-1	0	-4	-5	-4	0	0,315
«Наш дом — Россия»	-4	3	-5	-5	-5	3	0,840
«Яблоко»	-5	3	-5	-5	-5	5	0,980
Союз правых сил	-5	5	-5	-5	-5	5	1,081

Таблица 9 Корреляция между факторными оценками участников выборов-1999 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

Variable	Correlations (Spreadsheet 14) Marked correlations are significant at $p < 0,05000$ $N=10$ (Casewise deletion of missing data)
	Коммунисты — либералы
Политическое измерение — 1	-0,973 p=0,000
Политическое измерение — 2	0,534 p=0,112
Политическое измерение — 3	-0,110 p=0,761
Внутренняя политика: власть — оппозиция	-0,070 p=0,848
Внутренняя политика: лоялисты — радикалы	0,734 p=0,016
Внутренняя политика: унитаристы — федералисты	-0,197 p=0,585
Социально-экономическая сфера: рынок — план	-0,955 p=0,000
Социально-экономическая сфера: либералы — социал- протекционисты	0,322 p=0,365
Социально-экономическая сфера: государственники — социал-протекционисты	0,196 p=0,587
Системная сфера: советские традиционалисты — модернисты	-0,942 p=0,000
Системная сфера: западники — самобытники	-0,634 p=0,049
Системная сфера: особая по- зиция Блока Жириновского	-0,242 p=0,501

Таблица 10 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-1999 и противостояниями в политической сфере (модель 2)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,810	0,003	0,880	0,004	0,481	0,026
Коммунисты против антикоммунистов в вопросах советского прошлого	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка
Внутренняя политика: власть — оппозиция			-0,813	0,145		
Внутренняя политика: лоялисты — радикалы			-0,499	0,142		
Внутренняя политика: унитаристы — федералисты	-0,729	0,165	-0,422	0,145	0,694	0,255
Социально-экономическая сфера: рынок — план						
Социально-экономическая сфера: либералы — социал-протекционисты						
Социально-экономическая сфера: государственники — социал-протекционисты						
Системная сфера: советские традиционалисты — модернисты			(0,682)*	0,259		
Системная сфера: западники — самобытники	-0,575	0,165				
Системная сфера: особая позиция Блока Жириновского						

* Значение beta-коэффициента в случае исключения противостояния по вопросам советского прошлого из набора независимых переменных.

Выборы-2003

В 2003 г. интерес к тематике советского прошлого резко снизился — до двух вопросов (из 43). Кроме традиционного отношения к советскому прошлому осталось только восстановление советской власти (главным образом благодаря включению в список КППРФ лидера Российской коммунистической рабочей партии Виктора Тюлькина). Факторный анализ ожидаемо дал лишь одно противостояние, которым — тоже вполне ожидаемо — оказалось противостояние коммунистов и антикоммунистов (либералов) (см. *табл. 11*).

Это противостояние достаточно сильно коррелировало с размежеваниями «либералы — протекционисты», «рынок — план» (социально-экономическая сфера) и «советские традиционалисты — модернисты» (системная сфера), но в наибольшей степени — со вторым политическим измерением, представлявшим собою комбинацию этих противостояний (см. *табл. 12*).

Использование факторных оценок участников выборов-2003 не изменило результатов первой модели интерпретации электоральных размежеваний, но оказалось эффективным для второй, где данное противостояние конкурировало с предметными размежеваниями. В частности, оно вытеснило из набора предикторов противостояние советских традиционалистов и модернистов в системной области, зато освободило пространство для двух размежеваний из социально-экономической сферы — «рынок — план» и «глобалисты — автаркисты» (см. *табл. 13*).

Другими словами, значимость повестки советского прошлого в избирательной кампании 2003 г. несколько снизилась, но не настолько, чтобы перестать оказывать влияние как минимум на второе по значимости электоральное размежевание.

Что касается первого электорального размежевания, то именно на выборах-2003 оно приобрело отчетливую авторитарно-демократическую окраску. Данная тенденция малоактуальна для Западной Европы после крушения авторитарных режимов в Испании, Португалии и Греции, но сохраняет релевантность на постсоветском пространстве и в Латинской Америке¹⁴, а в последнее время обозначилась также в Центральной и Восточной Европе¹⁵.

¹⁴ Torcal and Mainwaring 2002; Stoll 2004: 32; Ахременко 2007.

¹⁵ Sata and Karolewski 2020.

Выборы-2007

В думской кампании 2007 г. число вопросов, касающихся советского прошлого, выросло до четырех (из 58): к отношению к советскому прошлому в целом добавилось отношение к СССР, Сталину и Октябрю-1917. И снова факторный анализ выявил лишь одно противостояние и опять по той же самой линии: коммунисты (социал-патриоты) против антикоммунистов (либералов) (см. *табл. 14*).

Это противостояние сильно коррелировало с первым политическим измерением, а также с противостояниями «либералы — социал-протекционисты» (социально-экономическая сфера) и «традиционалисты — модернисты» (системная сфера), являвшимися главными составляющими этого политического измерения (см. *табл. 15*). Кста-

Таблица 11 Противостояние участников выборов-2003 по вопросам советского прошлого

	<i>Восстановление советской власти</i>	<i>Отношение к советскому прошлому</i>	<i>Факторные оценки</i>
Союз правых сил	-5	-5	-0,959
«Яблоко»	-5	-5	-0,959
Народная партия РФ	-5	-3	-0,617
«Единая Россия»	-5	-3	-0,617
Аграрная партия России	-5	-2	-0,446
ЛДПР	-5	-1	-0,275
Российская партия пенсионеров — Партия социальной справедливости	-4	0	0,064
«Родина»	-4	0	0,064
Партия возрождения России — Российская партия жизни	-5	2	0,238
Концептуальная партия «Единение»	0	2	1,077
КПРФ	5	5	2,429

Таблица 12 Корреляция между факторными оценками участников выборов-2003 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

<i>Variable</i>	<i>Correlations (Spreadsheet 17)</i> <i>Marked correlations</i> <i>are significant at $p < 0,05000$</i> <i>N=11 (Casewise deletion</i> <i>of missing data)</i>
	<i>Коммунисты — либералы</i>
Политическое измерение — 1	0,539 p=0,087
Политическое измерение — 2	0,846 p=0,001
Политическое измерение — 3	-0,337 p=0,311
Внутренняя политика: власть — общественность	0,129 p=0,706
Внутренняя политика: системные — антисистемные	-0,460 p=0,155
Внутренняя политика: особая позиция Аграрной партии России	0,354 p=0,286
Внутренняя политика: лоялисты — оппозиционеры	0,045 p=0,896
Социально-экономическая сфера: либералы — протекционисты	0,708 p=0,015
Социально-экономическая сфера: рынок — план	-0,715 p=0,013
Социально-экономическая сфера: глобалисты — автаркисты	0,196 p=0,564
Системная сфера: либералы — консерваторы	0,429 p=0,188
Системная сфера: советские традиционалисты — модернисты	0,786 p=0,004

Таблица 13 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-2003 и противостояниями в политической сфере (модель 2)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3		ЭР-4	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,307	0,077	0,931	0,001			0,374	0,045
Коммунисты против либералов в вопросах советского прошлого	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка
Внутренняя политика: власть — общественность			-0,990	0,205				
Внутренняя политика: системные — антисистемные	0,554	0,277						
Внутренняя политика: особая позиция Аграрной партии России			-0,500	0,119				
Внутренняя политика: лоялисты — оппозиционеры								
Социально-экономическая сфера: либералы — протекционисты								
Социально-экономическая сфера: рынок — план			-0,498	0,214				
Социально-экономическая сфера: глобалисты — автаркисты			0,603	0,152			0,612	0,264
Системная сфера: либералы — консерваторы								
Системная сфера: советские традиционалисты — модернисты			(-0,469)*	0,210				

* Значение beta-коэффициента в случае исключения противостояния по вопросам советского прошлого из набора независимых переменных.

Таблица 14 Противостояние участников выборов-2007 по вопросам советского прошлого

	Отношение к советскому прошлому	Отношение к Сталину	Отношение к СССР	Отношение к Октябрь-1917	Отношение к советскому прошлому	Отношение к Сталину	Отношение к СССР	Факторные оценки
КПРФ	3	5	5	5	3	5	5	-1,987
«Патриоты России»	4	0	0	0	4	0	3	-1,164
Аграрная партия России	0	0	0	0	0	0	0	-0,604
Партия социальной справедливости	0	0	0	0	0	0	0	-0,604
«Справедливая Россия»	0	2	-5	2	0	-5	0	-0,374
«Единая Россия»	-4	-5	-4	-5	-4	-4	-3	0,618
ЛДПР	-2	-5	-5	-5	-2	-5	-4	0,619
«Гражданская сила»	-5	-5	-5	-5	-5	-5	-4	0,853
Демократическая партия России	-5	-5	-5	-5	-5	-5	-4	0,853
«Яблоко»	-5	-5	-5	-5	-5	-5	-4	0,853
Союз правых сил	-5	-5	-5	-5	-5	-5	-5	0,936

Таблица 15 Корреляция между факторными оценками участников выборов-2007 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

Variable	Correlations (Spreadsheet 10) Marked correlations are significant at $p < 0,05000$ $N=11$ (Casewise deletion of missing data)
	Коммунисты — антикоммунисты
Политическое измерение — 1	-0,793 p=0,004
Политическое измерение — 2	-0,094 p=0,783
Политическое измерение — 3	0,348 p=0,294
Внутренняя политика: власть — общественность	-0,118 p=0,730
Внутренняя политика: за — против Путина	0,229 p=0,497
Внутренняя политика: фактор Демократической партии России	0,104 p=0,762
Социально-экономическая сфера: либералы — социал-протекционисты	-0,843 p=0,001
Социально-экономическая сфера — 2 (не поддалось внятной интерпретации)	-0,230 p=0,496
Социально-экономическая сфера: власть — общественность	-0,136 p=0,690
Системная сфера: традиционалисты — модернисты	-0,808 p=0,003
Системная сфера: лоялисты — коммунисты	0,078 p=0,820
Системная сфера: идеологи — прагматики	-0,073 p=0,831

ти, впервые корреляция с каждым отдельным предметным размежеванием оказалась сильнее, чем корреляция с политическим измерением в целом, что может свидетельствовать о начавшейся фрагментации политического пространства и, следовательно, массового политического сознания российского электората.

Также впервые в истории постсоветской России противостояние по вопросам советского прошлого оказалось не в состоянии конкурировать с предметными размежеваниями и политическими измерениями в качестве предиктора электорального поведения. В первой модели оно уступило первому политическому измерению, во второй — противостоянию традиционалистов и модернистов в системной сфере.

Можно сделать вывод, что в этот период тематика советского прошлого начала терять влияние на выбор избирателя.

Выборы-2011

В ходе думской кампании 2011 г. количество вопросов, связанных с советским прошлым, вновь уменьшилось — до двух (из 40); кроме собственно отношения к советскому прошлому поднимался также вопрос о выносе тела Ленина из Мавзолея. Выявленное факторным анализом противостояние вполне ожидаемо было противостоянием коммунистов и антикоммунистов: к либералам («Яблоко» и «Правое дело») примкнула ЛДПР, к КПРФ — «Патриоты России» (см. табл. 16).

Таблица 16 Противостояние участников выборов-2011 по вопросам советского прошлого

	<i>Отношение к советскому прошлому</i>	<i>Вынос тела Ленина из Мавзолея</i>	<i>Факторные оценки</i>
«Яблоко»	-5	5	-0,893
«Правое дело»	-5	5	-0,893
ЛДПР	-4	5	-0,773
«Единая Россия»	-3	3	-0,393
«Справедливая Россия»	-3	-3	0,384
«Патриоты России»	5	0	0,960
КПРФ	5	-5	1,608

Это противостояние сильно коррелировало с размежеванием либералов и коммунистов в социально-экономической сфере и первым

политическим измерением, в котором это размежевание играло ведущую роль, но более всего, как ни странно, с противостояниями либералов и консерваторов во внутренней политике и системной области (см. табл. 17).

Таблица 17 Корреляция между факторными оценками участников выборов-2011 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

Variable	Correlations (Spreadsheet 1) Marked correlations are significant at $p < 0,05000$ $N=7$ (Casewise deletion of missing data)
	Коммунисты — антикоммунисты
Политическое измерение — 1	0,790 p=0,034
Политическое измерение — 2	0,747 p=0,054
Политическое измерение — 3	-0,025 p=0,957
Внутренняя политика: либералы — консерваторы	-0,889 p=0,007
Внутренняя политика: власть — либералы	0,542 p=0,209
Внутренняя политика: власть — консерваторы	-0,123 p=0,793
Социально-экономическая сфера: лоялисты — социал-протекционисты	0,597 p=0,157
Социально-экономическая сфера: коммунисты — либералы	0,780 p=0,039
Системная сфера: либералы — консерваторы	0,933 p=0,002
Системная сфера: советские традици- оналисты — модернисты	0,742 p=0,056

Однако в электоральном пространстве, то есть на уровне массового политического сознания, противостояние по вопросам советского прошлого не смогло конкурировать с политическими измерениями и размежеваниями в отдельных предметных областях.

Первое электоральное размежевание следует интерпретировать как противостояния власти и либералов во внутренней политике и лоялистов и социал-протекционистов в социально-экономической сфере, второе — как противостояние коммунистов и либералов в социально-экономической сфере. Пожалуй, впервые размежевание между советскими традиционалистами и модернистами в системной сфере не участвовало в определении политического лица электоральных размежеваний, а противостояние по вопросам советского прошлого хотя и коррелировало с ним достаточно сильно, но с выходящим за рамки 0,05 порогом статистической значимости.

Можно констатировать, что на выборах 2011 г. противостояние по тематике советского прошлого осталось на периферии массового политического сознания, куда оно было вытеснено еще в ходе предыдущей думской кампании. Это неудивительно, если учесть, что стержнем повестки выборов-2011 была критика в адрес «Единой России» со стороны всех остальных участников.

Выборы-2016

Думская кампания 2016 г. проходила на фоне все еще длящегося «крымского консенсуса». Тематика советского прошлого явно не играла в ней ведущей роли. Из соответствующих вопросов в общую повестку (77 пунктов) вошло только отношение к ГКЧП, и то, видимо, лишь потому, что на этот раз годовщина августовских событий 1991 г. пришлась на разгар избирательной кампании. Тем не менее вопросы эти присутствовали в межпартийной дискуссии в предшествующие месяцы, поэтому считать, что они никак не влияли на позиции партий и выбор электората, тоже нельзя.

Поскольку к этому времени автор уже мониторил межпартийную дискуссию в ежедневном режиме (с регулярными ежеквартальными замерами посредством факторного, корреляционного и регрессионного анализа), вычленил эти вопросы не составило особого труда: помимо отношения к ГКЧП и общего отношения к советскому прошлому обсуждалось также отношение к Ленину, Октябрю-1917, перестройке, развалу СССР, восстановлению памятника Дзержинскому, переименованию Волгограда в Сталинград, фальсификации истории Западом, смене «советских» названий улиц, допустимости уравнивания коммунистических и фашистских режимов. Факторный анализ партийных позиций по этим вопросам впервые дал не одно, а два размежевания — кроме традиционного противостояния коммунистов и антикоммунистов (либералов) было обнаружено дополнительное, связанное с особым местом ЛДПР (см. *табл. 18*).

Таблица 18 Противостояние участников выборов-2016 по вопросам советского прошлого

	Отношение к ГКЧП	Отношение к советскому прошлому	Увековечение памяти Сталина	Отношение к развалу СССР	Смена «советских» названий улиц	Отношение к Ленину	Отношение к Октябрю-1917	Долгустимость уравнивающая коммунистических и фашистских режимов	Переименование Воеводы в Сталинград	Востановление памятника Дзержинскому	Отношение к перестройке в СССР	Факторные оценки — 1	Факторные оценки — 2
«Патриоты России»	1	0	4	4	-3	4	4	0	5	0	-5	-1,031	-0,831
Партия народной свободы	-5	-5	-5	-5	4	-5	-5	-5	-5	-5	5	1,590	-0,780
Партия роста	-5	-5	-4	0	1	-3	-3	0	0	0	0	0,556	-0,595
Российская партия пенсионеров за справедливость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-0,082	-0,477
«Гражданская платформа»	1	-5	1	0	1	-3	-3	0	0	0	0	0,205	-0,466
Российская экологическая партия «Зеленые»	0	0	-1	0	0	0	0	0	0	0	0	-0,049	-0,422
«Гражданская сила»	-1	-5	-4	0	1	-3	-3	0	0	0	0	0,432	-0,325
КПРФ	5	5	5	5	-5	5	5	5	5	5	-5	-1,784	-0,220
«Коммунисты России»	5	5	5	5	-5	5	5	5	5	5	-5	-1,784	-0,220
«Яблоко»	-5	-5	-5	1	5	-5	-5	-5	-5	-5	5	1,409	-0,159
«Справедливая Россия»	-3	-5	-3	-1	5	1	4	3	-5	-5	-1	0,498	0,057
«Родина»	1	0	0	5	0	0	-3	0	0	0	-5	-0,375	0,553
«Единая Россия»	-3	0	-3	1	-4	-3	-5	5	-5	-3	1	0,338	0,796
ЛДПР	5	4	-5	5	5	-4	-5	5	-5	-5	-5	0,077	3,091

Особость позиции ЛДПР заключалась в том, что в отношении к советскому прошлому в целом, Ленину, Октябрьской революции, переименованию улиц, увековечению памяти Сталина и восстановлению памятника Дзержинскому либерал-демократы солидаризовались с либералами, тогда как в отношении к ГКЧП, разрушению СССР, перестройке, уравниванию коммунистических и фашистских режимов — с коммунистами.

Во многом особая позиция ЛДПР отражала еще одно противостояние в сегменте политического пространства, связанном с отношением к советскому прошлому, — консерваторы против либералов. Более явственно это противостояние обнаруживалось при использовании R-техники факторного анализа. Однако для ее применения было необходимо ограничить число включаемых в анализ партий — чтобы оно хотя бы вдвое уступало количеству вопросов. Это было сделано в предыдущих работах автора¹⁶, и там такое противостояние действительно дало о себе знать. Но полученные в результате факторные нагрузки можно сравнивать с факторными нагрузками тех же партий в электоральном пространстве с большими оговорками — из анализа выпадали слишком многие участники. Поэтому в данном случае пришлось прибегнуть к Q-технике.

¹⁶ Коргунок 2021, 2022.

Первое из противостояний по тематике советского прошлого («коммунисты — либералы») сильно коррелировало с целым рядом политических измерений и предметных размежеваний (больше всего с противостоянием тех же коммунистов и либералов в социально-экономической сфере), второе (особая позиция ЛДПР) — с аналогичным фактором (особое место ЛДПР) во внутриполитической сфере (см. табл. 19).

Характерно, что противостояние коммунистов и либералов по вопросам советского прошлого достаточно сильно коррелировало с обоими размежеваниями в системной сфере: «„ястребы“ — „голуби“» и «консерваторы — либералы». До 2014 г. в этой предметной области доминировали вопросы мировоззренческого характера, связанные с противостоянием традиционалистов и модернистов, либералов и консерваторов и т.п. Присоединение Крыма и события на юго-востоке Украины привели к выделению внешней политики в отдельную предметную сферу.

В целом это соответствует существованию двух разновидностей системной предметной области как сферы противоборства между приверженцами открытости и закрытости общественных систем — «временной» (мировоззренческой) и «пространственной» (внешнеполитической). Первая предполагает противостояние ориентирующихся на прошлое и на будущее, вторая — сторонников и противников интеграции в наднациональные структуры. К первой можно отнести зафиксированную Рональдом Инглхартом оппозицию материалистов и постматериалистов¹⁷, а также размежевания по линиям «традиционная культура против новой»¹⁸, «новая политика против старой»¹⁹; ко вто-

¹⁷ Inglehart 1971.

¹⁸ Huber and Inglehart 1995.

¹⁹ Müller-Rommel (ed.) 1989; Franklin 1992.

Таблица 19 Корреляция между факторными оценками участников выборов-2016 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

Variable	Correlations (Spreadsheet 1) Marked correlations are significant at $p < 0,05000$ $N=14$ (Casewise deletion of missing data)	
	Коммунисты — либералы	ЛДПР
Политическое измерение — 1	0,747 p=0,002	-0,224 p=0,441
Политическое измерение — 2	-0,600 p=0,023	0,320 p=0,265
Политическое измерение — 3	-0,415 p=0,141	0,100 p=0,733
Внутренняя политика: власть — оппозиция	0,285 p=0,324	0,336 p=0,241
Внутренняя политика: либералы — лоялисты	0,320 p=0,264	-0,017 p=0,953
Внутренняя политика: социал-патриоты — либералы	0,491 p=0,075	-0,119 p=0,685
Внутренняя политика: особое место ЛДПР	-0,183 p=0,530	0,651 p=0,012
Социально-экономическая сфера: власть — системная оппозиция	0,533 p=0,050	-0,137 p=0,639
Социально-экономическая сфера: коммунисты—либералы	0,823 p=0,000	-0,219 p=0,452
Социально-экономическая сфера: власть — либеральная оппозиция	-0,153 p=0,602	0,202 p=0,488
Системная сфера: «ястребы» — «голуби»	0,705 p=0,005	-0,272 p=0,347
Системная сфера: консерваторы—либералы	0,649 p=0,012	-0,291 p=0,314

²⁰ Kriesi et al. 2012.

²¹ Häusermann and Kriesi 2015.

²² Teney, Lacewell, and Wilde 2014.

²³ Bornschier 2010.

²⁴ Hooghe, Marks, and Wilson 2002; Hooghe and Marks 2018.

²⁵ В первом политическом измерении превалировало противостояние «ястребов» и «голубей» во внешней политике, в третьем — сочетание противостояний коммунистов и либералов в социально-экономической сфере и либералов и лоялистов во внутренней политике.

рой — противостояния между приверженцами демаркации и адептами интеграции, выигравшими от глобализации и проигравшими от нее²⁰, универсалистами и партикуляристами²¹, космополитами и коммунистами²².

Имеются и комбинированные варианты, противопоставляющие либертарианцев-унитаристов традиционалистам-коммунистам²³ или зеленых/альтернативистов/либертарианцев традиционалистам/авторитаристам/националистам (GAL/TAN)²⁴. Но подобное слияние актуально там, где внешнеполитическое и мировоззренческое измерения объединяются в одно. Именно так обстояло дело в постсоветской России до 2014 г., но затем эти измерения полностью перестали совпадать. Впрочем, сказать, что они сделались ортогональными, тоже нельзя — в противном случае у противостояния коммунистов и либералов по вопросам советского прошлого не было бы такой сильной корреляции с обоими из них.

Если говорить о степени влияния двух противостояний по тематике советского прошлого на массовое политическое сознание, то, несмотря на отсутствие большинства этих вопросов в актуальной повестке предвыборной кампании, сбрасывать их со счетов не следует. Множественная регрессия обнаружила, что при воздействии на второе электоральное размежевание они оказались способны вытеснить в качестве предикторов первое и третье политические измерения²⁵ (см. табл. 20).

Правда, составить столь же сильную конкуренцию размежеваниям коммунистов и либералов в социально-экономической сфере и социал-патриотов и либералов во внутренней политике противостояния по тематике советского прошлого не смогли.

Таким образом, определенное возрождение повестки советского прошлого произошло уже на выборах 2016 г. Ее влияние было скорее латентным, нежели явным, но достаточно конкурентоспособным как минимум в одной из моделей.

Выборы-2021

²⁶ Коргунок 2022.

Тематике советского прошлого в думской кампании 2021 г. была посвящена одна из предыдущих статей автора²⁶, поэтому ограничимся тем, что кратко перескажем ее выводы.

В 2021 г. советского прошлого в той или иной степени касались 16 из 185 вопросов думской кампании: отношение к советскому прошлому (включая смену связанных с ним географических названий), Ленину (в частности, перезахоронению его тела), Сталину (в том числе увековечению его памяти), Октябрю-1917, пакту Молотова—Риббентропа, отождествлению коммунистических и фашистских режимов, перестройке, деятельности Горбачева и Ельцина, ГКЧП, ликвидации СССР, празднику День России (12 июня), восстановлению памятника Дзержинскому. Еще три вопроса были «латентными» (то есть обсуждались в период, предшествующий избирательной кампании): пре-

Таблица 20 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-2003 и противостояниями в политической сфере (модель 2)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,483	0,006	0,606	0,006		
	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка
Политическое измерение — 1			(0,535)*	0,187		
Политическое измерение — 2	-0,695	0,208				
Политическое измерение — 3			(-0,489)*	0,187		
Коммунисты против либералов			0,686	0,189		
Особая позиция ЛДПР			-0,367	0,189		

* Значения beta-коэффициентов в случае исключения противостояний по вопросам советского прошлого из набора независимых переменных.

емственность РФ по отношению к СССР, переименование Волгограда в Сталинград и принятие закона об ответственности за пропаганду сталинизма.

Использование Q-техники выявило те же два фактора, что и в 2016 г.: коммунисты против либералов и особая позиция ЛДПР как паллиатив противостояния консерваторов и либералов.

Первое противостояние сильно коррелировало с размежеваниями «советские традиционалисты — модернисты» и «либералы — консерваторы» в мировоззренческой сфере, третьим политическим измерением, в котором доминировали элементы названных размежеваний, а также противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешней политике. Второй фактор, связанный с особой позицией ЛДПР, не имел значимой корреляции ни с одним политическим измерением или предметным размежеванием.

Что касается связи с массовым политическим сознанием, то противостояние коммунистов и либералов по вопросам советского прошлого не смогло составить конкуренцию противостоянию либералов и консерваторов в мировоззренческой сфере при определении политической окраски второго электорального размежевания — во всяком случае для совокупности всех 85 регионов. Однако в модели из 64 регионов, в которых явка не превышала 60% (введенной, чтобы нивелировать эффект фальсификаций в пользу «Единой России»), это противостояние вышло победителем.

Кроме того, в модели из 64 регионов фактор, связанный с особой позицией ЛДПР, неожиданно дал интерпретацию одному из электоральных размежеваний, которое в ином случае оставалось не окрашенным политически.

Все это свидетельствовало о возрастании (по сравнению с 2016 г.) влияния тематики советского прошлого на голосование за ту или иную партию, что не в последнюю очередь объяснялось повышением интереса к данной тематике со стороны партий, прежде достаточно к ней равнодушных: «Единой России» (с целью частичного перехвата этой повестки у коммунистов), «Справедливой России — За Правду» (ввиду прихода в партию сталинистов-«прилепинцев») и «Яблока» (в том числе для противодействия «умному голосованию», от которого выигрывала прежде всего КПРФ).

Обсуждение

Но не было ли появление второго противостояния в рамках полемики по вопросам советского прошлого («консерваторы—либералы», оно же — особая позиция ЛДПР) лишь следствием более детального мониторинга межпартийной дискуссии, которым автор начал заниматься только с 2015 г.? Ведь из всех вопросов данной тематики на выборах 2016 г. поднимался всего один — об отношении к ГКЧП, остальные обсуждались в предшествовавшие избирательной кампании месяцы и даже годы. Возможно, та же самая ситуация имела место и в ходе пре-

дыдущих кампаний? Вспомним, что ЛДПР находится на политической сцене с рубежа 1980—1990-х годов, а на выборах 1993 г. вообще была триумфатором. И вряд ли ее позиция по тематике советского прошлого претерпевала какие-то изменения на протяжении всего постсоветского периода.

Здесь есть над чем подумать. Да, позиция ЛДПР по этой тематике всегда была особой — не просоветской и не антисоветской, она была консервативной, а значит, в каком-то смысле противостоящей и тому, и другому полюсу. Но при этом нужно учитывать два обстоятельства.

Во-первых, для возникновения отдельного противостояния в рамках какой-то предметной области мало особой позиции одного из участников дискуссии. Надо, чтобы в линию с нею выстраивались и другие участники. Если бы ЛДПР со своей позицией оставалась в одиночестве, факторный анализ просто поместил бы ее в центр, нового же измерения не появилось бы.

Следовательно (это во-вторых), чтобы особая позиция одной из партий имела хоть какое-то значение, нужно, чтобы соответствующие вопросы оказались в фокусе межпартийной полемики, то есть были интересны и другим ее участникам.

Например, КПРФ вот уже добрых два десятка лет пытается внедрить в общенациональную повестку вопрос о «народных предприятиях», то есть предприятиях, принадлежащих самим трудовым коллективам. Но у нее ничего не получается, поскольку остальные партии не проявляют к этой теме никакого интереса и не видят резона подыгрывать коммунистам. Так что вопрос о «народных предприятиях» так и прозябает на задворках межпартийной дискуссии.

То же и с тематикой советского прошлого. На протяжении 1990—2000-х годов ее промоутерами были коммунисты и их идейные противники либералы, которые играли, так сказать, в одни ворота, i.e. выдвигали на первый план вопросы, актуальные лишь в рамках противостояния «коммунисты — антикоммунисты».

ЛДПР если и участвовала в этой дискуссии, то в режиме реагирования, но никак не в качестве инициатора. Вопросы, которые стали «работать» на нее, создавая в полемике по тематике советского прошлого отдельное измерение «консерваторы—либералы», начали выдвигаться в центр дискуссии примерно с середины 2000-х годов (а наиболее активно — с 2012 г.) самой властью и ее лоялистскими союзниками. Речь идет о таких вопросах, как фальсификация истории Западом, отношение к перестройке, ГКЧП, Горбачеву, Ельцину, празднику День России, недопустимость отождествления коммунистических и фашистских режимов, преемственность РФ по отношению к СССР.

Пока власть дистанцировалась от обсуждения этих вопросов, шансы на вхождение их в повестку были невелики. Понадобилось стремление Кремля перехватить эту тему у левых, чтобы противостояние «консерваторы — либералы» по целому ряду вопросов обще-

ственной жизни, включая советское прошлое, ответвилось в отдельную линию.

Впрочем, данная проблема нуждается в дополнительном изучении, и, возможно, в будущем мы к ней вернемся.

Заключение

Роль тематики советского прошлого в межпартийной дискуссии и ее влияние на массовое политическое сознание в избирательных кампаниях 1993—2021 гг. не стоит недооценивать. Несмотря на довольно скромное количество вопросов, относящихся к этой сфере, и их сравнительно небольшую долю в общей повестке — два из 31 в 1993 г., три из 42 в 1995 г., шесть из 58 в 1999 г., два из 43 в 2003 г., четыре из 58 в 2007 г., два из 40 в 2011 г., один (плюс 10 присутствовавших латентно) из 77 в 2016 г., 16 (плюс три «латентных») из 185 в 2021 г., — они формировали противостояния, сильно коррелировавшие с размежеваниями внутри ведущих политических измерений и предметных областей и вызывавшие резонанс в массовом политическом сознании.

В 1993—2011 гг. речь шла лишь об одном противостоянии — «коммунисты — антикоммунисты (либералы)». В 2016—2021 гг. к нему добавилось размежевание по линии «консерваторы — либералы», проявлявшееся в особой позиции ЛДПР, которая по одним вопросам советского прошлого примыкала к либералам, по другим — к коммунистам.

В 1993 и 1995 гг. противостояние между коммунистами и антикоммунистами (либералами) по вопросам советского прошлого успешно конкурировало с политическими измерениями и предметными размежеваниями при определении политического лица первого (ключевого) электорального размежевания. Это неудивительно, если учесть, что в роли конкурента выступало главным образом противостояние советских традиционалистов и модернистов-реформаторов, сочетавшее в себе элементы противостояний как в социально-экономической, так и в мировоззренческой сфере. Поскольку противостояние по тематике советского прошлого заставляло потесниться именно социально-экономическую составляющую, можно сделать вывод о доминировании в этом размежевании ценностного, мировоззренческого компонента.

В 1999 г. сфера влияния противостояния между коммунистами и антикоммунистами (либералами) по вопросам советского прошлого переместилась из первого электорального размежевания во второе. При этом в рассматриваемом году данное размежевание по своим характеристикам (в частности, по максимальному и эффективному ареалу²⁷) фактически не уступало первому. Воздействие же на него противостояния по тематике советского прошлого оставалось высоким, оттесняя на задний план размежевание между советскими традиционалистами и модернистами в системной области.

Начиная с 2003 г. ведущие позиции в массовом политическом сознании окончательно заняло авторитарно-демократическое размежевание (между властью и «невластью»), а ареал второго электорального

²⁷ См. Коргунок 2019b.

размежевания стал последовательно сжиматься. Снижалось и значение влияющего на него противостояния между коммунистами и антикоммунистами (либералами) по вопросам советского прошлого. И если в 2003 г. это противостояние успешно конкурировало с размежеваниями между рыночниками и «плановиками» (социал-патерналистами) в социально-экономической сфере и советскими традиционалистами и модернистами в сфере системной, то в 2007—2016 гг. оно этой конкуренции уже не выдерживало. Разумеется, оно еще сохраняло свою действенность, но только как фоновое. В частности, в 2016 г. противостояние по повестке советского прошлого, уступая первенство противостоянию коммунистов и либералов в социально-экономической области и социал-патриотов и либералов во внутренней политике, тем не менее заметно выделялось среди основных политических измерений.

В 2021 г. произошел своего рода ренессанс советского прошлого — к нему начали активно апеллировать не только коммунисты и либералы, но и другие политические силы, включая «партию власти». Соответственно, усилилось и влияние связанных с ним противостояний на электоральные размежевания, следующие за основным. Правда, ведущим это влияние было лишь в модели, включающей только те регионы, в которых явка составляла меньше 60%. Здесь противостояние между коммунистами и либералами по тематике советского прошлого определяло лицо второго электорального размежевания, а особая позиция ЛДПР — третьего.

Таким образом, можно констатировать, что весомость тематики советского прошлого в массовом политическом сознании имела волнообразный характер. В 1993—2003 гг. данная тематика во многом была наследием самого этого прошлого. Пережив своеобразный пик в 1995 г., в дальнейшем она постепенно утрачивала значимость. Сначала, в 1999 и 2003 гг., она переместилась из первого электорального размежевания во второе, а затем потерялась в тени более широких предметных размежеваний — социально-экономического и мировоззренческого. Однако на выборах 2021 г. произошло определенное возрождение этой тематики; противостояние по соответствующим вопросам в известной степени восстановило утраченные позиции.

Насколько естественным (или, наоборот, искусственным) было это возрождение, покажет будущее.

Библиография

Ахременко А.С. (2007) *Структура электорального пространства*. М.: Социально-политическая мысль.

Коргунюк Ю.Г. (2013) «Концепция размежеваний и факторный анализ» // *Полития*, № 3 (70): 31—61. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3\(70\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3(70).pdf) (проверено 24.11.2022).

Коргунюк Ю.Г. (2017) «Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения» // *Политическая наука*, № 1: 90—119.

Коргунюк Ю.Г. (2019а) «Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения» // *Полис. Политические исследования*, № 6: 95—112. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/6/Polis-6-2019-Korguniuk.pdf> (проверено 24.11.2022).

Коргунюк Ю.Г. (2019б) «Новые инструменты измерения электоральных размежеваний: от макро- к микроуровню» // *Электоральная политика*, № 1. URL: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/povue-instrumenty-izmereniia-elektoralnykh-razmezhevanii-ot-makro-k-mikrourovniu/> (проверено 24.11.2022).

Коргунюк Ю.Г. (2021) «Советское прошлое и межпартийное противостояние: опыт использования количественных методов» // *Политическая наука*, № 1: 274—300. URL: http://inion.ru/site/assets/files/5952/13_korguniuk.pdf (проверено 24.11.2022).

Коргунюк Ю.Г. (2022) «Тематика советского прошлого в думской кампании 2021 года» // *Полития*, № 3 (106): 105—129. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-3\(106\)-Pages-001-202-105-129.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-3(106)-Pages-001-202-105-129.pdf) (проверено 24.11.2022).

Bornschieer S. (2010) *Cleavage Politics and the Populist Right: The New Cultural Conflict in Western Europe*. Philadelphia: Temple University Press.

Budge I. and J.Homola. (2012) «How Far Have European Political Parties Followed the Americans to the Right in the Later Post-War Period?» // *Cambio. Rivista sulle trasformazioni sociali*, vol. 2, no. 4: 71—86.

Budge I., D.Robertson, and D.Hearl, eds. (1987) *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Franklin M. (1992) «The Decline of Cleavage Politics» // Franklin M., T.Mackie, and H.Valen, eds. *Electoral Change: Responses to Evolving Social and Attitudinal Structures in Western Countries*. Cambridge: Cambridge University Press: 381—402.

Häusermann S. and H.Kriesi. (2015) «What Do Voters Want? Dimensions and Configurations in Individual-Level Preferences and Party Choice» // Beramendi P., S.Häusermann, H.Kitschelt, and H.Kriesi, eds. *The Politics of Advanced Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press: 202—230.

Hooghe L. and G.Marks. (2018) «Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage» // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1: 109—135.

Hooghe L., G.Marks, and C.J.Wilson. (2002) «Does Left/Right Structure Party Positions on European Integration?» // *Comparative Political Studies*, vol. 35, no. 8: 965—989.

Huber J. and R.Inglehart. (1995) «Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 Societies» // *Party Politics*, vol. 1, no. 1: 73—111.

Inglehart R. (1971) «The Silent Revolution in Post-Industrial Societies» // *American Political Science Review*, vol. 65, no. 4: 991—1017.

Korgunyuk Yu. (2014) «Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia» // *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 15, no. 4: 401—415.

Korgunyuk Yu. (2020) «Issue Dimensions and Cleavages: How the Russian Experience Helps to Look for Cross-points» // *Russian Politics*, vol. 5, no. 2: 206—235.

Kriesi H., E.Grande, M.Dolezal, M.Helbling, D.Hoglinger, S.Hutter, and B.Wuest. (2012) *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. (1967) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press.

Müller-Rommel F., ed. (1989) *New Politics in Western Europe: The Rise and Success of Green Parties and Alternative Lists*. Boulder (CO): Westview.

Stoll H. 2004. *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Ph.D. diss. Santa Barbara: University of California. URL: <http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf> (accessed on 23.10.2022).

Sata R. and I.P.Karolewski. (2020) «Caesarean Politics in Hungary and Poland» // *East European Politics*, vol. 36, no. 2: 206—225.

Teney C., O.P.Lacewell, and P. de Wilde. (2014) «Winners and Losers of Globalization in Europe: Attitudes and Ideologies» // *European Political Science Review*, vol. 6, no. 4: 575—595.

Torcal M. and S.Mainwaring. (2002) «The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973—95» // *British Journal of Political Science*, vol. 33, no. 1: 55—84.

ПОЛИТИКА

Yu.G.Korgunyuk
THE SOVIET PAST THEME
IN THE ELECTORAL CAMPAIGNS
IN POST-SOVIET RUSSIA

Yury G. Korgunyuk — Doctor of Political Science; Leading Researcher at the Political Science Department at the Institute of Scientific Information on Social Science of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). E-mail: partinform@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the place of the Soviet past in the inter-party discussion and the influence of this theme on the choice

of the Russian electorate in the electoral campaigns of 1993–2021. According to the author’s conclusion, despite the moderate number of issues related to this topic, and their rather modest share in the general agenda of the campaigns, they formed confrontations that strongly correlated with the divisions within the major political dimensions and issue domain divisions and resonated in the mass political consciousness.

The 1993–2011 campaigns were about one confrontation — “communists vs. anti-communists (liberals)”. In 2016–2021 this confrontation was supplemented by a cleavage along the “conservatives — liberals” line, which manifested in the special position of the Liberal Democratic Party of Russia, that adjoined the liberals on some aspects of the Soviet past theme, and communists — on other aspects. In 1993 and 1995 the confrontation between communists and anti-communists (liberals) on the issues of the Soviet past successfully competed with political dimensions and issue domain divisions for the role of the “political face” of the first, or the main, electoral cleavage. In 1999, this confrontation moved from the first electoral cleavage to the second, within which it continued to successfully contend with the cleavage between Soviet traditionalists and modernists in the systemic issue domain. In 2003, it also withstood competition with the divisions between adherents of market and supporters of planned economy in the socio-economic issue domain and Soviet traditionalists and modernists in the systemic one, but in 2007–2016 it lost such ability, although it retained a background presence in the political space.

In 2021, the theme of the Soviet past experienced some sort of renaissance, with not only communists and liberals, but also other political forces, including the “party of power”, starting to actively appeal to this topic. The influence of the confrontations around the theme of the Soviet past on electoral divisions also increased, however, only when regions with a voter turnout of more than 60% were excluded from the analysis. In this case, the confrontation between communists and liberals on the subject of the Soviet past determined “the face” of the second electoral cleavage, and the special position of the Liberal Democratic Party — of the third one.

Keywords: Soviet past, political parties, elections, post-Soviet Russia, factor analysis, correlation analysis, multiple regression

References

- Akhremenko A.S. (2007) *Struktura elektoral'nogo prostranstva* [The Structure of the Electoral Space]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaja mysl'. (In Russ.)
- Bornschieer S. (2010) *Cleavage Politics and the Populist Right: The New Cultural Conflict in Western Europe*. Philadelphia: Temple University Press.
- Budge I. and J.Homola. (2012) “How Far Have European Political Parties Followed the Americans to the Right in the Later Post-War Period?” // *Cambio. Rivista sulle trasformazioni sociali*, vol. 2, no. 4: 71–86.

Budge I., D.Robertson, and D.Hearl, eds. (1987) *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Franklin M. (1992) “The Decline of Cleavage Politics” // Franklin M., T.Mackie, and H.Valen, eds. *Electoral Change: Responses to Evolving Social and Attitudinal Structures in Western Countries*. Cambridge: Cambridge University Press: 381—402.

Häusermann S. and H.Kriesi. (2015) “What Do Voters Want? Dimensions and Configurations in Individual-Level Preferences and Party Choice” // Beramendi P., S.Häusermann, H.Kitschelt, and H.Kriesi, eds. *The Politics of Advanced Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press: 202—230.

Hooghe L. and G.Marks. (2018) “Cleavage Theory Meets Europe’s Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage” // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1: 109—135.

Hooghe L., G.Marks, and C.J.Wilson. (2002) “Does Left/Right Structure Party Positions on European Integration?” // *Comparative Political Studies*, vol. 35, no. 8: 965—989.

Huber J. and R.Inglehart. (1995) “Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 Societies” // *Party Politics*, vol. 1, no. 1: 73—111.

Inglehart R. (1971) “The Silent Revolution in Post-Industrial Societies” // *American Political Science Review*, vol. 65, no. 4: 991—1017.

Korgunyu Yu.G. (2013) “Kontseptsija razmezhevanij i faktornyj analiz” [Concept of Cleavages and Factor Analysis] // *Politeia*, no. 3 (70): 31—51. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyu-2013-3\(70\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyu-2013-3(70).pdf) (accessed on 24.11.2022). (In Russ.)

Korgunyu Yu. (2014) “Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia” // *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 15, no. 4: 401—415.

Korgunyu Yu.G. (2017) “Vyborny opros obshchestvennogo mnenija” [Elections by a Proportional System as a Mass Public Opinion Poll] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 90—119. (In Russ.)

Korgunyu Yu.G. (2019a) “Kontseptsija razmezhevanij i teorija problemnykh izmerenij: točki peresechenija” [Cleavage Theory and Theory of Issue Dimension: Cross-Points] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 95—112. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/6/Polis-6-2019-Korgunyu.pdf> (accessed on 24.11.2022). (In Russ.)

Korgunyu Yu.G. (2019b) “Novye instrumenty izmerenija elektoral’nykh razmezhevanij: ot macro- k mikrourovniu” [New Instruments for Measuring Electoral Cleavages: from Macro- to Micro-level] // *Elektoral’naja politika* [Electoral Politics], no. 1. URL: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/novye-instrumenty-izmereniia-elektoralnykh-razmezhevanii-ot-makro-k-mikrourovniu/> (accessed on 24.11.2022). (In Russ.)

Korgunyuk Yu. (2020) “Issue Dimensions and Cleavages: How the Russian Experience Helps to Look for Cross-points” // *Russian Politics*, vol. 5, no. 2: 206—235.

Korgunyuk Yu.G. (2021) “Sovetskoe proshloe i mezhpartinnoe protivostojanie: opyt ispol'zovanija kolichestvennykh metodov” [The Soviet Past and Party Competition: Using Quantitative Methods] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 274—300. URL: http://inion.ru/site/assets/files/5952/13_korguniuk.pdf (accessed on 24.11.2022). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2022) “Tematika sovetskogo proshlogo v dumskoj kampanii 2021 goda” [The Soviet Past Theme in the 2021 Duma Campaign] // *Politeia*, no. 3 (106): 105—129. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-3\(106\)-Pages-001-202-105-129.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-3(106)-Pages-001-202-105-129.pdf) (accessed on 24.11.2022). (In Russ.)

Kriesi H., E.Grande, M.Dolezal, M.Helbling, D.Hoglinger, S.Hutter, and B.Wuest. (2012) *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. (1967) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press.

Müller-Rommel F., ed. (1989) *New Politics in Western Europe: The Rise and Success of Green Parties and Alternative Lists*. Boulder (CO): Westview.

Stoll H. 2004. *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Ph.D. diss. Santa Barbara: University of California. URL: <http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf> (accessed on 23.10.2022).

Sata R. and I.P.Karolewski. (2020) “Caesarean Politics in Hungary and Poland” // *East European Politics*, vol. 36, no. 2: 206—225.

Teney C., O.P.Lacewell, and P. de Wilde. (2014) “Winners and Losers of Globalization in Europe: Attitudes and Ideologies” // *European Political Science Review*, vol. 6, no. 4: 575—595.

Torcal M. and S.Mainwaring. (2002) “The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973—95” // *British Journal of Political Science*, vol. 33, no. 1: 55—84.

Н.С.Зубарев
НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ
КАК МЕДИАТОР ДОВЕРИЯ
ПРЕЗИДЕНТУ
Случай России

Никита Сергеевич Зубарев — приглашенный преподаватель департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Рональда Франклина Инглхорта. Для связи с автором: nzubarev@hse.ru.

Аннотация. Благодаря чему лидеры недемократических государств сохраняют поддержку со стороны населения? Одно из наиболее популярных в современной политической науке объяснений предполагает, что жители недемократических стран голосуют за инкубентов и в целом позитивно относятся к ним, поскольку те обладают максимальным доступом к ресурсам, которые потенциально могут быть направлены на улучшение жизни населения. Однако такая объяснительная модель оставляет за скобками экспрессивную составляющую политического поведения. Между тем граждане авторитарных стран могут искренне солидаризоваться с действующими правителями. Этот аспект проблемы раскрывает теория социальной идентичности, предлагающая альтернативные объяснения механизмов политической поддержки.

Национальная идентичность как одна из форм социальной идентичности формирует ожидания, нормы и паттерны поведения, которые ассоциируются с идеей образцового представителя нации. Специфика авторитарных государств подталкивает граждан к такому поведению и таким установкам, которые способствуют поддержанию status quo. Более того, поскольку обычному человеку зачастую бывает сложно рационально оценить реальную работу правительства и корректно атрибутировать ответственность за социальные, политические и экономические результаты, принимая решение о том, какого политика поддержать, избиратели склонны использовать когнитивные «обходные пути», отталкиваясь от собственной удовлетворенности жизнью.

В статье выдвигается гипотеза, согласно которой национальная гордость играет роль медиатора между субъективным благополучием и уровнем

политической поддержки (операционализированным через доверие президенту). Тестирование этой гипотезы на основе опросных данных показало, что медиационный эффект гордости за свою нацию действительно присутствует, однако носит частичный характер. Результаты проведенного автором анализа свидетельствуют о том, что субъективное благополучие позитивно сказывается на поддержке инкумбента как через усиление национальной гордости, так и само по себе.

Ключевые слова: национальная гордость, политическая поддержка, субъективное благополучие, политическое поведение

Введение

¹ См., напр. Engström 2014; Будрайтскис 2020; Shcherbak 2022.

Многие ученые, изучающие постсоветскую Россию, говорят о произошедшем в ней консервативном повороте¹. Одним из важнейших его элементов является повышение роли национализма в символической политике властей. Активно создаются так называемые исторические парки (музеи), в которых российская история изображается как история единого сообщества с общими ценностями. De facto превращенный в главный государственный праздник День Победы, по сути, трансформировался в инструмент возвеличивания россиян. Как полагает Марлен Ларуэль, в сегодняшней России национализм стал средством оправдания сложившегося социального и политического порядка, которое используется для поддержания status quo и формирования консенсуса между гражданами и политической элитой². В этих условиях логично предположить, что патриотически настроенные россияне должны более позитивно относиться к действующему режиму, ведь недемократическая среда смешивает понятия страны и государства, а также государства и правящих в нем элит, которые представляют себя гарантами самого дальнейшего его существования.

² Laruelle 2009: 153.

Наиболее популярное в современной политической науке объяснение трендов политической поддержки в авторитарных государствах исходит из теории рационального выбора. Согласно одной из гипотез, жители недемократических стран продолжают голосовать за инкумбентов, поскольку те обладают максимальным доступом к ресурсам, которые потенциально могут быть направлены на улучшение жизни населения. Однако такая объяснительная модель оставляет за скобками экспрессивный аспект электорального (и, шире, политического) поведения³. Между тем граждане авторитарных стран могут искренне стремиться выразить солидарность с действующими правителями, подчеркнуть свою идентичность и взгляды. Эту сторону проблемы рассматривает теория социальной идентичности, предлагающая альтернативные объяснения механизмов политической поддержки.

³ Fiorina 1976.

В настоящей статье предпринята попытка раскрыть и проанализировать связь политической поддержки с национальной идентичностью на примере доверия президенту, где национальная гордость выступает медиатором между субъективным благополучием и доверием.

И хотя в основу исследования положен исключительно российский материал, оно позволяет прояснить функционирование политической поддержки не только в России, но и в авторитарных режимах в целом.

**Социальная
идентичность
как драйвер
политической
поддержки**

Фиксируя роль социального контекста в формировании поведенческих и мировоззренческих установок людей, теория социальной идентичности дает ключ к пониманию того, как принадлежность к социальным группам влияет на поведение и взгляды их членов.

Основы теории социальной идентичности были заложены еще в 1970-е годы в работах Генри Тэджфела и Джона Тёрнера⁴. Ранние исследования в области социальной психологии продемонстрировали, что уже само по себе разделение людей на группы посредством присвоения им соответствующего ярлыка является достаточным стимулом для предпочтения собственной группы. В свою очередь угроза со стороны «чужих» активизирует это предпочтение, о чем свидетельствует, в частности, так называемый эффект объединения вокруг флага (rally 'round the flag effect), или эффект сплочения, когда мощный внешний шок вызывает резкий рост поддержки национального лидера (правительства) и одобрения его деятельности⁵.

⁴ См., напр. Tajfel and Turner 1979.

⁵ Coser 1956.
См. также Alexseev and Hale 2016; Frye 2019.

Важным шагом в развитии теории социальной идентичности стало осознание того, что категории, к которым люди приписывают друг друга, не имеют ясно обозначенных границ. Отдельные качества могут сделать человека более или менее типичным членом определенной группы. Следствием данного заключения стал вывод о том, что социальная идентичность может предполагать идеальный (прототипичный) набор характеристик или модель поведения, описывающую наиболее типичного члена группы. Соотнесение себя с данным образцом — часть формирования социальной идентичности. Флюидность как свойство последней проявляется в том, что содержание социальной идентичности задается контекстом, в зависимости от которого прототипичная модель поведения меняет наполнение⁶.

⁶ Huddy 2001.

Итак, два ключевых элемента теории социальной идентичности — это, во-первых, категоризация как процесс определения границ между «своими» и «чужими» и, во-вторых, фаворитизм в отношении всего связанного со своей группой и отторжение того, что считается «чужим». Каким образом данные свойства социальной идентичности могут отразиться на действиях индивидов? Ориентация на прототипичного члена группы предполагает изменение самовосприятия, взглядов и поступков. Все существование людей определяется групповыми нормами, которые «предписывают контекстуально специфичные установки и поведение, приемлемые для членов группы»⁷. При этом эффект норм проявляется только там, где задающая их идентичность имеет значение. (Например, идентичность американца как избирателя-республиканца едва ли будет детерминировать его поведение там, где никто не слышал о «партии Рейгана».) Кроме того, согласно теории социальной

⁷ Terry, Hogg, and White 2000: 72.

идентичности, групповые нормы сказываются преимущественно на тех, чья идентификация с группой особенно сильна. Следование стандартам группы проистекает из того, что люди склонны согласовывать свои поступки с установками (которые, напомним, формирует социальная идентичность) тогда, когда «нормативный климат»⁸ поощряет соответствующее поведение как нечто важное для членов группы.

⁸ *Ibid.*: 74.

Идентификация с национальным сообществом является одной из форм социальной идентичности. Для нее, как и для других социальных идентичностей, критична контекстуальность: важность нации в глазах людей во многом зависит от ситуации. То же касается и влияния национальной идентичности на поведение и установки людей, которые могут варьировать в зависимости от значимости данного типа идентичности в конкретный промежуток времени в конкретном страновом контексте⁹. При формировании собственной системы ценностей и моделей поведения люди с сильной национальной идентичностью ориентируются на прототипичного представителя своей нации. Социально одобряемые установки и действия в разных странах могут существенно различаться. В одних странах поощряются свобода, индивидуализм и гражданский активизм, а в других — традиционные гендерные роли, уважение к авторитету и религиозность. Поэтому идеальные ценностные и поведенческие модели у представителей разных наций могут заметно отличаться друг от друга. Так, в США, где политическое участие позиционируется в качестве позитивного личного качества, граждане с сильной национальной идентичностью чаще принимают участие в выборах¹⁰.

⁹ *Huddy 2016*.

¹⁰ *Huddy and Khatib 2007*: 63—77.

Влияние национальной идентичности на поведение людей, естественно, не может не ощущаться и в сфере политики. Согласно одной из популярных в рамках теории рационального выбора моделей электорального поведения, известной как ретроспективное голосование, «для того чтобы принять дальновидное решение, избиратели рассматривают информацию о работе правительства в прошлом»¹¹. Но, поскольку обычному человеку зачастую бывает сложно рационально оценить эту работу и корректно атрибутировать ответственность за социальные, политические и экономические результаты, при оценке политиков он склонен полагаться на когнитивные и психологические «обходные пути»¹². Данная логика просматривается не только в электоральном поведении, но и при формировании политической поддержки в целом.

¹¹ *Healy and Malhotra 2013*: 286.

¹² *Ibid.*: 288.

Описанные выше характеристики национальной идентичности позволяют прогнозировать вполне определенное ее влияние на установки и поведение россиян. Как форма социальной идентичности идентификация с нацией (операционализируемая через национальную гордость) сопряжена с наличием модели «образцового» члена общества, которым в современном российском контексте выступает лояльный гражданин, поддерживающий status quo. В связи с этим моя первая гипотеза звучит так:

Н1: Национальная гордость положительно связана с доверием президенту России.

Учитывая «иррациональность» оценки гражданами работы политиков, можно высказать предположение о медиационной роли национальной идентичности (гордости) в формировании политической поддержки (см. рис. 1). Соответствующий механизм можно описать следующим образом. Избиратели оценивают собственное благополучие через уровень доходов, здоровье, счастье. В зависимости от характера этой оценки, она может оказать позитивное или негативное влияние на отношение к своей нации. Высокая оценка повысит основания для идентификации с нацией и гордости за нее; низкая породит искушение списать вину за личные неурядицы на положение дел в национальном сообществе, к которому человек принадлежит. В свою очередь результатом наличия/отсутствия у избирателя повода для гордости за национальное сообщество станет наличие/отсутствие у него стимула поддерживать политические институты и лидеров, репрезентирующих данное сообщество. Исходя из этого, можно сформулировать вторую гипотезу:

Н2: Национальная гордость играет роль медиатора между субъективным благополучием и доверием президенту России. Рост субъективного благополучия положительно связан с национальной гордостью, усиление которой со своей стороны ведет к повышению доверия президенту.

Рисунок 1 Медиационный эффект национальной идентичности при формировании политической поддержки

Данные и методы

При проверке сформулированных выше гипотез я опирался на опросные данные, полученные Институтом сравнительных социальных исследований в январе 2019 — июле 2020 г. Опрос проводился в 60 регионах РФ с использованием метода телефонных интервью САТИ по случайной вероятностной выборке. Всего было опрошено 18768 респондентов. После исключения респондентов с пропущенными ответами размер выборки составил 13 353 человека.

Зависимая переменная. Доверие к президенту измерялось через ответы на вопрос: «Насколько Вы доверяете президенту России?». Варианты ответа: «Совсем не доверяю» (1), «Не очень доверяю» (2), «В некоторой степени доверяю» (3), «Полностью доверяю» (4).

Независимая переменная. Субъективное благополучие было операционализировано через индекс, объединивший две переменных: уровень счастья и уровень удовлетворенности жизнью. Индекс рассчитывался как среднее между этими переменными. При их измерении использовались следующие вопросы:

- «Говоря в целом, можете ли Вы сказать, что Вы...» Варианты ответа: «Совсем не счастливы» (1); «Не очень счастливы» (2); «Довольно счастливы» (3); «Очень счастливы» (4).
- «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» Варианты ответа¹³: «Совершенно не удовлетворен» (1); «Полностью удовлетворен» (5).

¹³ В данном случае использовалась 5-бальная шкала, из которой во внимание принимались только первая и последняя позиции.

¹⁴ Ответ «Я не россиянин» при анализе не учитывался.

¹⁵ Mishler and Rose 2005.

¹⁶ Zmerli and Castillo 2015.

¹⁷ Catterberg and Moreno 2006.

Для измерения **переменной-медиатора** использовались ответы на вопрос: «Насколько Вы гордитесь тем, что Вы россиянин?» Варианты ответа: «Совсем не горжусь» (1); «Не очень горжусь» (2); «Скорее горжусь, чем нет» (3); «Очень горжусь» (4)¹⁴.

В роли **контрольных переменных** выступали: генерализованное доверие¹⁵; местные дела (оценка социально-экономической ситуации в регионе); восприятие неравенства¹⁶; субъективный доход¹⁷; возраст. Вопросы, использованные для измерения контрольных переменных, отражены в *табл. 1*. Общая описательная статистика приведена в *табл. 2*.

При исследовании был задействован метод медиационного анализа с помощью бинарной логистической регрессии. Для достижения результатов использовалась следующая бинарная логит-модель:

$$\text{политическая поддержка} = \alpha_0 + \alpha_1(\text{индекс субъективного благополучия}) + \alpha_2(\text{национальная гордость}) + \alpha_3(\text{местные дела}) + \alpha_4(\text{генерализованное доверие}) + \alpha_5(\text{восприятие неравенства}) + \alpha_6(\text{субъективный доход}) + \alpha_7(\text{возраст}) + \varepsilon_1$$

Результаты

Начну с результатов описательного анализа. На *рис. 2* представлено соотношение национальной гордости и доверия президенту на разных уровнях субъективного благополучия. Колонки графика отражают долю доверяющих и не доверяющих президенту для каждого варианта пересечения индекса субъективного благополучия и национальной гордости. Цифры на осях соответствуют кодировке, описанной в *табл. 2*. Часть статистики, стоящей за *рис. 2*, приведена в *табл. 3*. В каждой ячейке указано количество респондентов, относящихся к той или иной

Таблица 1 Вопросы, использованные для измерения контрольных переменных

<i>Переменная</i>	<i>Вопрос</i>	<i>Варианты ответа</i>
Генерализованное доверие	Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?	Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми (1) Большинству людей можно доверять (2)
Местные дела	Как Вы считаете, в целом дела в нашем регионе идут в правильном или в неправильном направлении?	В неправильном направлении (1) В правильном направлении (2)
Восприятие неравенства	Насколько остро в нашем регионе стоит проблема неравенства — расслоения общества по доходам и материальному достатку?	Практически незаметна (1) Не очень остро (2) Довольно остро (3) Крайне остро (4)
Субъективный доход	Уровень дохода Вашей семьи в настоящее время...	Очень трудно жить на такой доход (1) Довольно трудно жить на такой доход (2) Дохода в принципе хватает (3) Живу, не испытывая материальных затруднений (4)
Возраст	Абсолютное значение возраста респондента	

Таблица 2 Описательная статистика используемых переменных

Переменная	Категории	Средняя	sd	Min	Max
Национальная гордость	0 — объединяет варианты ответа «Не очень горжусь» и «Совершенно не горжусь»	0,87	0,34	0	1
	1 — объединяет варианты ответа «Очень горжусь» и «Скорее горжусь, чем нет»				
Удовлетворенность жизнью	1 — Совершенно не удовлетворен	3,82	1,03	1	5
	5 — Полностью удовлетворен				
Счастье	1 — Совершенно не счастлив	2,92	0,65	1	4
	2 — Не очень счастлив				
	3 — Довольно счастлив				
	4 — Очень счастлив				
Индекс (счастье + удовлетворенность)	-	3,82	1,03	1	5
Доверие президенту	0 — объединяет варианты ответа «Не очень доверяю» и «Совершенно не доверяю»	0,71	0,45	0	1
	1 — объединяет варианты ответа «В некоторой степени доверяю» и «Полностью доверяю»				
	2 — В неправильном направлении				
Местные дела	1 — В неправильном направлении	1,58	0,49	1	2
	2 — В правильном направлении				
Генерализованное доверие	1 — Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми	1,26	0,44	1	2
	2 — Большинство людей можно доверять				
Восприятие неравенства	1 — Практически незаметна	2,57	1,02	1	4
	2 — Не очень остро				
	3 — Довольно остро				
	4 — Крайне остро				
Возраст	-	45,25	16,2	18	95
Субъективный доход	1 — Очень трудно жить на такой доход	2,29	0,9	1	4
	2 — Довольно трудно жить на такой доход				
	3 — Дохода в принципе хватает				
	4 — Живу, не испытывая материальных затруднений				

группе, и их пропорция от общего числа респондентов. Как график, так и таблица фиксируют явный тренд: россияне с выраженным чувством национальной гордости более склонны доверять президенту. Данная тенденция характерна для всех уровней субъективного благополучия.

Рисунок 2 Соотношение национальной гордости и доверия президенту на разных уровнях субъективного благополучия

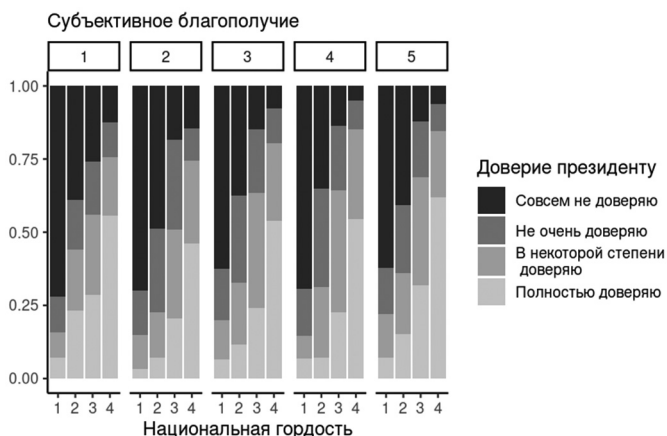

Таблица 3 Доверие президенту и национальная гордость

Доверие президенту	Национальная гордость			
	Совсем не горжусь	Не очень горжусь	Скорее горжусь, чем нет	Очень горжусь
Не очень доверяю	445 (0,033)	337 (0,025)	254 (0,019)	132 (0,010)
В некоторой степени доверяю	462 (0,035)	710 (0,053)	1280 (0,096)	820 (0,061)
Полностью доверяю	562 (0,042)	849 (0,064)	2181 (0,163)	4728 (0,354)
N	1862	1991	3782	5718

Логистическая регрессионная модель демонстрирует статистически значимый эффект всех включенных в анализ переменных (см. табл. 4). Рост субъективного благополучия коррелирует с ростом политической поддержки, то же относится и к национальной гордости. Более позитивный взгляд на положение дел в регионе, где проживает респондент, может повысить его доверие к главе государства, восприя-

тие неравенства как высокого имеет противоположный эффект. С большей вероятностью будут доверять президенту представители старших поколений, а также люди с более высоким доходом и те, кто склонен доверять окружающим.

Таблица 4 Результаты регрессионного анализа

	<i>Доверие президенту (0; 1)</i>
Индекс субъективного благополучия	0,083*** (0,022)
Национальная гордость	1,881*** (0,062)
Местные дела	1,183*** (0,045)
Генерализованное доверие	0,120* (0,053)
Восприятие неравенства	-0,186*** (0,023)
Возраст	0,028*** (0,001)
Субъективный доход	0,224*** (0,025)
Наблюдения	13353

Уровни значимости: 0 ‘***’; 0,001 ‘**’; 0,01 ‘*’; в скобках приведены стандартные ошибки

Результаты медиационного анализа отражены на *рис. 3*. Влияние субъективного благополучия на доверие президенту частично опосредовано уровнем национальной гордости, то есть обнаружена частичная медиация, подразумевающая наличие взаимосвязи не только между медиатором и зависимой переменной, но и между независимой и зависимой переменными. Регрессионные коэффициенты между субъективным благополучием и доверием президенту и между национальной гордостью и доверием президенту статистически значимы. Размер косвенного эффекта — 0,026. Значимость этого эффекта протестирована с помощью метода бутстрэп. Нестандартизированный непрямой эффект бутстрэп составил 0,026; 95% доверительный интервал варьирует от 0,007 до 0,04. Таким образом, можно сделать вывод о статистической значимости косвенного влияния субъективного благополучия на доверие президенту ($p = 0,004$).

Рисунок 3 Медиационный эффект национальной идентичности при формировании политической поддержки

Заключение

Проведенное исследование расширяет наше понимание функционирования политической поддержки в недемократических государствах, демонстрируя важность таких социально-психологических факторов, как национальная гордость и субъективное благополучие. Помимо подтверждения позитивной связи национальной гордости и доверия президенту, оно указывает на наличие частичного медиационного эффекта гордости за свою нацию. Результаты анализа позволяют говорить о том, что субъективное благополучие подпитывает национальную гордость, которая в свою очередь повышает доверие к президенту.

Вместе с тем у полученных выводов есть определенные ограничения.

Во-первых, медиация строится на допущении о причинно-следственной связи и временной дистанции между переменными. Стандартная регрессия *a priori* устанавливает, какая из переменных является причиной, а какая следствием. Более гибкую аналитическую рамку могло бы обеспечить обращение к технике моделирования структурных уравнений, позволяющей учесть «причинно-следственные связи в предполагаемом процессе медиации, одновременность косвенных и прямых эффектов, а также двоякую роль медиатора, который выступает и как причина результата, и как следствие вмешательства»¹⁸.

Во-вторых, социальная психология политической поддержки не сводится к проблеме идентичности. За последние несколько лет появился ряд работ, посвященных анализу эмоций и Большой пятёрки личностных черт как факторов, задающих динамику поддержки в авторитарных государствах¹⁹. В частности, исследователи говорят об интроверсии как о потенциальном механизме защиты от индоктринации в Китае и дружелюбности (неконфликтности) как черте, поощряющей конформизм. Но, несмотря на определенное продвижение в данном направлении, многое остается на уровне гипотез — например, связь между интроверсией и оппозиционными взглядами или между степенью состязательности недемократического режима и вероятностью социальной изоляции вследствие выражения таковых. Все эти вопросы

¹⁸ Gunzler et al. 2013: 391.

¹⁹ Greene and Robertson 2017, 2022; Truex 2022.

нуждаются в изучении. Остро ощущается также нехватка комплексных сравнительных исследований в данной сфере. Однако решение этих задач — дело будущего.

Библиография

Будрайтскис И. (2020) *Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы: Парадоксы консервативного поворота в России*. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский».

Alexseev M.A. and H.E.Hale. (2016) «Rallying 'Round the Leader More Than the Flag: Changes in Russian Nationalist Public Opinion 2013–14» // Kolstø P. and H.Blakkisrud, eds. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 192–220.

Catterberg G. and A.Moreno. (2006) «The Individual Bases of Political Trust: Trends in New and Established Democracies» // *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 18, no. 1: 31–48.

Coser I.A. (1956) *The Functions of Social Conflict*. New York: Free Press.

Engström M. (2014) «Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy» // *Contemporary Security Policy*, vol. 35, no. 3: 356–379.

Fiorina M.P. (1976) «The Voting Decision: Instrumental and Expressive Aspects» // *The Journal of Politics*, vol. 38, no. 2: 390–413.

Frye T. (2019) «Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments from Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 7: 967–994.

Greene S.A. and G.Robertson. (2017) «Agreeable Authoritarians: Personality and Politics in Contemporary Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 50, no. 13: 1802–1834.

Greene S.A. and G.Robertson. (2020) «Affect and Autocracy: Emotions and Attitudes in Russia after Crimea» // *Perspectives on Politics*, vol. 20, no. 1: 38–52.

Gunzler D., T.Chen, P.Wu, and H.Zhang. (2013) «Introduction to Mediation Analysis with Structural Equation Modeling» // *Shanghai Archives of Psychiatry*, vol. 25, no. 6: 390–394.

Healy A. and N.Malhotra. (2013) «Retrospective Voting Reconsidered» // *Annual Review of Political Science*, vol. 16, no. 1: 285–306.

Huddy L. (2001) «From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory» // *Political Psychology*, vol. 22, no. 1: 127–156.

Huddy L. (2016) «Unifying National Identity Research: Interdisciplinary Perspectives» // Grimm J., L.Huddy, P.Schmidt, and J. Seethaler, eds. *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are*. London: Routledge: 9–21.

Huddy L. and N.Khatib. (2007) «American Patriotism, National Identity, and Political Involvement» // *American Journal of Political Science*, vol. 51, no. 1: 63–77.

Laruelle M. (2009) *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. New York: Palgrave Macmillan.

Mishler W. and R.Rose. (2005) «What Are the Political Consequences of Trust? A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 38, no. 9: 1050—1078.

Shcherbak A. (2022) «Russia's „Conservative Turn“ after 2012: Evidence from the European Social Survey» // *East European Politics*, vol. 6: 1—26.

Tajfel H. and J.C.Turner. (1979) «An Integrative Theory of Intergroup Conflict» // Austin W.G. and S.Worchel, eds. *The Social Psychology of Intergroup Relations: The Role of Norms and Group Membership*. Monterey (CA): Brooks/Cole: 33—47.

Terry D.J., M.A.Hogg, and K.M.White. (2000) «Attitude-Behavior Relations: Social Identity and Group Membership» // Terry D.J. and M.A.Hogg, eds. *Attitudes, Behavior, and Social Context: The Role of Norms and Group Membership*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers: 67—93.

Truex R. (2022) «Political Discontent in China Is Associated with Isolating Personality Traits» // *The Journal of Politics*, vol. 84, no. 4: 2172—2187.

Zmerli S. and J.C.Castillo. (2015) «Income Inequality, Distributive Fairness and Political Trust in Latin America» // *Social Science Research*, vol. 52, no. 2: 179—192.

N.S.Zubarev

NATIONAL PRIDE AS MEDIATOR OF TRUST IN PRESIDENT CASE OF RUSSIA

Nikita S. Zubarev — Invited Lecturer at the Department of Political Science and International Affairs, HSE University (St Petersburg), Research Assistant at Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research. Email: nzubarev@hse.ru.

Abstract. How do leaders of non-democratic states retain support of the population? One of the most popular explanations in the modern Political Science suggests that people in non-democratic countries vote for incumbents and generally have a positive attitude towards them, because the latter possess maximum access to resources that can potentially be directed to improve the lives of the people. However, such an explanatory model leaves out the ex-

pressive component of political behavior. Meanwhile, citizens of authoritarian countries can sincerely express solidarity with the current rulers. The theory of social identity reveals this side of the problem, offering alternative explanations for the mechanisms of political support.

National identity as one of the forms of social identity shapes expectations, norms and patterns of behavior that are associated with the idea of a perfect representative of the nation. The specific characteristics of authoritarian states nudge citizens towards behavior and attitudes that contribute to maintaining the status quo. Moreover, since it is often difficult for an average person to rationally assess the actual performance of government and correctly attribute responsibility for social, political, and economic outcomes when deciding which politician to support, voters tend to use cognitive “shortcuts” based on their own satisfaction with life. The article proposes a hypothesis that national pride plays the role of a mediator between subjective well-being and the level of political support (operationalized via trust in president). The author tested this hypothesis using survey data and revealed that the mediation effect of pride for the nation is indeed present, however, it is partial. The results of the analysis indicate that subjective well-being has a positive effect on the support of the incumbent, both directly and through an increased national pride.

Keywords: national pride, political support, subjective well-being, political behavior

References

- Alexseev M.A. and H.E.Hale. (2016) “Rallying ’Round the Leader More Than the Flag: Changes in Russian Nationalist Public Opinion 2013–14” // Kolstø P. and H.Blakkisrud, eds. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 192–220.
- Budraitskis I. (2020) *Mir, kotoryj postroil Khantington i v kotorom zhivem vse my: Paradoksy konservativnogo povorota v Rossii* [The World That Huntington Built and in Which We All Live: The Paradoxes of the Conservative Turn in Russia]. Moscow: Izd-vo knizhnogo magazina “Tsiolkovskij”. (In Russ.)
- Catterberg G. and A.Moreno. (2006) “The Individual Bases of Political Trust: Trends in New and Established Democracies” // *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 18, no. 1: 31–48.
- Coser I.A. (1956) *The Functions of Social Conflict*. New York: Free Press.
- Engström M. (2014) “Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy” // *Contemporary Security Policy*, vol. 35, no. 3: 356–379.
- Fiorina M.P. (1976) “The Voting Decision: Instrumental and Expressive Aspects” // *The Journal of Politics*, vol. 38, no. 2: 390–413.
- Frye T. (2019) “Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments from Russia” // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 7: 967–994.

Greene S.A. and G.Robertson. (2017) "Agreeable Authoritarians: Personality and Politics in Contemporary Russia" // *Comparative Political Studies*, vol. 50, no. 13: 1802—1834.

Greene S.A. and G.Robertson. (2020) "Affect and Autocracy: Emotions and Attitudes in Russia after Crimea" // *Perspectives on Politics*, vol. 20, no. 1: 38—52.

Gunzler D., T.Chen, P.Wu, and H.Zhang. (2013) "Introduction to Mediation Analysis with Structural Equation Modeling" // *Shanghai Archives of Psychiatry*, vol. 25, no. 6: 390—394.

Healy A. and N.Malhotra. (2013) "Retrospective Voting Reconsidered" // *Annual Review of Political Science*, vol. 16, no. 1: 285—306.

Huddy L. (2001) "From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory" // *Political Psychology*, vol. 22, no. 1: 127—156.

Huddy L. (2016) "Unifying National Identity Research: Interdisciplinary Perspectives" // Grimm J., L.Huddy, P.Schmidt, and J. Seethaler, eds. *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are*. London: Routledge: 9—21.

Huddy L. and N.Khatib. (2007) "American Patriotism, National Identity, and Political Involvement" // *American Journal of Political Science*, vol. 51, no. 1: 63—77.

Laruelle M. (2009) *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. New York: Palgrave Macmillan.

Mishler W. and R.Rose. (2005) "What Are the Political Consequences of Trust? A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia" // *Comparative Political Studies*, vol. 38, no. 9: 1050—1078.

Shcherbak A. (2022) "Russia's „Conservative Turn“ after 2012: Evidence from the European Social Survey" // *East European Politics*, vol. 6: 1—26.

Tajfel H. and J.C.Turner. (1979) "An Integrative Theory of Intergroup Conflict" // Austin W.G. and S.Worchel, eds. *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey (CA): Brooks/Cole: 33—47.

Terry D.J., M.A.Hogg, and K.M.White. (2000) "Attitude-Behavior Relations: Social Identity and Group Membership" // Terry D.J. and M.A.Hogg, eds. *Attitudes, Behavior, and Social Context: The Role of Norms and Group Membership*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers: 67—93.

Truex R. (2022) "Political Discontent in China Is Associated with Isolating Personality Traits" // *The Journal of Politics*, vol. 84, no. 4: 2172—2187.

Zmerli S. and J.C.Castillo. (2015) "Income Inequality, Distributive Fairness and Political Trust in Latin America" // *Social Science Research*, vol. 52, no. 2: 179—192.

ПОЛИТИКА

Ю.В.Карпич

ПРАВОСЛАВИЕ И КОНСЕРВАТИЗМ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РЕЛИГИОЗНЫХ РОССИЯН¹

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Юлия Владимировна Карпич — стажер-исследователь Лаборатории региональной истории России Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: ykarpich@hse.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния религиозности на индивидуальный политический выбор православных россиян. На материале глубинных интервью с верующими, активно посещающими церковные службы, выявляется связь между отдельными аспектами религиозности (убеждениями, религиозными практиками) и консервативными установками прихожан. Раскрывается логика консервативного выбора. Показывается, как консервативные установки, связанные с ценностными сдвигами, сочетаются с консервативными установками, основанными на религии.

Результаты исследования позволяют зафиксировать три типа политического позиционирования, вытекающие из консервативного мировоззрения. В случае лояльности действующей власти консервативная логика проявляется в желании сохранить стабильность и избежать политических потрясений. Оппозиционное голосование принимает форму морального протеста, когда избиратели хотят наказать власть за действия, несоответствующие их нравственным идеалам. Неучастие в выборах консервативно в том смысле, что верующие отстраняются от политики, которая кажется им безнравственной и коррумпированной.

Использование методологии качественного анализа и данных индивидуального уровня приводят автора к заключению, что принимаемое верующими решение о голосовании определяется в первую очередь их политическими убеждениями. Верующие избиратели оценивают действия политиков и взвешивают потенциальную возможность повлиять на политическую ситуацию. Влияние практик ограничивается политическим участием. Консервативная логика голосования тесно связана со светскими убеждениями; религиозные верования и практики церковного взаимодействия способны лишь скорректировать сделанный выбор.

Ключевые слова: религиозность, консерватизм, православие, политические установки, традиционные ценности

² Мельвил 2017; Ostbo 2017; Вузов 2018.

³ Богачев и Сорвин 2020.

⁴ Ухватова 2018.

⁵ Общественное мнение 2019: 110.

⁶ Там же: 63.

⁷ Общественное мнение 2022: 121.

⁸ Там же: 32.

⁹ Кулькова 2015; Мчедлова, Кофанова и Шевченко 2020.

¹⁰ Чеснокова 2005; Ситников 2011; Шербак и Ухватова 2018.

¹¹ Marsh 2005; Локосов и Синелина 2008; Мчедлова и Кофанова 2020.

¹² Локосов и Синелина 2008.

¹³ Богачев 2016.

¹⁴ Кулькова 2015; Мчедлова, Кофанова и Шевченко 2020.

¹⁵ Богачев 2016.

¹⁶ Макаренко (ред.) 2017.

¹⁷ Богачев 2016; Вузов 2018.

¹⁸ Чеснокова 2005; Ситников 2011; Богачев 2016.

¹⁹ Богачев 2016.

²⁰ Hirschman 1970.

Идеи, ставшие популярными во время консервативного поворота, ознаменовавшего третий срок президентства Владимира Путина², определили важнейшие направления политического курса современной России. Российские правящие круги делают ставку на традиционные ценности, «духовные скрепы» и сильную власть. Опора на православие — ключевая составляющая этой стратегии. Партии и кандидаты стремятся заручиться поддержкой религиозного электората, публично поддерживают РПЦ и заявляют о приверженности ее постулатам³. Процесс сближения Церкви и государства отражается и в дискурсе РПЦ, которая подчеркивает свою особую роль в истории и культуре России, выступает с критикой либеральных установок⁴. Согласно социологическим опросам, эти изменения полностью соотносятся с растущей популярностью консервативных ценностей в российском обществе. Так, 56% россиян негативно относятся к сексуальным меньшинствам⁵, 41% считает аборт неприемлемым⁶, 47% симпатизирует идее «Россия для русских»⁷ и 75% согласны с тем, что власть должна быть сосредоточена в руках сильного лидера⁸.

Но действительно ли религиозность — основа консервативных установок православных верующих? Исследователи, занимающиеся этой проблемой, приходят к противоречивым выводам. Одни обнаруживают влияние православия на политические взгляды россиян⁹, интерпретируя его в терминах консерватизма и либерализма¹⁰. Другие указывают на отсутствие значимых различий в политических воззрениях православных христиан, адептов других конфессий и атеистов¹¹. Уровень религиозности, с одной стороны, коррелирует с растущей лояльностью власти¹², с другой — связан с поддержкой оппозиционных партий¹³. Участие в жизни религиозной общины способствует политическому участию¹⁴, при этом среди наиболее религиозных членов таких общин широко распространен абсентеизм¹⁵.

Сложности с поиском убедительного ответа на поставленный выше вопрос во многом обусловлены тем, что консервативные установки не означают симпатии к определенной политической партии¹⁶. Избиратель, поддерживающий действующую власть, может быть консерватором в том смысле, что мечтает сохранить стабильность, избежать политических потрясений и защитить себя¹⁷. Точно так же консерватизм избирателя может подтолкнуть его к выбору в пользу собственно консервативной или националистической оппозиции (например, ЛДПР или «Родины»). Такие избиратели хотят наказать власть за чрезмерно либеральную, недостаточно сильную политику¹⁸. Консервативным может быть и неучастие в выборах, когда избиратель отстраняется от политики, считая ее безнравственной и коррумпированной¹⁹.

С тех пор как «Единая Россия» утвердилась в статусе доминирующей партии, политический выбор россиян, по сути, предполагает лишь две развилки: (1) поддержать действующую власть или выказать недовольство ею; (2) выразить недовольство посредством протестного голосования или абсентеизма²⁰. Но четкое представление о том, что опреде-

²¹ Frye and Yakovlev 2016; Hale and Colton 2017.

²² Туровский и Гайворонский 2017; Туровский 2018.

²³ Barker, Hurwitz, and Nelson 2008; Пруцкова и Маркин 2017.

²⁴ Driskell, Embry, and Lyon 2008.

²⁵ Stark 2001; Driskell, Embry, and Lyon 2008.

²⁶ Религия 2017; Вера 2020.

²⁷ Guth et al. 1988; Leege and Kellstedt 2016.

Влияние религиозности на политический выбор

ляет их поведение в рамках этих развилки, отсутствует. Хотя значимыми для голосования считаются многие факторы²¹, выбор избирателя чаще всего рассматривается как следствие рационального экономического решения²², что оставляет за скобками роль установок и убеждений.

Еще одна трудность в изучении взаимодействия религии и политики заключается в поиске способа измерения религиозности. Ориентация большинства исследователей на выявление связи между религиозностью и политическим выбором влечет за собой акцент на поддающихся фиксации количественных показателях²³. Как правило, предпочтение отдается поведенческим факторам, и прежде всего религиозному участию. Однако подобный исследовательский дизайн хотя и обеспечивает достижение повторяющихся результатов, не позволяет их объяснить²⁴. Более того, работая с показателями религиозного поведения, исследователи склонны упускать из вида значимость убеждений, лежащих в их основе²⁵. В случае православных россиян ситуация осложняется оторванностью верующих от религиозного сообщества. По различным подсчетам, число православных в стране достигает 63—71%, и только 6—14% из них регулярно практикуют свою веру²⁶.

Один из возможных шагов к решению этих проблем — проведение качественных исследований. Такая стратегия позволяет установить, является ли политический выбор действительно идеологическим (то есть заданным консервативными установками) и какую роль в наборе его мотивов играет религиозность.

В настоящей статье представлены результаты качественного исследования, нацеленного на выявление логических взаимосвязей между определенными аспектами индивидуальной религиозности и конкретными политическими предпочтениями верующих. Объектом анализа в нем выступают верующие, постоянно участвующие в религиозных службах; именно от них ожидается и большая консервативность, и более глубокое погружение в веру. Объяснительная модель опирается на предположение о том, что политический выбор — результат осознанного решения, сделанного с опорой на некие убеждения и практики, которые могут быть как религиозными, так и светскими (гражданскими). Например, ключевым компонентом выбора может стать обсуждение политики и с членами религиозной общины, и с коллегами по работе. В то же время выбор может быть продиктован представлениями о справедливости, нравственности и т.п., которые могут вытекать не только из религиозных норм, но и из светской морали.

В литературе, анализирующей влияние религиозности на политический выбор, сложились две исследовательские традиции. Первая концептуализирует религию как социальный феномен, вторая — как феномен сознания²⁷.

Сторонники первой традиции опираются на два основных допущения: (1) политические установки и модели политического участия

формируются под влиянием процессов, происходящих в обществе; (2) индивидуальный выбор опосредуется принадлежностью к социальной группе и практикой коллективного взаимодействия. Так, по заключению Стивена Петерсона, принадлежность к общине и вовлеченность в ее дела формируют у верующих навыки участия, которые затем переносятся и на сферу политики²⁸. Существуют исследования, демонстрирующие, что при регулярном посещении церковных мероприятий растет вероятность стать объектом мобилизации со стороны священнослужителей²⁹.

²⁸ Peterson 1992.

²⁹ Holman and Shockley 2017; Smith 2017.

Приверженцы второй традиции подчеркивают роль индивидуальных убеждений — принятия конкретных религиозных догм и связанных с ними норм и ценностей. Здесь важно следующее допущение: решения людей определяются когнитивными факторами и не зависят от окружения. Именно убеждения лежат в основе религиозного поведения³⁰, и они же мотивируют верующих к участию в политике, помогают им интерпретировать политические события и действия политиков³¹. Не случайно традиционалистские религиозные установки часто соотносятся с поддержкой консервативных политических партий и движений, а также с полным отсутствием интереса к политике³².

³⁰ Stark 2001.

³¹ Wielhouwer 2009.

³² Glock and Stark 1966.

³³ Leege and Kellstedt 2016.

Простое противопоставление этих подходов, однако, сужает возможности анализа³³. Очевидно, что два проявления религиозности могут действовать одновременно и независимо друг от друга. Скажем, некоторые члены религиозной общины могут не разделять убеждения, свойственные другим ее представителям. И наоборот, эти убеждения могут быть значимы для человека, который не связывает себя с общиной и не участвует ни в каких общих ритуалах. Как я постараюсь показать далее, именно комбинация убеждений и практик определяет выбор верующих.

Дискуссии о влиянии религиозности на политический выбор россиян строятся вокруг необходимости объяснить разрыв между числом людей, идентифицирующих себя с православием, и долей практикующих верующих. Современные исследователи обычно делят православных на подгруппы в зависимости от уровня религиозности³⁴. В качестве критерия дифференциации чаще всего используются поведенческие показатели, прежде всего частота посещения религиозных служб³⁵. Проведенное Валентиной Чесноковой эмпирическое исследование указывает на то, что с повышением уровня религиозности происходит изменение ценностных установок верующих: усиливаются националистические и традиционалистские взгляды при снижении интереса к мирской жизни³⁶. В свою очередь Алексей Ситников прослеживает положительную связь уровня религиозности лишь с культурным консерватизмом (отношением к цензуре в СМИ, религиозной нетерпимости и т.д.), но не с политическим (в смысле отказа от демократических ценностей и неприятия таких демократических институтов, как свободные выборы, разделение властей и т.д.)³⁷. Более того, согласно его заключению, консерватизм верующих связан не с уровнем религиозности

³⁴ Кулькова 2015; Богачев 2016; Ухватова 2017; Мчедлова и Кофанова 2020.

³⁵ Маркин 2018.

³⁶ Чеснокова 2005.

³⁷ Ситников 2011.

(включенностью в религиозные практики), а с определенной субкультурой, которая сложилась в кругу людей, погруженных в церковные традиции³⁸. Киммо Каарийнен и Дмитрий Фурман между тем утверждают, что консервативные установки верующих менялись со временем. Если в начале 1990-х годов наиболее религиозные среди православных тяготели к коммунистической риторике, то после построения и укрепления «вертикали власти» в 2000—2010-х годах они стали опорой действующего режима. Как и Ситников, Фурман и Каарийнен оспаривают роль религиозности в формировании политических взглядов. По их оценке, на эти взгляды, как и на моральные установки, больше влияет возраст людей³⁹.

³⁸ Ситников 2007.

³⁹ Каарийнен и Фурман 2007.

Глубоко вовлеченные в церковную жизнь православные политически более активны⁴⁰. Однако регулярное участие в богослужебных ритуалах положительно влияет на участие в политической жизни вне зависимости от конфессии. Кроме того, как показывает электоральная статистика, уровень религиозности (в поведенческом смысле) не является значимым фактором явки. Исходя из этого, Анна Кулькова высказывает предположение, что голосование зависит скорее от того, во что верит человек, чем от частоты практик⁴¹.

⁴⁰ Мчедлова, Кофанова и Шевченко 2020.

⁴¹ Кулькова 2015.

Исследуя электоральные предпочтения, Максим Богачев фиксирует снижение популярности «Единой России» среди практикующих православных. Одно из возможных объяснений этой тенденции он видит в радикализации установок наиболее религиозной части православного электората, для которой умеренно консервативная позиция властей оказывается недостаточно консервативной. В свою очередь растущий в этой среде абсентеизм он связывает со снижением интереса к мирским делам (в том числе к политике)⁴².

⁴² Богачев 2016.

Суммируя, можно констатировать: хотя большинство исследователей сходятся во мнении, что политические установки православных верующих меняются в зависимости от уровня религиозности, природа этой связи вызывает разногласия. Консерватизм наиболее религиозных из них может быть обусловлен не религиозностью как таковой, а сопутствующими факторами (пол, возраст, место жительства, профессия). И даже если интенсивность религиозных практик действительно влияет на политическое участие и электоральные предпочтения, вопрос о влиянии именно православной традиции остается открытым.

Методология и данные

В основе настоящего исследование лежит предположение о том, что политический выбор верующего определяется сочетанием религиозных и нерелигиозных убеждений и практик: убеждения придают смысл индивидуальному восприятию реальности и помогают оценить политическую ситуацию; практики и нормы поведения предлагают способ справиться с проблемой, которую избиратель видит, оценивая эту ситуацию. Любые утверждения, раскрывающие мировоззрение или отношение к политической ситуации, трактуются как политические убеж-

дения. В качестве практик квалифицируются действия, связанные либо с церковной коммуникацией, либо с политической активностью.

⁴³ Fiorina 1978.

⁴⁴ Niemi, Craig, and Mattei 1991.

Потенциальное значение для политического выбора имеют два типа убеждений: оценка действий политиков и представления о собственной роли в политическом процессе. Положительная оценка действий политиков стимулирует голосование за инкубентов, отрицательная — голосование против или абсентеизм⁴³. Участие в электоральной процедуре зависит от восприятия человеком своей способности влиять на политику⁴⁴. Политический выбор консервативного толка может быть мотивирован, во-первых, стремлением сохранить стабильность и избежать политических изменений; во-вторых, скептицизмом по отношению к либеральным ценностям и политическим инициативам; в-третьих, желанием абстрагироваться от политики как коррумпированной и нечестной. В свою очередь консервативные убеждения могут быть связаны как со светскими установками, так и с религиозностью.

Эмпирическим материалом для анализа послужила серия глубинных полуструктурированных интервью, собранных в Липецкой области в 2019—2021 гг. Выбор региона обуславливался, с одной стороны, высокой долей православных среди его населения (71%), с другой стороны, стабильной популярностью там двух политических сил — «Единой России» и КПРФ — и, соответственно, альтернативностью голосования. Поскольку выраженная религиозность не приводит к одной стратегии политического выбора, можно предположить, что на решение верующих влияют дополнительные мотивы.

Всего было собрано 38 интервью. Интервьюирование проводилось среди верующих, активно посещающих церковные службы (чаще чем раз в месяц). В числе респондентов были люди в возрасте от 19 до 80 лет (представителей старшего поколения — после 45 лет — оказалось чуть больше, чем молодых), мужчины и женщины, занимающие разное социальное положение и проживающие в восьми населенных пунктах (областной центр, региональные центры, сельские поселения).

⁴⁵ Hirschman 1970.

Поскольку цель интервьюирования заключалась в выявлении логики политического выбора и влияния на нее религиозности, вопросы гайда касались политических предпочтений респондентов, их участия в политике, отношения к политической системе и ключевым политическим акторам, обращения в православие, церковной активности, взаимодействия с религиозной общиной и т.д. Материалы интервью были проанализированы с использованием метода тематического кодирования. Для обозначения отдельных убеждений и практик применялись отдельные коды. Отталкиваясь от теории Альберта Отто Хиршмана⁴⁵, я подразделила варианты политического выбора на три группы: верность (голосование за «Единую Россию» и Владимира Путина), голос (поддержка любого другого кандидата и партии) и выход (неучастие в выборах или порча бюллетеня).

При интерпретации результатов я исходила из того, что если политический выбор верующих в самом деле мотивирован консерва-

тивными установкам, то комбинации убеждений и практик образуют три логические связки. Стратегия голоса, по сути, представляет собой форму морального протеста: верующие, негативно оценивающие политическую ситуацию, хотя и наказывать находящихся у власти политиков за их несправедливые, несправедные решения. Стратегия верности есть следствие «лояльного консерватизма», построенного на восприятии действующей власти как гаранта стабильности. В случае выхода консервативная логика проявляется в отстранении от политики, в стремлении верующих отгородить себя от мирских (секулярных) проблем.

Убеждения и политический выбор

Моральный протест. Материалы интервью свидетельствуют о том, что логика морального протеста действительно приводит к выбору стратегии голоса. Ключевое значение здесь имеет сочетание убеждения в безнравственности политиков (и, соответственно, негативной оценки их действий) и желания выразить свой протест (даже при сомнении в возможности реально повлиять на ситуацию).

Так, одна из липецких респонденток видит в действиях людей, попавших во власть, преимущественно корысть. Полностью отдавая себе отчет в сфальсифицированности выборов, она тем не менее голосует, надеясь тем самым хотя бы сохранить свой голос.

«Власть сейчас везде ругают. Кто власть не ругает? Тот, кто находится у власти. Если бы мой муж был мэром города, неужели бы власть ругала? <...> От нас еще ничего не зависит в том смысле, что поговорка „У генерала есть свой сын“... все-таки работает. Я не знаю, как из низин добиться [чего-то в политике], только если по головам пойти. <...>

Все эти выборы... Я сама была участницей таких выборов, когда пачку прямо туда кидали. <...> Я на выборы хожу и голосую... за человека, которого не знаю. Когда в ряд стоят — Путин, Иванов, Смирнов и Насырбаев какой-нибудь, за Насырбаева я проголосую. Потому что других я знаю, они там мелькают по телевизору... а тут я знаю, что этот человек никогда не победит. А как по-другому? Ну скажу я: „Я против всех, я не пойду на выборы“. Нет, я должна сходить замарать мой листочек. <...> Я понимаю, что ничего не сделаю с результатами, но по крайней мере, если что-нибудь президент сделает не так, я не буду кричать: „Ааа, власть! Все не так“. Я не ставила его президентом. Вот как-то так себя оправдываю» (женщина, 39 лет, Липецк).

Высокая религиозность может усилить склонность верующего к протестному выбору, подключив к факторам недовольства политиками несоответствие тех христианским идеалам. Довольно показательна в этом плане позиция другого липецкого респондента, который обвиняет власть в действиях, противоречащих не только его гражданским уста-

новкам, но и нормам христианства. При этом для него важнее ассоциировать себя не с лоялистами или оппозиционерами, а с христианами в целом. С его точки зрения, высказывать свое недовольство посредством механизма выборов нормально, прямые же протесты лишь провоцируют насилие и не приводят к каким-либо изменениям. В этом смысле они столь же неприемлемы, как и безнравственные действия политиков.

⁴⁶ Респондент ссылается на известную конспирологическую теорию, согласно которой взрывы жилых домов в России осенью 1999 г. были организованы самой российской властью.

«[Президент] — человек, который начал свою политическую деятельность с рязанского сахара⁴⁶. Просто как для гражданина и человека верующего это неприемлемо. Да и сегодня Владимир Владимирович [поссорил] нашу страну со всем остальным миром. <...>

Если меня спросят: „Революция или нет?“ — нет. Вообще, категорически нет! Никакие изменения политические не стоят ни одной пролитой капли крови, ничего здоровья. И я не верю в то, что цель оправдывает средства. Потому что у нас был опыт большевиков, которые сказали: „Цель оправдывает средства“. <...> У нас Союз любят хвалить за то, что они там сделали образование, заводы построили. Я даже не считаю, что это того стоит. Мне [все равно], что мы первые полетели в космос, мне жалко тех людей, которых убили. Я староста храма. Я вообще в списке тех людей, которых убивали, вот когда закрывали храмы» (мужчина, 24 года, Липецк).

Религиозные и политические убеждений потенциально могут вступать в конфликт. Церковь учит смирению и подчинению Божьей воле. Однако соображения, применяемые к себе, не используются для оправдания действий политиков. Респонденты четко разграничивают политические и религиозные установки. Склонность к протесту зачастую оказывается сильнее смирения, веры в то, что «нет власти не от Бога», которые, казалось бы, должны влиять на политические воззрения глубоко религиозных людей.

«И: Вы считаете, что ваши религиозные взгляды связаны с вашими политическими и/или социальными действиями?

Р: С политическими — нет, я это не соотношу. Я считаю, что Церковь и власть должны держать дистанцию. Плохо, когда она не соблюдается. Мы светская страна, я не хочу навязывать свои ценности всем, кто в России живет. Другое дело, что некоторые христианские ценности близки и атеистам, и людям других религий. [Пример: семья — союз мужчины и женщины]. Меня не устраивает другое. Например, храм Вооруженных сил, это у меня не вызывает никакого воодушевления» (мужчина, 36 лет, Липецк).

Отстранение от политики. Выбирающие стратегию выхода верующие проводят связь между разложением моральных ориентиров

общества и наблюдаемыми ими политическими проблемами. Их решение — закрыться от мира и сосредоточиться на духовной жизни.

«Я даже сейчас стараюсь меньше с ним [внуком] общаться, потому что он начинает и орать, и визжать, и все на свете. Я и молилась. Все действует, конечно. Раньше ТВ не было, ничего не знали. <...> Сейчас, казалось бы, не бедные. Но жизнь тяжелая. Душа болит, скорбит. Раньше картошки наелись и все, сытые были. А сейчас...» (женщина, 65 лет, Грязи).

Ни осознание политических проблем, ни обращение политиков к православию не могут повернуть их к политике. В то же время надежда на то, что все в руках Бога, облегчает решение. Верующие этого типа допускают, что кто-то из их единомышленников может интересоваться политикой, но сами не готовы ни поощрять, ни наказывать политиков.

«Р.: Естественно, такое [политические события] обсуждается [на кухне]. А в храме... У нас ведь приход еще всего лишь [несколько] лет, не так много прихожан. Обсуждали эти темы? Нет. Потом, заметьте, какой у нас приход: у нас учителя, медики, бабулек у нас вообще мало, такого, как я, возраста мало женщин. Они может где-то как-то и обсуждают. Но все терпимо, нормально относятся ко всему к этому. Ну, конституция и конституция. Значит, Господь дает это, не просто так вот это вот, понимаете. Все от Бога. <...>

И: А новости смотрите?

Р: Нет, новостями я не интересуюсь. Меня иногда сын посвящает. Он говорит: „Мам, не смотри. Тебе это не надо“. <...> Да пусть они делают, что хотят, политики эти.

И: Не думаете, что это [принадлежность к православию] помогает популярности?

Р: Пришел он [Путин в храм], и слава Богу. Значит, у него что-то же есть. Не на публику же он играет. Играл бы, не простоял бы столько часов на службе. Все нормально. Все приходят к вере как приходят» (женщина, 63 года, Лебедянь).

Лояльный консерватизм. Логика выбора стратегии верности должна компенсировать две тенденции — склонность верующих к абсентеизму и их ориентацию на высокие нравственные стандарты, которым политики обычно не соответствуют. Частично проблема решается через противопоставление политиков и президента. На фоне коррумпированных политиков и чиновников деятельность президента оценивается позитивно: респонденты убеждены, что страной управляет сильный лидер, связывают его курс со стабильностью и сохранением духовных ценностей. При этом президент выглядит в их глазах не только эффективным руководителем, но и нравственным с христианской точки зрения человеком.

«По моим наблюдениям, все поколение, которое бабульки, которые не хотят войны, которые получают хорошую пенсию, льготы имеют, все бабульки (средний возраст и старше) проголосуют в поддержку партии власти. <...> Потому что наш возраст и среднее поколение уже за какую-то стабильность, мы уже не хотим перемен. Да, у нас что-то сложилось, что-то мы имеем, а молодежь, я думаю, не очень довольна, потому что проблемы с работой, например» (женщина, 40 лет, Елец).

«И: Почему на выборы — да [ходите], а на митинги — нет?»

Р: Огромная разница. Нет другой власти, кроме как от Бога. Это догмат.

И: То есть нужно принимать [власть] априори? А на выборах, когда выбираете, за кого галочку поставите, пользуетесь этой же логикой?»

Р: Надо бы априори, но я против слепой веры. Но выборах голосую разумом. Или душой, если разум молчит. <...>

И: За Путина — это разумом или душой?»

Р: Человек сделал смыслом своей жизни Служение — это прям как Чацкий. И я ему верю» (мужчина, 46 лет, Липецк).

Даже отмечая наличие проблем в стране, лояльные верующие склонны связывать их с неудачными решениями в прошлом. Дополнительное влияние на их позицию оказывает и надежда на изменения.

«Р: ...Мы не обсуждаем партии с родственниками и друзьями, но абсолютно положительно относимся к деятельности нашего президента.

И: А что вам нравится в политике, которую он провел?»

Р: То, что, присутствуя за границей, ты можешь с совершенно поднятой головой говорить, что ты русская, не стесняться. То есть внешняя политика в первую очередь. Внутренняя политика слабовата, да, но я думаю, что это связано не с тем, что он и правительство не хочет этим заниматься, а все-таки невозможно все сразу поднять. Да, конечно, внешняя политика — это лидер, несомненно, а внутренняя — пока еще низкий уровень жизни, но не все, наверное, сразу, надо терпеливее относиться» (женщина, 53 года, Липецк).

Важно, однако, отметить, что хотя отношение к президенту и объясняет выбор между верностью и голосом, оно не раскрывает мотива к политическому участию, то есть причин предпочтения верности, а не выхода. Участие требует ощущения личной ответственности и/или веры в возможность повлиять на политику. У лояльных верующих ни того, ни другого нет.

**Практики
и политический
выбор**

Если отношение к действиям политиков определяется убеждениями, то готовность к политическому участию — практиками. Опыт голосования, общественной деятельности и/или включенности в дела общины создают привычку участия и приводят верующего на избирательный участок. Человеку, обладающему подобным опытом, гораздо проще прийти на выборы. В случае положительной оценки действий политиков этот опыт подталкивает к стратегии верности, в случае отрицательной — к стратегии голоса. В свою очередь человек, не имеющий навыков участия, с большей вероятностью предпочтет выход.

Вместе с тем активная включенность в жизнь прихода может оказаться фактором, способствующим отстранению от политики: у человека, проводящего все свое свободное время в храме, может просто не остаться сил для иного рода активности. Так что наличие опыта сугубо церковного участия может стимулировать человека к выбору стратегии выхода, особенно если оно (что бывает достаточно часто) накладывает на представление о незначимости мирских проблем.

«У нас своего хватает [дел в храме]. Вот сейчас лето начнется. У нас сколько цветников, полить их надо, надо убрать. Я-то, конечно, в возрасте теперь. Говорю: „Батюшка, пора мне, наверно, бросать“, [он отвечает:] „Да нет, еще побудь“» (женщина, 65 лет, Грязи).

В других ситуациях религиозные практики могут способствовать участию. В сочетании с недовольством происходящим в стране и убеждением в возможности влиять на политику они повышают вероятность протестного голосования; в сочетании с верой в сильного лидера — укрепляют лояльность. Стимулом к голосованию может быть и позиция близких.

«Выбирать-то не из кого. Смысл-то какой... но да, я хожу. Я так думаю, что и без меня бюллетень бы использовали. Просто как-то муж говорит: „Нет, все идем“. Ну и детям надо пример подавать» (женщина, 38 лет, Лев Толстой).

К религиозным практикам, влияющим на политический выбор, относятся также отношения со священнослужителями. Поскольку священник обычно является авторитетом для верующих, они прислушиваются к его призыву пойти проголосовать.

«У нас священник всегда говорит в день выборов: „Вы должны пойти и отдать свой гражданский долг“» (женщина, 38 лет, Лев Толстой).

В свою очередь общение с членами религиозной общины на выборе респондентов не сказывается. В одних случаях при храме вооб-

ще не складывается общины или прихожане не включаются в ее дела. В других — в общине не обсуждаются политические сюжеты или их обсуждение не связывается с индивидуальным выбором. Но даже если в общине принято устраивать собрания и обсуждать интересующие прихожан вопросы, в том числе касающиеся политики, респонденты четко разграничивают собственную религиозность и политические взгляды.

«Иногда приурочиваем собрания четверговые к каким-то датам/событиям, когда не можем тему придумать: „Ну вот, что-то произошло. Навального посадили. Давайте обсудим“. Но, как правило, мы приходим к тому, что Церковь аполитична, она вне политики. Если ты имеешь какие-то политические взгляды, они дальше твоей личной жизни, как правило, не выходят» (мужчина, 24 года, Липецк).

Заключение

Итак, проведенный мною анализ говорит о том, что принимаемое верующими решение о голосовании определяется в первую очередь их политическими убеждениями. Верующие избиратели оценивают действия политиков и взвешивают потенциальную возможность повлиять на политическую ситуацию. Влияние практик ограничивается политическим участием. Данные индивидуального уровня показывают, как общие консервативные установки сочетаются с консервативными установками, основанными на религии. Консервативная логика голосования тесно связана со светскими убеждениями; религиозные верования и практики взаимодействия в церкви могут лишь скорректировать сложившейся выбор. Эти выводы углубляют наше понимание взаимосвязи между консерватизмом и православием, разрешая спор между исследователями, придерживающимися идеи прямого переноса религиозных ценностей в политическую жизнь, и теми, кто рассматривает религиозный консерватизм как обособленный феномен.

Разумеется, использованного мной эмпирического материала заведомо недостаточно для построения широких обобщений. Более того, выявленные комбинации убеждений и практик отнюдь не подразумевают, что базирующиеся на них объяснения электорального поведения верующих являются единственно возможными или исчерпывающими. Мое исследование не отрицает важности альтернативных объяснений, в том числе логики экономического голосования и рационального выбора. Однако оно подтверждает значимость индивидуальных мотивов, влияние которых на электоральный выбор зачастую игнорируется или отодвигается на задний план, и высвечивает некоторые связи между религией и политикой, которые в дальнейшем следовало бы проверить на более крупных и репрезентативных выборках.

Библиография

Богачев М.И. (2016) «Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ» // *Религиоведческие исследования*, № 13: 8—76.

Богачев М.И. и К.В.Сорвин. (2020) «Политика в Церкви: за кого агитируют православные священники?» // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, т. 38, № 3: 331—361.

«Вера в сверхъестественное». (2020) // *Левада-Центр**, 28.10. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/> (проверено 22.10.2022).

Каарийнен К. и Д.Е.Фурман. (2007) «Религиозность в России на рубеже XX—XXI столетий (Окончание)» // *Общественные науки и современность*, № 2: 78—95.

Кулькова А.Ю. (2015) *Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах*. Препринт WP14/2015/02. URL: https://www.hse.ru/data/2015/06/01/1097831116/WP14_2015_02_fff.pdf (проверено 22.10.2022).

Локосов В.В. и Ю.Ю.Синелина. (2008) «Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян» // Мчедлов М.П., ред. *Религия в самосознании народа: Религиозный фактор в идентификационных процессах*. М.: Институт социологии РАН: 135—158.

Макаренко Б.И., ред. (2017) *Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия*. М.: Альпина Паблишер.

Маркин К.В. (2018) «Между верой и неверием: непрaktикующие православные в контексте российской социологии религии» // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 2 (144): 274—290. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2018/144/2018_144_16_Markin.pdf (проверено 22.10.2022).

Мельвиль А.Ю. (2017) «Неоконсервативный консенсус в России? (Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии)» // *Полития*, № 1 (84): 29—45. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2017_01_02.pdf (проверено 22.10.2022).

Мчедлова М.М. и Е.Н.Кофанова. (2020) «Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, т. 22, № 1: 7—21.

Мчедлова М.М., Е.Н.Кофанова и А.Г.Шевченко. (2020) «Православие и лояльность: от социальной напряженности к выбору между властью и церковью» // *Россия реформирующаяся: Ежегодник*. Вып. 18. М.: Институт социологии РАН: 264—298. URL: https://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2020/Mchedlova_final.pdf (проверено 22.10.2022).

Общественное мнение — 2019: Ежегодник. (2019) М.: Левада-Центр*.

Общественное мнение — 2021: Ежегодник. (2022) М.: Левада-Центр*.

Пруцкова Е.В. и К.В.Маркин. (2017) «Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя рели-

гиозности» // *Социологические исследования*, № 8: 95—105. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2017/2017_8/Prutskova.pdf (проверено 22.10.2022).

Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе: Доклад Исследовательского центра «Пью». (2017) URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (проверено 22.10.2022).

Ситников А.В. (2007) «Влияние православия на политические предпочтения граждан России» // *Социология власти*, № 3: 126—135.

Ситников А.В. (2011) «Религия в демократическом обществе: как влияет воцерковленность на политическую культуру?» // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*, № 20: 19—28. URL: <http://vestnik1.pstgu.ru/ru/pdf/article/1478> (проверено 22.10.2022).

Туровский Р.Ф. (2018) «Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации» // *Полития*, № 2 (89): 23—50. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2\(89\)-23-50.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2(89)-23-50.pdf) (проверено 22.10.2022).

Туровский Р.Ф. и Ю.О.Гайворонский. (2017) «Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли „контракт“ власти и общества?» // *Полития*, № 3 (86): 42—61. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3\(86\)-42-61.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3(86)-42-61.pdf) (проверено 22.10.2022).

Ухватова М.В. (2017) «Религия и электоральное поведение в России: региональный аспект» // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, № 4: 26—48. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/213953178.pdf> (проверено 22.10.2022).

Ухватова М.В. (2018) «Напутствия охранителей (Религиозная риторика на инаугурациях российских губернаторов)» // *Полития*, № 2 (89): 84—101. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2\(89\)-84-101.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2(89)-84-101.pdf) (проверено 22.10.2022).

Чеснокова В.Ф. (2005) *Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века*. М.: Академический проект.

Щербак А.Н. и М.В.Ухватова. (2018) «От „красного пояса“ — к „библейскому“: исторические предпосылки сдвигов в политической географии России» // *Общественные науки и современность*, т. 6, № 6: 98—113. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/239241480.pdf> (проверено 22.10.2022).

Barker D.C., J.Hurwitz, and T.L.Nelson. (2008). «Of Crusades and Culture Wars: „Messianic“ Militarism and Political Conflict in the United States» // *Journal of Politics*, vol. 70, no. 2: 307—322.

Byzov L. (2018) «Conservative Trends in Contemporary Russian Society: Origins, Content, and Prospects» // *Russian Social Science Review*, vol. 59, no. 1: 39—58.

Driskell R., E.Embry, and L.Lyon. (2008) «Faith and Politics: The Influence of Religious Beliefs on Political Participation» // *Social Science Quarterly*, vol. 89, no. 2: 294—314.

Fiorina M.P. (1978) «Economic Retrospective Voting in American National Elections: A Micro-Analysis» // *American Journal of Political Science*, vol. 22, no. 2: 426—443.

Frye T. and A.Yakovlev. (2016) «Elections and Property Rights: A Natural Experiment from Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 49, no. 4: 499—528.

Glock Ch.Y. and R.Stark. (1966) *Christian Beliefs and Anti-Semitism*. New York: Harper and Row.

Guth J.L., T.G.Jelen, L.A.Kellstedt, C.E.Smidt, and K.D.Wald. (1988) «The Politics of Religion in America: Issues for Investigation» // *American Politics Quarterly*, vol. 16, no. 3: 357—397.

Hale H.E. and T.J.Colton. (2017) «Who Defects? Unpacking a Defection Cascade from Russia's Dominant Party 2008—12» // *American Political Science Review*, vol. 111, no. 2: 322—337.

Hirschman A.O. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Holman M.R. and K.Shockley. (2017) «Messages from Above: Conflict and Convergence of Messages to the Catholic Voter from the Catholic Church Hierarchy» // *Politics and Religion*, vol. 10, no. 4: 840—861.

Leege D.C. and L.A.Kellstedt. (2016) *Rediscovering the Religious Factor in American Politics*. New York: Routledge.

Marsh Ch. (2005) «Orthodox Christianity, Civil Society, and Russian Democracy» // *Demokratizatsiya*, vol. 13, no. 3: 449—462.

Niemi R.G., C.C.Stephen, and F.Mattei. (1991) «Measuring Internal Political Efficacy in the 1988 National Election Study» // *The American Political Science Review*, vol. 85, no. 4: 1407—1413.

Østbø J. (2017) «Securitizing „Spiritual-Moral Values“ in Russia» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 3: 200—216.

Peterson S.A. (1992) «Church Participation and Political Participation: The Spillover Effect» // *American Politics Quarterly*, vol. 20, no. 1: 123—139.

Smith A.E. (2017) «Democratic Talk in Church: Religion and Political Socialization in the Context of Urban Inequality» // *World Development*, vol. 99(C): 441—451.

Stark R. (2001) «Gods, Rituals, and the Moral Order» // *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 40, no. 4: 619—636.

Wielhouwer P.W. (2009) «Religion and American Political Participation» // Smidt C., L.Kellstedt, and J.L.Guth, eds. *The Oxford Handbook of Religion and American Politics*. New York: Oxford University Press.

* Включен министерством юстиции РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Yu.V.Karpich

ORTHODOXY AND CONSERVATISM: POLITICAL ATTITUDES OF RELIGIOUS RUSSIANS

Yulia V. Karpich — Research Intern at the Laboratory “Russia’s Regions in Historical Perspective”, HSE University. Email: ykarpich@hse.ru.

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of religiosity on the individual political choice of Orthodox Russians. Based on the analysis of in-depth interviews with believers who actively attend religious services, the author identifies a relationship between certain aspects of religiosity (beliefs, religious practices) and conservative attitudes of parishioners. The author reveals the logic of a conservative choice and shows how conservative attitudes associated with shifts in values are combined with conservative attitudes based on religion.

The results of the study allow the author to document three types of political positioning arising from a conservative worldview. In the case of loyalty to the current government the conservative logic manifests itself in the desire to maintain stability and avoid political changes. Opposition voting takes the form of a moral protest when voters want to punish the authorities for the actions that are inconsistent with their moral ideals. Non-participation in elections is conservative in the sense that believers avoid politics, which seems to them immoral and corrupt.

Employing the qualitative methodology and analyzing individual-level data, the author comes to the conclusion that believers make their decisions about voting largely on the basis of their political attitudes. Religious voters evaluate politicians’ actions and assess the potential ability to influence the political situation. The impact of practices is limited to political participation. The conservative logic of voting is closely related to secular attitudes; religious beliefs and practices of church cooperation can only adjust the choice that was already made.

Keywords: religiosity, conservatism, Orthodoxy, political attitudes, traditional values

References

Barker D.C., J.Hurwitz, and T.L.Nelson. (2008). “Of Crusades and Culture Wars: „Messianic“ Militarism and Political Conflict in the United States” // *Journal of Politics*, vol. 70, no. 2: 307–322.

Bogachev M.I. (2016) “Votserkovlennost’ i politicheskie predpochtenija pravoslavnykh verujushchikh: kolichestvennyj analiz” [The Church Attendance and Political Preferences of Orthodox Believers: Quantitative Analysis] // *Religiovedcheskie issledovanija* [Researches in Religious Studies], no. 13: 8–76. (In Russ.)

Bogachev M.I. and K.V.Sorvin. (2020) “Politika v Tserkvi: za kogo agitirujut pravoslavnye svjashchenniki?” [Politics in the Church: For Whom Do Orthodox Priests Call to Vote?] // *Gosudarstvo, religija, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], vol. 38, no. 3: 331–361. (In Russ.)

Byzov L. (2018) “Conservative Trends in Contemporary Russian Society: Origins, Content, and Prospects” // *Russian Social Science Review*, vol. 59, no. 1: 39–58.

Chesnokova V.F. (2005) *Tesnym putem: Protsess votserkovlenija naselenija Rossii v kontse 20 veka* [Close by: Churching Process of Russia’s Population at the End of the 20th Century]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)

Driskell R., E.Embry, and L.Lyon. (2008) “Faith and Politics: The Influence of Religious Beliefs on Political Participation” // *Social Science Quarterly*, vol. 89, no. 2: 294–314.

Fiorina M.P. (1978) “Economic Retrospective Voting in American National Elections: A Micro-Analysis” // *American Journal of Political Science*, vol. 22, no. 2: 426–443.

Frye T. and A.Yakovlev. (2016) “Elections and Property Rights: A Natural Experiment from Russia” // *Comparative Political Studies*, vol. 49, no. 4: 499–528.

Glock Ch.Y. and R.Stark. (1966) *Christian Beliefs and Anti-Semitism*. New York: Harper and Row.

Guth J.L., T.G.Jelen, L.A.Kellstedt, C.E.Smidt, and K.D.Wald. (1988) “The Politics of Religion in America: Issues for Investigation” // *American Politics Quarterly*, vol. 16, no. 3: 357–397.

Hale H.E. and T.J.Colton. (2017) “Who Defects? Unpacking a Defection Cascade from Russia’s Dominant Party 2008–12” // *American Political Science Review*, vol. 111, no. 2: 322–337.

Hirschman A.O. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Holman M.R. and K.Shockley. (2017) “Messages from Above: Conflict and Convergence of Messages to the Catholic Voter from the Catholic Church Hierarchy” // *Politics and Religion*, vol. 10, no. 4: 840–861.

Kaariainen K. and D.E.Furman. (2007) “Religioznost’ v Rossii na rubezhe 20–21 stoletij (Okonchanie)” [Religiosity in Russia at the Turn of the 20th – 21st Centuries] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Contemporary World], no. 2: 78–95. (In Russ.)

Kulkova A.Yu. (2015) *Religioznost’ i politicheskoe uchastie: rol’ politiki v rossijskikh religioznykh obshchinakh* [Religiosity and Political Par-

ticipation: the Role of Politics in Russian Religious Communities]. Preprint WP14/2015/02. URL: https://www.hse.ru/data/2015/06/01/1097831116/WP14_2015_02_fff.pdf (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Leege D.C. and L.A.Kellstedt. (2016) *Rediscovering the Religious Factor in American Politics*. New York: Routledge.

Lokosov V.V. and Yu.Yu.Sinolina. (2008) “Vzaimosvjaz’ religioznykh i politicheskikh orientatsij pravoslavnykh rossijan” [Interrelation of Religious and Political Orientations of Orthodox Russians] // Mchedlov M.P., ed. *Religija v samosoznanii naroda: Religioznyj faktor v identifikatsionnykh protsessakh* [Religion in the Self-consciousness of the People: Religious Factor in Identification Processes]. Moscow: Institut Sotsiologii RAN: 135—158. (In Russ.)

Makarenko B.I., ed. (2017) *Konservatizm i razvitie: Osnovy obshchestvennoy soglasija* [Conservatism and Development: The Foundations of Social Harmony]. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Markin K.V. (2018) “Mezhdu veroj i neveriem: nepraktikujushchie pravoslavnye v kontekste rossijskoj sotsiologii religii” [Between Belief and Unbelief: Non-practicing Orthodox Christians in the Context of the Russian Sociology of Religion] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], no. 2 (144): 274—290. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2018/144/2018_144_16_Markin.pdf (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Marsh Ch. (2005) “Orthodox Christianity, Civil Society, and Russian Democracy” // *Demokratizatsiya*, vol. 13, no. 3: 449—462.

Mchedlova M.M. and E.N.Kofanova. (2020) “Rossija v ozhidanii peremennosty: religioznyj faktor i sotsial’no-politicheskie predpochtenija” [Russia in Anticipation of Changes: Religious Factor and Socio-Political Preferences] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija* [RUDN Journal of Political Science], vol. 22, no. 1: 7—21. (In Russ.)

Mchedlova M.M., E.N.Kofanova, and A.G.Shevchenko. (2020) “Pravoslavlje i lojal’nost’: ot sotsial’noj naprjazhennosti k vyboru mezhdu vlast’ju i tserkov’ju” [Orthodoxy and Loyalty: from Social Tension to the Choice Between the Government and the Church] // *Rossija reformirujushchajasja: Ezhegodnik* [Russia in Reform: Yearbook]. Issue 18. Moscow: Institut sotsiologii RAN: 264—298. URL: https://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2020/Mchedlova_final.pdf (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Melville A.Yu. (2017) “Neokonservativnyj konsensus v Rossii? (Osnovnye komponenty, faktory ustojchivosti, potentsial erozii)” [Neoconservative Consensus in Russia? (Main Components, Factors of Stability, Potential for Erosion)] // *Politeia*, no. 1 (84): 29—45. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2017_01_02.pdf (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Niemi R.G., C.C.Stephen, and F.Mattei. (1991) “Measuring Internal Political Efficacy in the 1988 National Election Study” // *The American Political Science Review*, vol. 85, no. 4: 1407—1413.

Obshchestvennoe mnenie — 2019: Ezhegodnik [Public Opinion — 2019: Yearbook]. (2019) Moscow: Levada-Tsentr. (In Russ.)

Obshchestvennoe mnenie — 2021: Ezhegodnik [Public Opinion — 2021: Yearbook]. (2022) Moscow: Levada-Tsentr. (In Russ.)

Østbø J. (2017) “Securitizing „Spiritual-Moral Values“ in Russia” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 3: 200—216.

Peterson S.A. (1992) “Church Participation and Political Participation: The Spillover Effect” // *American Politics Quarterly*, vol. 20, no. 1: 123—139.

Prutskova E.V. and K.V.Markin. (2017) “Tipologija pravoslavnykh rossijan: problema konstruirovaniya obobshchennogo pokazatelya religioznosti” [Typology of Orthodox Russians: The Problem of Constructing a Generalized Religiosity Indicator] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 8: 95—105. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2017/2017_8/Prutskova.pdf (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Religija i natsional'naja prinalozhnost' v Tsentral'noj i Vostochnoj Evrope: Doklad Issledovatel'skogo tsentra "P'ju" [Religious Affiliation in Central and Eastern Europe: Pew Research Center Report]. (2017) URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Shcherbak A.N. and M.V.Ukhvatova. (2018) «Ot „krasnogo pojasa“ — k „biblejskomu“: istoricheskie predposylki sdvigo v politicheskoy geografii Rossii” [From “the Red Belt” to “the Bible Belt”: Historical Roots of the Shift in Russian Political Geography] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], vol. 6, no. 6: 98—113. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/239241480.pdf> (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Sitnikov A.V. (2007) “Vlijanie pravoslaviya na politicheskie predpochtenija grazhdan Rossii” [Influence of Orthodoxy on the Political Preferences of the Citizens of Russia] // *Sotsiologija vlasti* [Sociology of Power], no. 3: 129—135. (In Russ.)

Sitnikov A.V. (2011) “Religija v demokraticeskom obshchestve: kak vlijaet votserkovlennost' na politicheskiju kul'turu?” [Religion in Democratic Society: What Is the Impact of Attachment to the Church on Political Culture?] // *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 4: Pedagogika. Psikhologija* [St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology], no. 20: 19—28. URL: <http://vestnik1.ptsgu.ru/ru/pdf/article/1478> (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Smith A.E. (2017) “Democratic Talk in Church: Religion and Political Socialization in the Context of Urban Inequality” // *World Development*, vol. 99(C): 441—451.

Stark R. (2001) “Gods, Rituals, and the Moral Order” // *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 40, no. 4: 619—636.

Turovsky R.F. (2018) “Prezidentskie vybory v Rossii: vozmozhnosti i predely elektoral'noj konsolidatsii” [Presidential Elections in Russia: Opportunities and Limits of Electoral Consolidation] // *Politeia*, no. 2 (89): 23—50. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2\(89\)-23-50.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2(89)-23-50.pdf) (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Turovsky R.F. and Yu.O.Gaivoronsky. (2017) “Vlijanie ekonomiki na elektoral’noe povedenie v Rossii: rabotaet li „kontrakt“ vlasti i obshchestva?” [Economic Influence on Electoral Behavior in Russia: Is “Contract” between Power and Society Working?] // *Politeia*, no. 3 (86): 42–61. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3\(86\)-42-61.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3(86)-42-61.pdf) (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Uhvatova M.V. (2017) “Religija i elektoral’noe povedenie v Rossii: regional’nyj aspekt” [Religion and Electoral Behavior in Russia: Regional Dimension] // *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], no. 4: 26–48. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/213953178.pdf> (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Ukhvatova M.V. (2018) “Napunstvija okhranitelej (Religioznaja ritorika na inauguratsijakh rossijskikh gubernatorov)” [Blessing of the Guardians (Religious Rhetoric at Inauguration of Governors in Russia)] // *Politeia*, № 2 (89): 84–101. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2\(89\)-84-101.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2(89)-84-101.pdf) (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

“Vera v sverkh”estestvennoe” [Faith in the Supernatural]. (2020) // *Levada-Tsentr* [Levada Center], 28.10. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/> (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Wielhouwer P.W. (2009) “Religion and American Political Participation” // Smidt C., L.Kellstedt, and J.L.Guth, eds. *The Oxford Handbook of Religion and American Politics*. New York: Oxford University Press.

А.И.Жданов, К.В.Косолапов
ПОЛЯРИЗАЦИЯ
АМЕРИКАНСКИХ ЭЛИТ
На основе анализа
ПРОГРАММНЫХ ЗАЯВЛЕНИЙ КАНДИДАТОВ
ВО ВРЕМЯ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ
2020 г.

Андрей Игоревич Жданов — стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова. Для связи с автором: aizhdanov@edu.hse.ru.

Кирилл Вадимович Косолапов — приглашенный преподаватель департамента больших данных и информационного поиска факультета компьютерных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: kirill@data4.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию политической поляризации в США сквозь призму влияния на этот процесс различных групп американских элит. Используя в качестве эмпирической базы предвыборные послания Дж.Байдена, Д.Трампа и Б.Сандерса, распространявшиеся их избирательными штабами в ходе президентской кампании 2020 г., и задействовав методы сетевого и LDA-анализа, авторы пытаются определить, в какой мере лидеры демократов и республиканцев склонны к использованию поляризующих общество инструментов и различается ли характер воздействия этих партий на американский социум.

Зафиксировав наличие в США всех типов политической поляризации, авторы показывают, что значимый вклад в ее развитие вносят как республиканцы, так и демократы, с одной стороны, подогревающие эмоциональную напряженность в обществе, с другой, отказывающиеся в легитимности установкам своих оппонентов. Проведенный ими анализ наглядно демонстрирует, что аффективной и позиционной поляризации примерно в равной степени подвержены все группы американских политических элит, независимо от партийной принадлежности, включая тех, чью политическую деятельность

принято оценивать как деполяризующую. Все это опровергает распространенное представление, согласно которому вину за поляризацию в стране несет в первую очередь Республиканская партия, эксплуатирующая в узкополитических целях дихотомию «мы — они», свидетельствуя о том, что за развертывающимися в последние годы в США, как и в других старых демократиях, кризисными процессами стоит нечто большее, нежели взлет правого популизма или возросшая популярность нативистских движений.

Ключевые слова: США, политическая поляризация, политические элиты, сетевой анализ, LDA-анализ

Введение

На протяжении последних десятилетий в США наблюдается все более отчетливая тенденция к поляризации как элит, так и общества в целом. Исследователи фиксируют углубление идеологических расхождений между демократами и республиканцами по важнейшим социально-экономическим, политическим и культурным вопросам, растущую приверженность американцев конкретной политической партии при одновременном снижении доли независимых избирателей и эмоциональным отчуждением от политических оппонентов, а также разрушение межэлитного сотрудничества¹. По некоторым оценкам, политическая поляризация в стране уже достигла уровня, не имеющего аналогов со времен Второй мировой войны².

Большинство авторов, изучающих феномен поляризации в Соединенных Штатах, связывают его со взлетом правого популизма, характерным не только для США, но и для многих других стран мира, отмечая определенную асимметрию в поведении представителей Республиканской и Демократической партий. По их мнению, раскалывают американское общество главным образом республиканцы, эксплуатирующие в узкополитических целях дихотомию «мы — они», тогда как демократы, придерживающиеся менее поляризующей стратегии политической репрезентации, либо вообще не причастны к распространению центробежных тенденций в США, либо вносят в него лишь незначительный вклад³. Вместе с тем существует целый ряд исследований, демонстрирующих, что и демократы, и республиканцы все сильнее отдаляются от политического центра и примерно одинаково враждебно относятся к тем, кто придерживается противоположных политических взглядов⁴.

Подобное противоречие между теоретическими постулатами и политической реальностью актуализирует вопрос о том, действительно ли Демократическая и Республиканская партии оказывают асимметричное влияние на поляризацию американского общества. В поисках ответа на него в настоящей статье мы проанализируем, в какой мере лидеры демократов и республиканцев склонны к использованию поляризующих общество инструментов, и попытаемся определить, различается ли характер воздействия этих партий на американский социум.

¹ Neal 2020.

² Hirschl et al. 2012.

³ Fisher, Waggle, and Leifeld 2013: 72; Dunlap, McCright, and Yarosh 2016; Diermeier and Li 2019: 278; Liu 2020; Kerr, Panagopoulos, and Van der Linden 2021; Park et al. 2021: 2.

⁴ Webster 2017: 27; Neal 2020.

**Концептуальный
анализ феномена
политической
поляризации**

⁵ *Laakso and Taagepera 1979.*

⁶ *Yarchi, Baden, and Kligler-Vilenchik 2021.*

⁷ *Simas and Ozer 2021.*

⁸ *Heltzel and Laurin 2020.*

⁹ *Casola et al. 2022.*

¹⁰ *Hetherington 2001.*

¹¹ *Sakamoto and Takikawa 2017.*

¹² *Thornton 2013.*

¹³ *Törnberg et al. 2021.*

¹⁴ *Heltzel and Laurin 2020.*

За последние полвека исследование феномена политической поляризации проделало заметную эволюцию — от изучения партийной фракционализации в парламентах⁵ до анализа политико-идеологических «эхо-камер», возникающих в интернет-среде под влиянием социальных медиа⁶. В данной работе мы, однако, сосредоточимся на традиционном понимании поляризации, касающемся прежде всего поведения политических элит.

Существует несколько подходов к политической поляризации. В соответствии с одним из них уровень политической поляризации определяется степенью идеологического отчуждения кандидатов от оппонентов, собственной партии и потенциальных избирателей⁷. Иными словами, политическая поляризация — это удаленность идеологических позиций кандидатов от позиций соперников из противоположного лагеря и большинства избирателей. В случае двухпартийной системы этот подход предполагает возможность трех качественных состояний: (1) полной поляризации, когда оба кандидата придерживаются крайних позиций в рамках своих партий; (2) частичной поляризации, когда один кандидат разделяет установки умеренного крыла своей партии, приближаясь к позиции большинства избирателей, а другой стоит на крайних позициях; (3) деполяризации, когда оба кандидата занимают умеренные позиции внутри своих партий.

Согласно другому подходу, поляризация есть резкое повышение доли разнородных мнений по политическим или идеологическим вопросам в совокупности мнений, распространенных среди населения⁸. Поляризация возникает тогда, когда количество (и разнородность) мнений по какому-то общественно значимому вопросу превышает некий предел, что делает невозможным достижение компромисса между политическими силами, чьи позиции не совпадают. Наглядным примером поляризации этого типа может служить ситуация во время пандемии COVID-19, когда под влиянием вала подпитываемой политиками и СМИ противоречивой информации (и дезинформации) о происхождении вируса, профилактике и методах лечения возникла заметная разница в восприятии пандемии и ее последствий среди либералов и консерваторов⁹.

В некоторых исследованиях политическая поляризация трактуется как идеологическая дистанция, в первую очередь между представителями политического класса¹⁰, которая измеряется через несовпадение позиций политических лидеров и групп по наиболее значимым вопросам¹¹. Помимо этого, политическую поляризацию рассматривают как следствие растущего влияния партий и политических пристрастий на поведение индивидов¹², ускоряющийся процесс расхождения политических предпочтений¹³, сведение идеологического многообразия политической среды к глубоко идеологизированным негативистским коннотациям и т.д.¹⁴

И все же «классическим» можно считать широкое понимание поляризации как феномена, характеризующего существование (или про-

цесс формирования) четко отделенных друг от друга групп, различающихся по одному или нескольким параметрам. Политическая поляризация указывает на дифференциацию по идеологическим признакам, которая в Соединенных Штатах часто связана с партийной принадлежностью и поэтому нередко обозначается термином «partisanship»¹⁵.

¹⁵ Neal 2020.

В рамках указанного подхода принято выделять три вида политической поляризации — интерактивную, позиционную и аффективную.

Интерактивная поляризация проявляется в склонности индивидов к политической гомофилии, то есть к установлению долгосрочных контактов с идеологически и культурно близкими людьми. Эта склонность отражается не только на политических (таких, как консолидация однопартийцев), но и на социальных и личных отношениях, включая дружеские и романтические. Очевидно, однако, что анализ данного вида поляризации мало что может дать при изучении поведения политических элит, ведь конкуренция в рамках избирательного процесса всегда игра с нулевой суммой, заведомо исключающая политическую гетерофилию. Гораздо более продуктивным в этом плане представляется обращение к поляризации позиционной и аффективной.

Позиционная поляризация определяется расхождениями во взглядах политических акторов (элит или социальных групп) на какие-либо общественно важные проблемы, а аффективная — эмоциональной враждебностью к представителям противоположного политического лагеря¹⁶. Иными словами, если первая базируется на приверженности индивидов тем или иным идеологическим конструкциям, то в основе второй лежит эмоциональная привязанность к «своей» группе (политической силе, движению, партии)¹⁷. Одно из важнейших различий между этими двумя видами поляризации заключается в том, что позиционная поляризация, в противовес аффективной, может быть вполне рациональной (например, поляризация по вопросу о расширении социальных программ, предполагающем повышение налогов на бизнес). Ее истоки, помимо прочего, суть следствие рационального выбора, а потому дифференциация индивидов и концентрация их вокруг политических движений крайнего толка может происходить в отрыве от эмоциональных оценок происходящего на политической сцене.

¹⁶ Yarchi, Baden, and Kligler-Vilenchik 2021.

¹⁷ Renström, Bäck, and Carroll 2021.

В настоящем исследовании мы будем исходить из широкого понимания политической поляризации, рассматривая ее как комплексный феномен, включающий серьезные и углубляющиеся разногласия среди элит и политически активного населения по поводу оптимальных (или хотя бы приемлемых) стратегий решения важнейших общественно-политических проблем, растущую популярность крайних политических позиций, консолидацию вокруг отделенных друг от друга политических структур, а также эмоциональную и оценочную предвзятость в отношении оппонентов. При этом по приведенным выше соображениям мы оставим за скобками интерактивную поляризацию, сосредоточив внимание на поляризации аффективной и позиционной.

**Аффективная
политическая
поляризация
на президентских
выборах 2020 г.
в США**

В отличие от позиционной поляризации, во многом имеющей когнитивные корни, аффективная поляризация тесно связана с социальной идентичностью.

Напомним, что социальная идентичность — это часть индивидуального самовосприятия, проистекающая из осознания человеком своей принадлежности к некоей широкой группе, членство в которой наделяется эмоциональной и оценочной ценностью. В зависимости от обстоятельств эмоциональная привязанность к «своей» группе может сопровождаться предубеждением по отношению к другим. Возникающий в результате «разрыв аффектов» и порождает аффективную поляризацию. В американском контексте аффективная политическая поляризация проявляется как «склонность людей, идентифицирующих себя с республиканцами или демократами, отрицательно относиться к представителям чужой партии и положительно — к однопартийцам»¹⁸. Рост аффективной поляризации негативно сказывается на стабильности демократического режима, поскольку подверженные ей группы начинают рассматривать своих противников как неспособных к компромиссу или недостойных его, что ведет к обострению межпартийной враждебности, предвзятости, дискриминации и повышению терпимости к политическому насилию¹⁹.

Существенным фактором аффективной поляризации выступают угрозы (реальные или мнимые), исходящие от других групп, которые усиливают импульсивные эмоции (привязанность к своей группе и отторжение иных) и межгрупповое дистанцирование. В связи с этим при измерении аффективной политической поляризации особого внимания заслуживает агрессивная риторика, используемая представителями тех или иных политических сил в отношении своих оппонентов²⁰.

В результате роста аффективной поляризации политические партии начинают рассматриваться не как обезличенные политические игроки, а как дружественные и недружественные группы, борющиеся за доминирование в рамках игры с нулевой суммой²¹. К важным составляющим аффективной поляризации относится также радикализм избирателей и элит. Соответственно, чем радикальнее взаимное эмоциональное и оценочное неприятие со стороны политических акторов, тем выше аффективная поляризация²².

Одним из действенных инструментов изучения аффективной поляризации является сравнительный анализ программных заявлений политических деятелей²³. В настоящем исследовании в качестве эмпирического материала были использованы предвыборные сообщения двух основных кандидатов на президентских выборах 2020 г. в США — Джозефа Байдена и Дональда Трампа, — а также главного конкурента Байдена внутри Демократической партии Берни Сандерса, распространенные посредством email-рассылки их избирательными штабами²⁴. Всего в нашей базе оказалось 901 сообщение — 327 от Байдена, 481 от Трампа и 93 от Сандерса.

¹⁸ *Iyengar and Westwood 2015.*

¹⁹ *Harteveld 2021.*

²⁰ *Renström, Bäck, and Carroll 2021.*

²¹ *Park et al. 2021:*
2.

²² *Guedes-Neto 2022.*

²³ *Yarchi, Baden, and Kligler-Vilenchik 2021:* 98.

²⁴ *Описание и анализ данных см. https://github.com/AndrewZhdanov/Article-code-LDA_analyses.*

²⁵ *Maoz and Somer-Topcu 2010; Fisher, Waggle, and Leifeld 2013; Liu, Andris, and Desmarais 2019; Neal 2020.*

При оценке уровня аффективной поляризации был задействован метод сетевого анализа (Social Network Analysis — SNA), хорошо зарекомендовавший себя в подобного рода исследованиях²⁵. В рамках сетевого анализа была построена двумодальная сеть, включающая в себя перечни предвыборных сообщений кандидатов и отраженных в каждом из сообщений тем, а затем на ее основе — одномодальная сеть, состоящая только из предвыборных сообщений, связи между которыми устанавливались в случае, если в них содержалась одна и та же тема. Каждое сообщение кодировалось следующим образом:

- 1 (нейтральное) — если в сообщении отсутствовала как критика оппонента (призванная возбудить отрицательные эмоции), так и самовосхваление автора сообщения (нацеленное на пробуждение положительных эмоций), то есть если сообщение было написано в нейтральном ключе и касалось исключительно политической платформы кандидата и иных вопросов, лишенных эмоциональной окраски;
- 2 (среднеаффективное) — если в сообщении присутствовала критика оппонента или самовосхваление автора сообщения;
- 3 (высокоаффективное) — если сообщение содержало и критику оппонента, и самовосхваление автора сообщения (именно сообщения этого типа больше всего способствуют возникновению «партийного аффекта»).

Кроме того, каждый тип сообщения — нейтральное, среднеаффективное, высокоаффективное — кодировался как бинарная категория.

Подверженность кандидатов аффективной поляризации оценивалась с помощью экспоненциальной модели случайных графов (Exponential Random Graph Model — ERGM). Модель строилась применительно к одномодальной сети сообщений, где в качестве независимых переменных выступали степень аффективности сообщения (принимающая значения от 1 до 3) и тип сообщения, выраженный в виде бинарной переменной²⁶.

²⁶ *Admiraal and Handcock 2008.*

Содержательный смысл ERGM в данном случае заключается в следующем. Если некая тема отражена в нескольких сообщениях, между этими сообщениями устанавливается большее число связей, которое определяется (для каждого сообщения) количеством тем, затронутых в данном сообщении. Тем самым, зафиксировав, что в своих сообщениях кандидат добавляет к темам предвыборной кампании эмоционально окрашенные заявления, мы можем говорить о склонности этого кандидата к политическому аффекту.

Проведенные нами расчеты (см. *табл. 1а, 1б*) указывают на то, что аффективная поляризация присуща всем кандидатам, вне зависимости от партийной принадлежности: с повышением степени эмоциональной окрашенности сообщения увеличивается и вероятность расширения числа связей, то есть того, что обсуждение любой полити-

Таблица 1а Связи между темами в сообщениях (все кандидаты, Байден)

	Все кан- дидаты	Все кан- дидаты	Все кан- дидаты	Все кан- дидаты	Байден	Байден	Байден	Байден
Интерсерт	-0,43*** (0,02)	0,21*** (0,007)	0,12*** (0,01)	0,06*** (0,007)	-0,43*** (0,02)	0,14*** (0,006)	0,25*** (0,01)	0,06*** (0,007)
Степень аффективности со- общения	0,14*** (0,006)				0,14*** (0,006)			
Нейтральное		-0,17*** (0,009)				-0,04*** (0,01)		
Среднеаффективное			0,01 (0,008)				-0,09*** (0,008)	
Высокоаффективное				0,19*** (0,01)				0,16*** (0,01)
AIC	157691	157882	158192	157872	157691	158180	158075	6028
BIC	157710	157901	158212	157891	157710	158199	158094	6054

*p<0,05; **p<0,01; ***p<0,001; в скобках приведены стандартные ошибки

Таблица 16 Связи между темами в сообщениях (Трамп, Сандерс)

	Трамп	Трамп	Трамп	Трамп	Трамп	Трамп	Сандерс	Сандерс	Сандерс
Intercept	-2,49*** (0,02)	0,96*** (0,01)	-0,22*** (0,009)	-0,12*** (0,006)	-0,19*** (0,02)	0,23*** (0,01)	0,02* (0,01)		
Степень аффективности сообщения	0,79*** (0,007)				0,1*** (0,008)				
Нейтральное сообщение		-0,91*** (0,009)						-0,1*** (0,008)	
Среднеаффективное			0,42*** (0,008)						0,1*** (0,008)
Высокоаффективное				1,2*** (0,01)					
AIC	144423	147464	155781	151065	158032	158032	158032	158032	158032
BIC	144442	147484	155800	151084	158052	158052	158052	158052	158052

*p<0,05; **p<0,01; ***p<0,001; в скобках приведены стандартные ошибки

ческой проблемы будет сведено к персональным выпадам против оппонента и/или апологии самого себя. При этом у Байдена склонность к аффективной поляризации несколько ниже, чем у Трампа (его среднеаффективные сообщения снижают вероятность установления связей между вершинами сети, тогда как для Трампа характерно использование и средне-, и высокоаффективных сообщений). Однако тот факт, что и среди его сообщений слабее всего представлены нейтральные, заметно уступающие по численности высокоаффективным, опровергает представление о том, что за поляризацию американского общества несут ответственность исключительно (или преимущественно) республиканцы.

Позиционная политическая поляризация на президентских выборах 2020 г. в США

²⁷ *Hernández, Anduiza, and Rico 2021: 3.*

²⁸ *Banda and Cluverius 2018: 91.*

²⁹ *Harteveld 2021.*

³⁰ *Fisher, Waggle, and Leifeld 2013.*

³¹ *Maoz and Somer-Topcu 2010.*

Позиционную поляризацию часто связывают с партийностью, однако она может выражаться не только в приверженности противостоящим политическим движениям, но и в идеологическом притяжении к крайним позициям в том числе внутри «мейнстримных» партий²⁷.

Как уже отмечалось, позиционная поляризация заключается не в чувстве враждебности к политическим оппонентам, а в явном несопадении взглядов разных политических сил, а также поддерживающих их индивидов на содержание и пути решения важнейших общественных проблем²⁸. Соответственно, наименее поляризованной является та политическая среда, где существенное место занимают центристские (или «сложные») установки и идеологии, которые нельзя однозначно отнести к «правым» или «левым», либеральным или консервативным. Ключевое значение в данном случае имеет присутствие «сквозных» политических сил, строящих свою политическую платформу на сочетании нескольких идеологических конструкций. Иными словами, необходимы «пересекающиеся» политические позиции, находящие отражение в программах и заявлениях, признающих обоснованность требований и запросов политических оппонентов²⁹. Применительно к американской политике это означает ситуацию, когда значительное число республиканцев согласно, например, с необходимостью борьбы с климатическими изменениями, а заметная часть демократов одобряет ужесточение иммиграционного контроля на границе³⁰.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что степень приверженности той или иной политической силы позиционной поляризации определяется долей в ее программных установках подобного рода «пересекающихся» (то есть характерных и для нее, и для ее оппонентов) идеологических позиций³¹. Чем выше эта доля, тем меньше данная политическая сила склонна к позиционной поляризации.

Чтобы выяснить, как в этом плане обстояло дело на президентских выборах 2020 г. в США, мы подвергли совокупность предвыборных сообщений Байдена, Трампа и Сандерса дополнительному анализу. Прежде всего на основе качественного анализа текстов поднимавшиеся в них темы были разбиты на пять групп:

- 1) однопартийные темы (темы, затронутые только одним из трех политиков);
- 2) двухпартийные темы (темы, затронутые Трампом и Байденом);
- 3) строго двухпартийные темы (темы, затронутые Трампом, Байденом и Сандерсом);
- 4) темы демократов (темы, затронутые Байденом и Сандерсом);
- 5) популистские темы (темы, затронутые Трампом и Сандерсом).

Полный список тем с разбивкой их на группы приведен в *Приложении 1*.

Простой подсчет показывает, что из пяти наиболее часто затрагивавшихся Байденом тем только одна является двухпартийной, то же самое относится и Сандерсу, а у Трампа таких нет вообще. При этом и у Байдена, и у Трампа в топ-5 входит восхваление собственной персоны и критика оппонента.

Одним из наиболее удобных и валидных инструментов измерения политической поляризации является скрытое распределение Дирихле (Latent Dirichlet Allocation — LDA), приобретающее все большую популярность в общественных науках. Тематическая модель, если она правильно задана, способна автоматически извлекать скрытую семантическую структуру рассматриваемого корпуса текстов и выявлять семантические группировки (topics). Опираясь на тематическое моделирование, можно уловить поляризацию, происходящую на более глубоком уровне, чем та, что поддается фиксации путем простого подсчета «партийных» слов³².

В связи с этим при оценке уровня позиционной поляризации наша исследовательская стратегия заключалась в разбиении корпуса предвыборных сообщений по ключевым темам с помощью LDA-модели и последующем определении значимых различий между темами, затрагивавшимися кандидатами от противоборствующих партий.

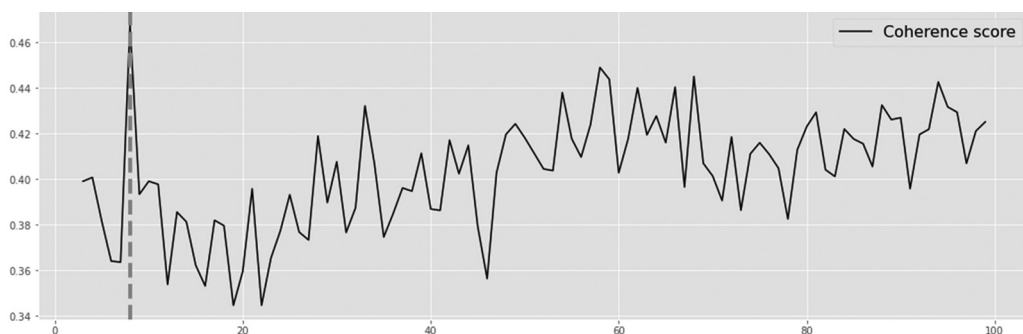
При построении тематических моделей ключевое значение имеет вопрос о количестве включаемых тем. В поисках ответа на него мы построили 95 моделей с числом тем от трех до 98 и сравнили их через оценку степени когерентности (coherence score). В результате наиболее качественной оказалась модель с восемью темами (см. *рис. 1*).

Разбиение корпуса предвыборных сообщений посредством тематического моделирования выявило следующие темы³³:

1. *Критика политического оппонента* (акцентирование достоинств автора сообщения и пагубных последствий победы оппонента).
2. *Продвижение прогрессивных ценностей* (обоснование необходимости воплощения программы Демократической партии, включающей в себя борьбу с трампизмом и прогрессивные реформы).
3. *Битва за Верховный суд* (обсуждение вопроса о замещении должности судьи Верховного суда, освободившейся после смерти Рут Гинзбург в сентябре 2020 г.).

³² Sakamoto and Takikawa 2017: 3104.

³³ Перечень ключевых слов для каждой темы см. Приложение 2.

Рисунок 1 Степень когерентности LDA-модели в зависимости от количества тем

4. *COVID-19* (помимо собственно пандемии, эта тема охватывает сопряженные с ней экономические трудности в виде падения уровня жизни, безработицы и стагнации экономики, а также кризис здравоохранения, постигший США в 2020 г.).
5. *Положение меньшинств* (с выдвиганием на первый план проблем афроамериканского и латиноамериканского сообществ, прежде всего расизма и предвзятости правоохранительных органов).
6. *Популизм* (прямая апелляция к американскому народу и попытка убедить избирателей, что именно автор сообщения является выразителем их запросов, желаний и ожиданий перед лицом Вашингтонского истеблишмента).
7. *Правоохранительная система* (необходимость реформы полицейских служб, судебных органов и пенитенциарных учреждений).
8. *Битва за Сенат* (важность обретения большинства в Сенате для проведения в жизнь отстаиваемого автором сообщения политического курса).

³⁴ Поскольку при причислении сообщения к той или иной теме мы исходили из относительной вероятности соответствия сообщения теме, в результате разбиения корпуса текстов при помощи LDA-модели, обученной на восьми темах, получилось пять тем: темы 5, 7 и 8 оказались неприменимы ни к одному сообщению.

В табл. 2 представлены результаты применения обученной LDA-модели к корпусу предвыборных сообщений (на котором она и была обучена)³⁴. Значение показателя χ^2 свидетельствует о том, что между темами, затрагивавшимися в ходе предвыборной кампании Трампом и Байденом, есть статистически значимая разница. В то же время приведенные в таблице данные позволяют утверждать, что оба кандидата в равной степени подвержены позиционной поляризации и ни один из них не пытается перехватить повестку своего оппонента и сократить идеологическую дистанцию. Так, в сообщениях Байдена доминирует тема 1 (68% случаев), а в сообщениях Трампа — тема 6 (71% случаев).

Таблица 2 Основные темы предвыборных сообщений кандидатов на президентских выборах 2020 г. в США

		Темы						Всего
		1	2	3	4	6		
Байден	Количество	208	8	0	10	77	303	
	Ожидаемое количество	114,0	11,6	1,1	19,4	156,9	303,0	
	%	68,6%	2,6%	0,0%	3,3%	25,4%	100,0%	
Сандерс	Количество	2	18	0	24	42	86	
	Ожидаемое количество	32,3	3,3	0,3	5,5	44,5	86,0	
	%	2,3%	20,9%	0,0%	27,9%	48,8%	100,0%	
Трамп	Количество	95	5	3	18	301	422	
	Ожидаемое количество	158,7	16,1	1,6	27,1	218,5	422,0	
	%	22,5%	1,2%	0,7%	4,3%	71,3%	100,0%	

$\chi^2 = 350$; p-value = 0,000***; *p<0,05; **p<0,01; ***p<0,001

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что для Соединенных Штатов сегодня характерны все типы политической поляризации — и эмоциональная приверженность своей политической группе, и аффективная неприязнь к политическим оппонентам, и идеологическая дистанция между политическими силами. При этом значимый вклад в развитие центробежных тенденций вносят как республиканцы, так и демократы, с одной стороны, подогревающие эмоциональную напряженность в обществе, с другой, отказывающиеся в легитимности программным установкам своих соперников. Такого рода самоускоряющийся процесс наносит существенный вред политической системе США, способствуя деконсолидации демократического режима и создавая риск реверса демократии.

Проведенный нами анализ говорит о том, что объяснение кризисных явлений в США и евроатлантическом мире в целом влиянием крайне правых популистов или возросшей популярностью нативистских движений не в полной мере отражает текущую политическую реальность. Гипотеза об асимметрии вклада разных политических игроков в поляризацию демократических обществ не находит подтверждения, во всяком случае применительно к Соединенным Штатам. Как мы могли убедиться, аффективной и позиционной поляризации там примерно в равной степени подвержены все группы политических элит, независимо от партийной принадлежности, включая тех, чью политическую деятельность принято оценивать как деполяризующую. Такое положение дел указывает на то, что за развертывающимися в последние годы процессами стоит нечто большее, нежели «недоговороспособность» правых популистов или внезапное разочарование граждан в демократии. Отсюда — необходимость поиска структурных причин деконсолидации «старых» демократий, который, на наш взгляд, и должен стать магистральным направлением будущих исследований истоков и путей преодоления кризиса, постигшего демократические режимы в США и Европе.

Библиография

- Admiraal R. and M.S.Handcock. (2008) «Networksis: A Package to Simulate Bipartite Graphs with Fixed Marginals Through Sequential Importance Sampling» // *Journal of Statistical Software*, vol. 24, no. 8: 1—24.
- Banda K. and J.Cluverius. (2018) «Elite Polarization, Party Extremity, and Affective Polarization» // *Electoral Studies*, vol. 56, no. 4: 90—101.
- Casola W. R., J.M.Beall, M.N.Peterson, L.R.Larsen, S.B.Jackson, and K.T.Stevenson. (2022) «Political Polarization of Conservation Issues in the Era of COVID-19: An Examination of Partisan Perspectives and Priorities in the United States» // *Journal for Nature Conservation*, vol. 67, no. 3: 126—176.
- Diermeier D. and Ch.Li. (2019) «Partisan Affect and Elite Polarization» // *American Political Science Review*, vol. 113, no. 1: 277—281.
- Dunlap R.E., A.M.McCright, and J.H.Yarosh. (2016) «The Political Divide on Climate Change: Partisan Polarization Widens in the U.S.» // *Envi-*

ronment: Science and Policy for Sustainable Development, vol. 58, no. 5: 4—23.

Fisher D., J.Waggle, and P.Leifeld. (2013) «Where Does Political Polarization Come From? Locating Polarization within the U.S. Climate Change Debate» // *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no. 1: 70—92.

Guedes-Neto J.V. (2022) «The Effects of Political Attitudes on Affective Polarization: Survey Evidence from 165 Elections» // *Political Studies Review*, vol. 20, no. 1: 1—22.

Harteveld E. (2021) «Ticking All the Boxes? A Comparative Study of Social Sorting and Affective Polarization» // *Electoral Studies*, vol. 72: 102337. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/88493199/1_s2.0_S0261379421000573_main_1_.pdf (accessed on 22.12.2022).

Heltzel G. and K.Laurin. (2020) «Polarization in America: Two Possible Futures» // *Current Opinion in Behavioral Sciences*, vol. 34, no. 4: 179—184.

Hernández E., E.Anduiza, and G.Rico. (2021) «Affective Polarization and the Salience of Elections» // *Electoral Studies*, vol. 69, no. 1: 1—9.

Hetherington M.J. (2001) «Resurgent Mass Partisanship: The Role of Elite Polarization» // *American Political Science Review*, vol. 95, no. 3: 619—631.

Hirschl T.A., J.G.Booth, L.Glenna, and B.Green. (2012) «Politics, Religion, and Society: Is the United States Experiencing a Period of Religious-Political Polarization?» // *Review of European Studies*, vol. 4, no. 4: 95—109.

Iyengar S. and S.J.Westwood. (2015) «Fear and Loathing across Party Lines: New Evidence on Group Polarization» // *American Journal of Political Science*, vol. 59, no. 3: 690—707.

Kerr J., C.Panagopoulos, and S. van der Linden. (2021) «Political Polarization on COVID-19 Pandemic Response in the United States» // *Personality and Individual Differences*, vol. 179, no. 5: 110892. URL: <https://iranarze.ir/wp-content/uploads/2021/06/11834-English-IranArze.pdf> (accessed on 22.12.2022).

Laakso M. and R.Taagepera. (1979) «„Effective“ Number of Parties: A Measure with Application to West Europe» // *Comparative Political Studies*, vol. 12, no. 1: 3—27.

Liu N. (2020) «Political Polarization in the United States: The Influences of Exceptionalism and Religion» // *International Social Science Review*, vol. 96, no. 4: 1—25.

Liu X., C.Andris, and B.A.Desmarais. (2019) «Migration and Political Polarization in the U.S.: An Analysis of the County-Level Migration Network» // *PLOS ONE*, vol. 14, no. 11: 1—17.

Maoz Z. and Z.Somer-Topcu. (2010) «Political Polarization and Cabinet Stability in Multiparty Systems: A Social Networks Analysis of European Parliaments, 1945—98» // *British Journal of Political Science*, vol. 40, no. 4: 805—833.

Neal Z.P. (2020) «A Sign of the Times? Weak and Strong Polarization in the U.S. Congress, 1973—2016» // *Social Networks*, vol. 60, no. 1: 103—112.

Park J., B.R.Warner, M.S.McKinney, C.Kearney, M.W.Kearney, and G.-E.Kim. (2021) «Partisan Identity and Affective Polarization in Presidential Debates» // *American Behavioral Scientist*, vol. 65, no. 1: 1—18.

Renström E.A., H.Bäck, and R.Carroll. (2021) «Intergroup Threat and Affective Polarization in a Multi-Party System» // *Journal of Social and Political Psychology*, vol. 9, no. 2: 553—576.

Sakamoto T. and H.Takikawa. (2017) «Cross-National Measurement of Polarization in Political Discourse: Analyzing Floor Debate in the U.S. and the Japanese Legislatures» // *2017 IEEE International Conference on Big Data (Big Data 2017)*. Boston: IEEE: 3104—3110.

Simas E.N. and A.L.Ozer. (2021) «Polarization, Candidate Positioning, and Political Participation in the U.S.» // *Electoral Studies*, vol. 73, no. 2: 1023—1070.

Thornton J.R. (2013) «The Impact of Elite Polarization on Partisan Ambivalence and Indifference» // *Political Behavior*, vol. 35, no. 2: 409—428.

Törnberg P., C.Andersson, K.Lindgren, and S.Banisch. (2021) «Modeling the Emergence of Affective Polarization in the Social Media Society» // *PLOS ONE*, vol. 16, no. 10: 1—18.

Webster N.B. (2017) *The Effect of U.S. Political Party Polarization on Negative Partisanship Among U.S. Citizens*. Redlands: University of Redlands.

Yarchi M., C.Baden, and N.Kligler-Vilenchik. (2021) «Political Polarization on the Digital Sphere: A Cross-Platform, Over-Time Analysis of Interactional, Positional, and Affective Polarization on Social Media» // *Political Communication*, vol. 38, no. 1—2: 98—139.

Приложение 1 Темы, затрагивавшиеся в предвыборных сообщениях кандидатов

<i>Однопартийные темы</i>		
<i>Байден</i>	<i>Трамп</i>	<i>Сандерс</i>
1. Obama	1. Conservative	1. Working people/class
2. Rebuild the system	2. MAGA	2. Stimulus check
3. Soul of this nation	3. Trump positive	3. Poverty
4. Diversity	4. Patriotism	4. Forbid debt
	5. Fake News	5. Republican negative
	6. Harris negative	6. War budget
	7. Radical socialists/left	7. Oil, gas and coal companies negative
	8. Medical efficiency / deal with covid	8. Rich people
	9. America first	9. Green New Deal
	10. Voter fraud	10. Political revolution and transforming
	11. Taxes and regulations / big government	11. Tax the rich
	12. Impeachment / Witch Hunt	12. Criminal system reform
	13. Terrorists	13. Labor union
	14. Immigrant problem / Wall	14. Housing / homeless problem
	15. Pro life / unborn	15. Democratic socialism
	16. Rule of law / police support	16. Science
	17. Defend America	17. Sexism
		18. Muslim
		19. Student debt
		20. Racial justice
		21. Religious bigotry
		22. Failed war on drugs / legalize
		23. Transform America
		24. Capitalism
		25. Authoritarianism
		26. Peace
		27. Lobbyists

<i>Двухпартийные темы</i>	<i>Строго двухпартийные темы</i>	<i>Темы демократов</i>	<i>Популистские темы</i>
1. Violence problem ANTIIFA (radical protest / liberal mob) 2. China 3. Civil rights and liberties and freedom 4. Safety 5. Troops / army / military 6. God/faith 7. Foreign policy 8. American dream	1. Covid 2. Economics 3. Unemployment 4. Unite America 5. Senate 6. Supreme Court 7. Small business 8. Corruption/Swamp 9. Families 10. Russia	1. Trump negative 2. Postal service 3. Care for older 4. Defend protests 5. Minority problems 6. Police brutality 7. Systemic racism 8. Justice 9. Equality 10. Women 11. Progress 12. Change 13. Joe Biden positive 14. Green 15. Infrastructure 16. Climate change 17. Health care 18. LGBTQ+ 19. Immigrants / open borders 20. Voting rights 21. Education 22. Children 23. Increase minimum wage 24. Democracy 25. Hate groups / nationalism 26. Gun problem	1. Liberal elite / political establishment 2. American people 3. Biden negative 4. Censorship / big tech corporations 5. Constitution 6. Democrats do nothing

Приложение 2 Ключевые слова каждой темы (по убыванию частоты упоминаний на основе LDA)

Тема 1	Тема 2	Тема 3	Тема 4	Тема 5	Тема 6	Тема 7	Тема 8
Trump Joe Biden Donald Defeat President Go Percent Know Campaign House Say Get Elect Team	Progressive Congress Movement Elect Campaign Fight Work Bernie People Important Medicare Pass Lead Contribution Stand	Supreme court Upcoming Justice Tremendous Discrimination Barrett Amy Coney Nominate Hearing Winner Confirm Impeach Confirmation Pose Constitution	Pandemic American Crisis Provide Job Million Federal Budget People Pay Worker Act Bill Priority Health	Impact Spanish Maker NAACP Firm Hub Innocence Chincanx Interlock Jackson Juncture Latinx Awareness Jesse Evil	President Election Trump American Make People America Fight Need Go Thank Want Vote Country Day	Town hall Care Pete Usually Tackle Sarah Squeeze Johnson Pressed Relative Collectively Straightfor- ward Socialize Shovel Snap	Country Candidate People State Make Senate Time Primary Create Health care Live Work Good American Family

A.I.Zhdanov, K.V.Kosolapov
POLARIZATION OF AMERICAN ELITES
EVIDENCE FROM THE ANALYSIS OF THE CANDIDATES'
POLICY STATEMENTS DURING THE 2020
PRESIDENTIAL ELECTION

Andrey I. Zhdanov — Research Intern at the Laboratory for Monitoring the Risks of Social and Political Destabilization, HSE University; Ph.D. Student at the Plekhanov Russian University of Economics. Email: aizhdanov@edu.hse.ru.

Kirill V. Kosolapov — Invited Lecturer at the Big Data and Information Retrieval School, Faculty of Computer Science, HSE University. Email: kirill@data4.ru.

Abstract. The article is devoted to the study of political polarization in the United States through the prism of the influence of various groups of American elites on this process. Empirically analyzing the campaign messages of Joseph Biden, Donald Trump and Bernie Sanders, which were spread by their electoral staff during the 2020 presidential campaign, and using the methods of network and LDA analysis, the authors attempt to determine to what extent the Democratic and Republican leaders tend to use tools that polarize society and whether the nature of the influence of these parties on the American society differs.

Having documented the presence of all types of political polarization in the United States, the authors show that both Republicans and Democrats significantly add to polarization because, on the one hand, they fuel emotional tension in the society, and on the other hand, they deny legitimacy to the principles of their opponents. The analysis carried out in the article clearly demonstrates that all groups of the American political elites, regardless of party affiliation, are nearly equally susceptible to affective and positional polarization, including those whose political activity is usually assessed as depolarizing. All this refutes the widespread notion that the Republican Party, which exploits the Us vs. Them dichotomy for narrow political purposes, is primarily responsible for the polarization in the country, indicating that something bigger, rather than the rise of right-wing populism or the increased popularity of nativist movements, explains the crisis processes that have been unfolding in the recent years in the United States, as well as in other old democracies.

Keywords: USA, political polarization, political elites, network analysis, LDA analysis

References

- Admiraal R. and M.S.Handcock. (2008) “Networks: A Package to Simulate Bipartite Graphs with Fixed Marginals Through Sequential Importance Sampling” // *Journal of Statistical Software*, vol. 24, no. 8: 1–24.
- Banda K. and J.Cluverius. (2018) “Elite Polarization, Party Extremity, and Affective Polarization” // *Electoral Studies*, vol. 56, no. 4: 90–101.
- Casola W. R., J.M.Beall, M.N.Peterson, L.R.Larsen, S.B.Jackson, and K.T.Stevenson. (2022) “Political Polarization of Conservation Issues in the Era of COVID-19: An Examination of Partisan Perspectives and Priorities in the United States” // *Journal for Nature Conservation*, vol. 67, no. 3: 126–176.
- Diermeier D. and Ch.Li. (2019) “Partisan Affect and Elite Polarization” // *American Political Science Review*, vol. 113, no. 1: 277–281.
- Dunlap R.E., A.M.McCright, and J.H.Yarosh. (2016) “The Political Divide on Climate Change: Partisan Polarization Widens in the U.S.” // *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*, vol. 58, no. 5: 4–23.
- Fisher D., J.Waggle, and P.Leifeld. (2013) “Where Does Political Polarization Come From? Locating Polarization within the U.S. Climate Change Debate” // *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no. 1: 70–92.
- Guedes-Neto J.V. (2022) “The Effects of Political Attitudes on Affective Polarization: Survey Evidence from 165 Elections” // *Political Studies Review*, vol. 20, no. 1: 1–22.
- Harteveld E. (2021) “Ticking All the Boxes? A Comparative Study of Social Sorting and Affective Polarization” // *Electoral Studies*, vol. 72: 102337. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/88493199/1_s2.0_S0261379421000573_main_1_.pdf (accessed on 22.12.2022).
- Heltzel G. and K.Laurin. (2020) “Polarization in America: Two Possible Futures” // *Current Opinion in Behavioral Sciences*, vol. 34, no. 4: 179–184.
- Hernández E., E.Anduiza, and G.Rico. (2021) “Affective Polarization and the Salience of Elections” // *Electoral Studies*, vol. 69, no. 1: 1–9.
- Hetherington M.J. (2001) “Resurgent Mass Partisanship: The Role of Elite Polarization” // *American Political Science Review*, vol. 95, no. 3: 619–631.
- Hirschl T.A., J.G.Booth, L.Glenna, and B.Green. (2012) “Politics, Religion, and Society: Is the United States Experiencing a Period of Religious-Political Polarization?” // *Review of European Studies*, vol. 4, no. 4: 95–109.
- Iyengar S. and S.J.Westwood. (2015) “Fear and Loathing across Party Lines: New Evidence on Group Polarization” // *American Journal of Political Science*, vol. 59, no. 3: 690–707.
- Kerr J., C.Panagopoulos, and S. van der Linden. (2021) “Political Polarization on COVID-19 Pandemic Response in the United States” // *Perso-*

nality and Individual Differences, vol. 179, no. 5: 110892. URL: <https://iranarze.ir/wp-content/uploads/2021/06/11834-English-IranArze.pdf> (accessed on 22.12.2022).

Laakso M. and R.Taagepera. (1979) „Effective“ Number of Parties: A Measure with Application to West Europe” // *Comparative Political Studies*, vol. 12, no. 1: 3–27.

Liu N. (2020) “Political Polarization in the United States: The Influences of Exceptionalism and Religion” // *International Social Science Review*, vol. 96, no. 4: 1–25.

Liu X., C.Andris, and B.A.Desmarais. (2019) “Migration and Political Polarization in the U.S.: An Analysis of the County-Level Migration Network” // *PLOS ONE*, vol. 14, no. 11: 1–17.

Maoz Z. and Z.Somer-Topcu. (2010) “Political Polarization and Cabinet Stability in Multiparty Systems: A Social Networks Analysis of European Parliaments, 1945–98” // *British Journal of Political Science*, vol. 40, no. 4: 805–833.

Neal Z.P. (2020) “A Sign of the Times? Weak and Strong Polarization in the U.S. Congress, 1973–2016” // *Social Networks*, vol. 60, no. 1: 103–112.

Park J., B.R.Warner, M.S.McKinney, C.Kearney, M.W.Kearney, and G.-E.Kim. (2021) “Partisan Identity and Affective Polarization in Presidential Debates” // *American Behavioral Scientist*, vol. 65, no. 1: 1–18.

Renström E.A., H.Bäck, and R.Carroll. (2021) “Intergroup Threat and Affective Polarization in a Multi-Party System” // *Journal of Social and Political Psychology*, vol. 9, no. 2: 553–576.

Sakamoto T. and H.Takikawa. (2017) “Cross-National Measurement of Polarization in Political Discourse: Analyzing Floor Debate in the U.S. and the Japanese Legislatures” // *2017 IEEE International Conference on Big Data (Big Data 2017)*. Boston: IEEE: 3104–3110.

Simas E.N. and A.L.Ozer. (2021) “Polarization, Candidate Positioning, and Political Participation in the U.S.” // *Electoral Studies*, vol. 73, no. 2: 1023–1070.

Thornton J.R. (2013) “The Impact of Elite Polarization on Partisan Ambivalence and Indifference” // *Political Behavior*, vol. 35, no. 2: 409–428.

Törnberg P., C.Andersson, K.Lindgren, and S.Banisch. (2021) “Modeling the Emergence of Affective Polarization in the Social Media Society” // *PLOS ONE*, vol. 16, no. 10: 1–18.

Webster N.B. (2017) *The Effect of U.S. Political Party Polarization on Negative Partisanship Among U.S. Citizens*. Redlands: University of Redlands.

Yarchi M., C.Baden, and N.Kligler-Vilenchik. (2021) “Political Polarization on the Digital Sphere: A Cross-Platform, Over-Time Analysis of Interactional, Positional, and Affective Polarization on Social Media” // *Political Communication*, vol. 38, no. 1–2: 98–139.

Т.Л.Ровинская

«ЗЕЛЕННЫЕ» В ГЕРМАНИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ И КОМПРОМИССЫ

Татьяна Леонидовна Ровинская — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора теории политики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Для связи с автором: mirtania@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена исследованию политического пути экологической партии «Союз 90 / Зеленые» с момента зарождения «зеленого» движения в Германии по сегодняшний день. В центре внимания автора находится трансформация идеологической платформы «Зеленых». Детально проанализировав этапы развития партии и ее программные документы, автор фиксирует переход немецких «Зеленых» от консервативных к либеральным ценностям, затем от идеализма и нонконформизма 1970—1980-х годов к реализму и прагматизму 1990—2000-х, от внесистемной, радикальной позиции — к системной левоцентристской и задается вопросом о цене их политического успеха. Удастся ли партии следовать заявленным ею принципам? Каким образом она решает политические дилеммы, неизбежно встающие перед ней в ситуации, когда ей приходится действовать в реальной политической обстановке в коалиции с другими партиями? Насколько далеко готовы зайти «Зеленые» в заключении политических и идеологических компромиссов? И соответствует ли все это, собственно, «зеленой» идеологии?

Опираясь на проведенное исследование, автор приходит к выводу, что доминирование в партии крыла реалистов, делающих ставку на вхождение во власть любой ценой и оттеснивших на задний план стоявших у истоков движения идеалистов-(эко)фундаменталистов, ведет к размыванию самой сути альтернативной «зеленой» идеологии и в конечном счете к утрате партией ее своеобразия и привлекательности для избирателей. По ее оценке, международный кризис 2022 г. является переломным моментом в истории «Союза 90 / Зеленых», который окажет определяющее воздействие на политическую судьбу партии в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: «Союз 90 / Зеленые», Германия, идеализм, прагматизм, «зеленая» идеология, Петра Келли, Йозеф Фишер, Анналена Бербок, Роберт Хабек

¹ На сентябрь 2022 г. — более 125 тыс. членов (Bündnis 2022).

Политический путь немецкой партии «Союз 90 / Зеленые» (Bündnis 90 / Die Grünen) заслуживает интереса не только потому, что это самая большая по численности¹ и наиболее авторитетная экологическая партия в мире, но и потому, что на протяжении последних десятилетий она демонстрирует значительные политические успехи как в самой Германии, так и в Европе в целом.

На последних выборах в Бундестаг, состоявшихся 26 сентября 2021 г., «Союз 90 / Зеленые» набрали 14,8% голосов, что принесло им 118 депутатских мест (из 736). По итогам выборов и последующих переговоров между партиями была сформирована правящая коалиция, в которую, наряду с СДПГ и либеральной Свободной демократической партией (СвДП), вошли и «Зеленые».

В новом правительстве «Зеленые» получили шесть важных министерских постов. Лидер партии Роберт Хабек занял пост вице-канцлера и возглавил новое «суперминистерство» экономики и защиты климата; сопредседатель партии Анналена Бербок стала министром иностранных дел; бывший сопредседатель Джем Эздемир — министром сельского хозяйства; Штеффи Лемке — министром охраны окружающей среды, безопасности ядерных реакторов и защиты потребителей; Анне Шпигель — министром по делам семьи, пенсионеров, женщин и молодежи; Клаудия Рот — министром по вопросам культуры и СМИ.

² *Élections européennes 2019.*

Успеху на национальных выборах предшествовал рекордный результат на выборах в Европарламент 23–26 мая 2019 г.: 20,5% голосов и 21 место² (против 11 в 2014 г.³). Таким образом, влияние «Союза 90 / Зеленых» на европейскую политику тоже возросло.

³ *Élections européennes 2014.*

В связи с этим возникает целый ряд вопросов. В какой мере вхождение во власть повлияло на идейные установки «Зеленых»? Удастся ли партии следовать заявленным ею принципам? Каким образом она решает политические дилеммы, неизбежно встающие перед ней в ситуации, когда ей приходится действовать в реальной политической обстановке в коалиции с другими партиями? Насколько далеко готовы пойти «Зеленые» в заключении политических и идеологических компромиссов? И соответствует ли все это, собственно, «зеленой» идеологии? В настоящей статье мы попытаемся ответить на эти вопросы, рассмотрим этапы развития партии и ее программные документы.

**Идеализм
и неконформизм
ранних
«зеленых»
(1970–
1980-е годы)**

История немецкой экологической партии уходит корнями в 1970-е годы, когда в Западной Германии на локальном уровне начали формироваться так называемые зеленые списки, которые еще не были партиями в полном смысле слова.

⁴ *Grüne Geschichte s.a.*

Идеологический портрет ранних немецких «зеленых» был противоречивым. С одной стороны, они позиционировали себя как консервативная политическая сила, приверженцы традиционных ценностей. Как бы в подтверждение тому один из руководителей СДПГ того времени Эгон Бар видел в них угрозу демократии⁴. С другой стороны, не-

мецкие экологические объединения выступали в роли радикальной оппозиции по отношению к партиям политического мейнстрима в рамках зарождавшегося в те годы европейского «зеленого» движения и как неотъемлемая его часть.

Возникновение в Европе в 1970—1980-е годы экологических партий объяснялось прежде всего недостаточным вниманием ведущих политических сил к актуальным экологическим вызовам (связанным в первую очередь с развитием атомной энергетики и порождаемой ею радиационной опасностью). Радикальное движение в защиту окружающей среды изначально объединяло противников атомной индустрии и различного рода пацифистские группы. В Германии оно выросло из множества возникавших стихийно низовых организаций, которые составляли собственные списки кандидатов на выборах в местные органы власти.

11 мая 1977 г. была образована Экологическая партия Нижней Саксонии — первая партия этого типа в Германии, вскоре вошедшая в состав объединения «Зеленый список „Охрана окружающей среды“». Уже в октябре 1977 г. это объединение получило депутатский мандат в районном собрании г. Хильдесхайм, а близкое к нему по своей направленности Объединение избирателей «Атомная станция — Нет, спасибо» — в окружном собрании Хамель/Пирмонт (Нижняя Саксония). В 1979 г. локальная экологическая партия «Бременский зеленый список» впервые прошла в земельный парламент (ландтаг). В том же году в результате объединения нескольких локальных экологических партий был создан союз «Зеленых» — прообраз будущей партии «Зеленых», об учреждении которой было объявлено в январе 1980 г. С 1983 г. эта партия была уже представлена в Бундестаге.

В первой Программе принципов, принятой в 1980 г., в качестве основополагающих для «Зеленых» были зафиксированы четыре принципа: экология, социальная политика, базисная демократия и ненасилие⁵.

⁵ *Die Grünen s.a.*

Важной вехой в политическом развитии западногерманских «Зеленых» стало сотрудничество с их единомышленниками из ГДР, в феврале 1990 г. создавшими собственную Зеленую партию. После объединения Германии восточные «Зеленые» стали именоваться *Grüne Ost*, а западные — *Grüne West*. На первых общегерманских парламентских выборах 2 декабря 1990 г. *Grüne West* не смогли преодолеть 5-процентный барьер, тогда как *Grüne Ost* удалось пройти в Бундестаг⁶, по-видимому благодаря альянсу с «Союзом 90»⁷, который делал упор на правовые и социальные вопросы, существенно больше волновавшие тогда население Германии, чем экологические проблемы. На следующий день после выборов восточные и западные «Зеленые» объединились в общегерманскую партию «Зеленых»⁸.

⁶ *Bundestag s.a.*

⁷ *Bündnis 90 — союз трех восточногерманских некоммунистических правозащитных групп («Новый форум», «Демократия сейчас» и «Инициатива за мир и права человека»), образованный в феврале 1990 г.*

⁸ *Die Grünen s.a.*

Новая организация позиционировала себя как экологическая партия реформ. «Зеленые» выступили за немедленное закрытие АЭС, сокращение рабочей недели, а также за выход ФРГ из НАТО и ликви-

дацию немецких вооруженных сил. Именно в этот период «Зеленые» окончательно переместились на левый фланг политического спектра.

Одним из основателей и идеологов западногерманской партии «Зеленых» была Петра Карин Келли. Урожденная немка, она получила степень бакалавра в Американском университете в Вашингтоне, где активно участвовала в студенческом движении. Вернувшись в Европу в 1970 г., Келли поддержала антиатомные протесты и содействовала переводу их на парламентский уровень. Биографы полагают, что она стремилась «разбудить» Германию, привести «послушных немцев» в состояние «гражданского неповиновения», которое наблюдала в США в 1960-е годы⁹. Среди немецких политиков того времени близким себе по духу она считала Вилли Брандта. Разделяя его веру в то, что политика неотделима от морали, в 1972 г. Келли вступила в СДПГ¹⁰. Однако эволюция социал-демократов после отставки Брандта в 1974 г. с поста канцлера разочаровала ее, и в 1979 г. она покинула СДПГ, обосновав причины этого шага в открытом письме новому канцлеру Гельмуту Шмидту, где обвиняла его не только в том, что он увел партию от принципов Брандта, но и в игнорировании «очевидной связи между экологическими проблемами и угрозами для здоровья»¹¹.

⁹ Евдокимова 2019.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Offener Brief s.a.*

Келли и ее сторонники предложили Германии и всему миру «зеленую альтернативу» — концепцию общественного устройства, которая ставила во главу угла человеческую жизнь как наивысшую ценность, оказавшуюся под угрозой ввиду неблагоприятной среды обитания¹². Несущей частью концепции было решение экологических проблем и борьба против ядерной угрозы. Вместе с тем, по убеждению Келли, важнейшим условием реализации «зеленой альтернативы» был отказ от применения силы в любом ее виде. Идеологическими столпами «зеленой политики» должны были стать гражданское неповиновение, ненасилие, свобода от блоковой политики, предполагавшая в свою очередь восприятие мира как единого целого, без границ, а основополагающими принципами — «мир, справедливость, права человека»¹³. Таким образом, в фундаменте формирующейся «зеленой» идеологии лежали либерально-демократические ценности и идеи глобализма.

¹² Евдокимова 2019.

¹³ Kelly 1983:12.

Келли возглавляла список «Зеленых» на европейских выборах 1979 г., а затем на федеральных выборах 1980 и 1983 гг. В 1980 г. она стала членом правления партии, и после прохождения ее в Бундестаг в 1983 г. взяла на себя роль проводника интернационалистической низовой политики на парламентском уровне, используя свой депутатский мандат для продвижения новых идей и проводя протестные акции непосредственно в стенах парламента. Выступая за глобализацию снизу, Келли скептически относилась к глобализации сверху. В частности, она настороженно восприняла объединение Германии: «У меня очень четкое отношение к этому, но очень жесткое. Я против этой так называемой германизации Средней и Восточной Европы. И это объединение вызывает у меня жуткий страх»¹⁴. Столь же однозначно высказывалась она и по вопросу об усилении Североатлантического альянса: «Каж-

¹⁴ Цит. по: Zähringer 2012.

нейшим задачам в следующем Бундестаге мы причисляем среди прочего... предотвращение наращивания вооружения НАТО»¹⁵.

¹⁵ *Ibidem*.

Постепенно внутри партии наметился раскол на (эко)фундаменталистов (*Fundi*) — идеалистов, борцов за идею — и реалистов (*Realo*) — прагматиков и конформистов, готовых на политические уступки и компромиссы. Первоначально Келли входила в первую группу, но впоследствии осудила раскол *per se*, считая его противоречащим самому духу «Зеленых» как «антипартии». С ее точки зрения, «антипартия» должна быть «антиполитичной» и ориентироваться на новую форму власти («антивласть»): в противовес традиционной политической власти, которая навязывается сверху и воспринимается людьми пассивно, «антивласть» является активной формой народной власти и осуществляется не через доминирование и подавление (насилие), а посредством ненасильственных изменений. Келли ратовала за сохранение курса «Зеленых» на «антиполитику», то есть борьбу против ментальных, пространственных и временных границ, лимитирующих креативность человека. Вместе с тем, критикуя институт государства, она признавала, что при всех его изъянах именно оно гарантирует права граждан¹⁶.

¹⁶ *Kelly 1994: 129*.

«Зеленых»-реалистов Келли упрекала в утрате прежних идеалов и отступлении от «прозеленой» позиции. Перед приходом в Бундестаг в 1983 г., напоминала она, «мы обещали, что никогда не предадим социальные движения. Это означало для меня укреплять наши „основные коалиции“, например, с Гринписом, Международной амнистией, группами самопомощи, лицами, уклоняющимися от военной службы, объединениями родителей онкобольных детей, коренными жителями, старыми и больными людьми. При этом я настойчиво и бескомпромиссно выступала за человека и поднимала те темы, которые оставались до сих пор абсолютно незамеченными... Это мы несем ответственность за проведение политики таким образом, чтобы она соответствовала интересам человека, самого слабого»¹⁷.

¹⁷ *Kelly 1990: 4*.

За время пребывания в Бундестаге исходные установки «Зеленых» как оппозиционной силы и «антипартии» постепенно сместились в сторону реализма. Это категорически не устраивало Келли, видевшую в парламенте не средство обретения власти, а прежде всего платформу для свободного выражения независимой точки зрения. Именно так сама она использовала свой депутатский мандат, критикуя на заседаниях Бундестага поставки немецких вооружений другим странам и, соответственно, соучастие Германии в военных конфликтах, поднимая острые вопросы о жертвах нацизма, „двойных стандартах“, нарушении прав человека, декларативном миролюбии и политическом лицемерии федерального правительства¹⁸. Во многом благодаря Келли «Зеленые», став парламентской партией, сохраняли имидж альтернативной, оппозиционной силы.

¹⁸ *Deutscher Bundestag 1990*.

Основным политическим оппонентом Келли внутри партии выступал Йозеф (Йошка) Фишер. В молодости он был членом ультра-

левой группировки «Революционная борьба», участвовал в студенческих протестах и манифестациях, но в 1977 г. отошел от радикалов и в 1982 г. вступил в партию «Зеленых». Полностью разочаровавшись к тому времени в радикализме, он видел свою цель в том, чтобы сделать «Зеленых» «нормальной» партией, которая ориентировалась бы не на «совершенствование мира», а на решение практических задач. В 1983 г. на волне общественных протестов против размещения в Западной Европе американских баллистических и крылатых ракет Фишер был избран в Бундестаг. Но как человеку совершенно иного склада, чем Келли, ему не было чуждо стремление к власти. «Я — парламентарий телом и душой... — признавался он. — Игра за власть — захватывающая вещь»¹⁹.

¹⁹ Цит. по: Krause-Burger 1999: 212.

Еще в 1982 г. Келли говорила, что, если когда-нибудь «Зеленые» начнут «отправлять министров в Бонн», это будет не та партия, которую она хотела построить²⁰. В этом — не просто идеализм, а сама суть альтернативной политики, которая должна задавать новые правила игры, а не следовать существующим. В 1985 г. Келли, в очередной раз подчеркнув свою верность «зеленой» идее, была вынуждена констатировать, что не знает, останется ли верной этой идее «зеленая» партия²¹. Эти сомнения имели под собой основания: все меньше однопартийцев разделяли бескомпромиссную позицию своего лидера, ее верность идеалам, миссионерскую установку на реформирование сознания в масштабах Германии и всего мира. В том же 1985 г. Фишер занял министерский пост в земле Гессен. На выборах 1990 г. Келли даже не вошла в список западногерманских «зеленых»: на федеральном собрании членов партии ее кандидатура получила лишь 36 голосов из 650²².

²⁰ Евдокимова 2019.

²¹ Zähringer 2012.

Несмотря на то что к моменту своей гибели в октябре 1992 г. Келли фактически дистанцировалась от партии по причине глубоких разногласий с однопартийцами, она считается одной из главных ее идеологов и вдохновителей, заложившей основы будущей транснациональной политики немецких «Зеленых». Ей удалось установить связь между гражданскими протестами и центрами политической власти, благодаря чему «Зеленые» попали в Бундестаг и сыграли ведущую роль в процессе включения экологических вопросов в политическую повестку Германии.

**Переход
к реализму
и прагматизму
(1990–
2000-е годы)**

²³ Подписанный ими договор об ассоциации был окончательно утвержден к апрелю 1993 г.

После потери Келли лидерских позиций лидером «Зеленых» стал Фишер. Этот момент можно считать началом «эпохи реализма» в деятельности партии. Прежняя идейность и бескомпромиссность уступили место прагматическому подходу, готовности к политическим сделкам и компромиссам — всему тому, что будет политкорректно названо «политической гибкостью».

Важной вехой в истории общегерманской экологической партии стало ее объединение в ноябре 1992 г. с «Союзом 90»²³, что существенно расширило политическую повестку «Зеленых». В фокусе внимания но-

вой партии, получившей название «Союз 90 / Зеленые», наряду с экологическими проблемами, оказались вопросы социальной, экономической, а также внешней политики.

Идеологический раскол на реалистов и (эко)фундаменталистов сохранился и в новой партии: реалисты, доминировавшие в ее парламентской фракции, стремились интегрировать партию в существующую политическую систему, настаивая на большей гибкости в продвижении ее целей, тогда как (эко)фундаменталисты, преобладавшие в исполнительном комитете партии, продолжали делать упор на непарламентскую деятельность и изменения на локальном уровне.

Первой серьезной политической дилеммой, с которой столкнулась новая партия, стал вопрос о военном присутствии Германии в Боснии в период Боснийской войны (1992—1995 гг.). В то время «Союз 90 / Зеленые» еще оставались верны своей традиционной пацифистской линии и выступили против такого присутствия. На специальной партийной конференции в Бонне 9 октября 1993 г. было заявлено: «Международное обеспечение прав человека не должно осуществляться военными средствами»²⁴.

²⁴ *Grüne Geschichte*
s.a.

«Основополагающий консенсус» между «Зелеными» и «Союзом 90» был закреплен в новой Программе принципов, принятой в 1993 г. Важная особенность этой Программы заключалась в том, что экологические и иные требования были в ней ориентированы на возможности рыночной экономики с учетом изменившейся международной ситуации после окончания холодной войны²⁵.

²⁵ *Politische Grundsätze* s.a.

В 1990-е годы партия постепенно отошла от стратегии гражданского экологизма с ее акцентом на массовом участии, часто на местном уровне, а также от жесткой антиатомной и пацифистской позиции. Именно это, по-видимому, и поспособствовало возвращению «Союза 90 / Зеленых» в Бундестаг в 1994 г., где их фракция стала третьей по численности (после ХДС/ХСС и СДПГ)²⁶. Партийную фракцию в федеральном парламенте возглавили Фишер и Керстин Мюллер, а Антье Фольмер заняла пост вице-президента Бундестага. Под руководством Фишера партия перестала играть роль радикальной оппозиции, сместившись к левому центру.

²⁶ *Bundestag* s.a.

По результатам парламентских выборов 1998 г. «Союз 90 / Зеленые» не только сохранили позицию третьей по силе партии (что было воспринято как практическое подтверждение правильности выбранного курса), но и вошли в качестве младшего партнера в правящую коалицию, сформированную СДПГ. В новом правительстве «Зеленые» получили портфели министров охраны окружающей среды, здравоохранения и иностранных дел, причем внешнеполитическое ведомство возглавил именно Фишер.

Для «зеленых»-реалистов вхождение в федеральное правительство знаменовало собой головокружительный успех, значение которого не ограничивалось масштабами страны: «Союз 90 / Зеленые» приобрели репутацию наиболее успешной экологической партии в мире. В свою

очередь (эко)фундаменталисты увидели в этом предательство идеалов и свидетельство закоснения и обуржуазивания партии.

В 1999 г. Фишер как министр иностранных дел ФРГ выступил за проведение военной операции НАТО против Югославии, тем самым изменив все еще сохранявшейся пацифистской позиции «Зеленых». Его заявление произвело внутри партии эффект разорвавшейся бомбы и едва не привело к окончательному расколу: в ходе бурной дискуссии, развернувшейся на партийном съезде в Билефельде (май 1999 г.), в Фишера даже бросили полиэтиленовый пакет с красной жидкостью, символизовавшей кровь. Тем не менее большинство участников съезда оказалось на его стороне. А полтора года спустя, в ноябре 2000 г., на очередном партийном съезде 80% делегатов поддержали решение правительства об использовании немецких вооруженных сил в Афганистане «для борьбы с международным терроризмом»²⁷.

²⁷ *Grüne Geschichte*
s.a

При всем том работа «Зеленых» в составе правительства имела и важные позитивные результаты: министр окружающей среды Юрген Триттин, несмотря на сильное сопротивление, добился решения о поэтапном отказе от атомной энергетики; в апреле 2000 г. вступил в силу Закон о возобновляемых источниках энергии (ВИЭ); была проведена налоговая реформа, введившая эконалоги нескольких уровней, и т. д.²⁸

²⁸ *Ibidem*.

По итогам федеральных выборов 2002 г. у власти осталась «красно-зеленая» коалиция, в рамках которой «Союз 90 / Зеленые» сохранили за собой три министерских поста: министра окружающей среды, министра иностранных дел и министра защиты прав потребителей, продовольствия и сельского хозяйства.

В марте 2002 г. после трехлетних дебатов «Союз 90 / Зеленые» приняли новую Программу принципов «Зеленое будущее», закреплявшую социально-экологическую ориентацию партии. Центральным объектом политики в ней был объявлен «человек с его достоинством и свободой», а главными ценностями — «экология, справедливость, широкое самоопределение, живая демократия». Программа включала в себя несколько обширных глав, отражавших установки партии в таких областях, как экологическая и социальная политика, рыночная экономика, общество знаний, обновление демократии, равенство полов и международная политика. В преамбуле документа подчеркивалось, что партия выросла из «оппозиционных культур» двух немецких государств²⁹. Программа принципов во многом повторяла постулаты ранних «зеленых»-идеалистов, которые все чаще расходились с реальной деятельностью партии.

²⁹ *Die Zukunft* s.a.

В феврале 2004 г. была основана Европейская зеленая партия, что стало важной вехой в институционализации европейского «зеленого» движения. На выборах в Европейский парламент 13 июня 2004 г. «Союз 90 / Зеленые» получили 11,9% голосов³⁰ — больше, чем на всех предшествовавших выборах в Бундестаг.

³⁰ *Europawahl*
2004.

**В оппозиции:
проверка жизне-
способности
(2005–2021 гг.)**

На федеральных выборах 2005 г. «Зеленые» набрали почти столько же голосов, что и в 2002 г., однако ввиду радикального изменения конфигурации политических сил в Бундестаге их политический вес заметно снизился. По итогам выборов была сформирована «большая коалиция» ХДС/ХСС и СДПГ, и «Союз 90 / Зеленые» лишились министерских постов.

³¹ *Bundestag s.a.*

Выборы 2009 г. лишь ухудшили ситуацию, несмотря на лучший результат партии за всю историю ее участия в национальных выборах³¹. С убедительной победой ХДС/ХСС и формированием «черно-желтой» коалиции (ХДС/ХСС—СвДП) для немецких «Зеленых» наступил длительный период реального пребывания в оппозиции, что стало для них серьезным вызовом и проверкой на прочность, в том числе в идеологическом плане. Если ранние «зеленые»-идеалисты находились в оппозиции по убеждению, стараясь действовать вне сложившейся политической системы и вопреки ей, то новые «зеленые»-реалисты оказались в этом положении явно против своей воли.

³² *Ibidem.*

Общий рейтинг «Зеленых» в Германии постепенно падал: если по результатам выборов 1998 и 2002 гг. они занимали третью позицию, то в 2005 и 2009 гг. — пятую, в 2013 г. — четвертую, в 2017 г. — шестую³².

³³ *Die Länder im Bundesrat s.a.*

В новых условиях «Союз 90 / Зеленые» изменили свою политическую стратегию, сделав ставку на федеральные земли. В нескольких земельных ландтагах были образованы «красно-зеленые» коалиции, и в 2013 г. земли, где такие коалиции являлись правящими, получили большинство в Бундесрате. Ситуация на региональных выборах в целом улучшилась. В 2015 г. «Зеленые» присутствовали в правительстве девяти федеральных земель (из 16), в 2017 г. — 14, в 2021 г. — 10³³.

³⁴ *Grüner Aufbruch 2017.*

В этот период была обновлена идеологическая программа партии. В принятом на партийном съезде 2014 г. концептуальном документе «Зеленый прорыв 2017» ставилась задача усилить позиции партии на всех уровнях, чтобы на федеральных выборах 2017 г совершить прорыв и вернуть утраченное положение. В документе отмечалось, что «Союз 90 / Зеленые» добились значительных успехов во многих областях (охрана окружающей среды, отказ от атомной энергетики, гендерное равноправие, совместимость семьи и профессии, самоопределение людей с ограниченными возможностями, интеграция мигрантов, поддержка социальных инициатив, права меньшинств и др.), но особо подчеркивалось, что вхождение во власть является для них не самоцелью, а лишь средством, позволяющим оказывать решающее влияние на вектор общественного развития. Определяя себя как прогрессивную силу левого центра, партия подтверждала свою приверженность тактике компромиссов, выражая готовность выступать «партнером и адвокатом всех сил, работающих ради общего будущего»³⁴.

³⁵ *Zukunft wird aus Mut gemacht 2017.*

В предвыборной программе 2017 г. под названием «Будущее создается мужеством»³⁵ «Союз 90 / Зеленые» выдвинули План зеленого управления из 10 пунктов, включавший традиционные для партии экологические, социальные и политические цели (защита окружающей

³⁶ *Wofür wir Verantwortung übernehmen wollen 2017.*

среды и климата, экологическая мобильность, устойчивое сельское хозяйство, укрепление единой Европы, помощь семье, социальное обеспечение, интеграция беженцев, равенство и самоопределение, борьба с терроризмом и нестабильностью в мире)³⁶. В программе, в частности, отмечалось, что Германия должна нести большую ответственность за поддержание мира на планете, содействовать предотвращению вооруженных конфликтов, прекращению наращивания вооружений.

³⁷ *Pap 2016.*

В ходе предвыборной кампании «Союз 90 / Зеленые» использовали внешнеполитическую тематику: осенью 2016 г. представители партии солидаризировались с частью своих традиционных политических противников — христианских демократов, призвав ужесточить санкции против России в связи с ее действиями в Сирии. Аналогичную позицию они заняли по вопросу о конфликте на Украине (в контексте событий 2013—2014 гг. и присоединения Крыма к РФ). По мнению немецкого политолога Александра Раара, это было связано в первую очередь со стремлением «Зеленых» не допустить выдвижения лидера СДПГ Зигмара Габриэля на пост канцлера, пусть даже за счет объединения усилий с ХДС/ХСС³⁷. Так или иначе, но фактор России впервые стал доминирующим в национальной избирательной кампании.

Данный пример наглядно демонстрирует, что к четвертому десятилетию существования немецких «Зеленых» как партии их идеологическая платформа изменилась до неузнаваемости: официально перейдя из состояния внесистемной оппозиции на роль системной левоцентристской партии, они фактически отказались от независимой политической позиции ради продвижения своих интересов внутри сложившейся политической системы.

³⁸ *Bundestag s.a.*

Хотя на выборах 2017 г. «Зеленые» несколько улучшили свои показатели по сравнению с 2013 г.³⁸, в стратегическом плане их положение в Бундестаге оказалось наихудшим за всю историю. Это объяснялось не столько падением популярности самой партии, сколько изменением политической конъюнктуры в связи с наплывом беженцев, что отодвинуло экологические проблемы на задний план. В результате опять была сформирована «большая коалиция» ХДС/ХСС и СДПГ, и «Зеленые» снова не вошли в правительство. На ближайшую перспективу перед ними открывались лишь два варианта: остаться «в тени» «большой коалиции» либо оказаться в вынужденной оппозиции к ней.

³⁹ *Zukunft GRÜN gestalten 2018.*

Выбор был сделан в пользу оппозиционной линии. В принятом в январе 2018 г. на внеочередном Собрании федеральных делегатов партии документе «Сделать будущее ЗЕЛеныМ» говорилось, что «большая коалиция» несостоятельна в решении экологических проблем и ей следует противопоставить «прогрессивную экологическую политику». Подчеркивалось, что ни одна другая политическая сила, кроме «Зеленых», не обладает решимостью делать конкретные шаги в области защиты климата. Одновременно отмечалось, что без прямого участия «Зеленых» невозможно обеспечить достижение социальных и политических целей не только сегодня, но и в перспективе³⁹.

⁴⁰ *Grüne Geschichte*
s.a.

В 2020 г. партия отпраздновала двойной юбилей — 40-летие «Зеленых» и 30-летие «Союза 90». В преддверии юбилея были запущены дебаты под лозунгом «Новые времена. Новые ответы»⁴⁰, направленные на уточнение программных установок партии. По результатам этих дебатов в действующую Программу принципов «Союза 90 / Зеленых» были внесены некоторые изменения, которые, однако, не сказались на ее сути. Обновленная Программа осталась социально-экологической: в центре ее внимания по-прежнему находился человек, его права и свободы, а главными ценностями выступали «экология, справедливость, самоопределение, демократия и мир». Общим экологическим и социальным смыслом актуализированной «зеленой» концепции стало потребление природных ресурсов лишь в той мере, в какой они поддаются возобновлению, что должно было лечь в основу политики «устойчивого развития» во всех сферах⁴¹.

⁴¹ *Das neue
Grundsatzprogramm*
s.a.

В принятой к выборам 2021 г. программе «Германия. Все включено» партия предложила «витаминизировать» страну (то есть придать ей свежие силы). Пандемия COVID-19 трактовалась в ней как начало новой эпохи, в которую люди вступают, «преодолев самих себя, проявив солидарность, инновационную силу и устойчивость», в то время как партии «большой коалиции» демонстрируют «усталость» и оказываются «парализованы» перед сложными вызовами современности. В программе тесно увязывались экологические и социально-экономические задачи, особое внимание уделялось приведению экономики в соответствие с «жесткими климатическими целями» путем изменения законодательства. Свою главную миссию партия видела в переустройстве экономической системы Германии — переходе на ВИЭ и достижении «климатической нейтральности» продукции при сохранении экономического роста. При всем том «Зеленые» не позиционировали себя в качестве противников промышленного сектора, а выражали намерение стать его партнерами в процессе «примирения экономики и экологии»⁴². Эту формулировку можно рассматривать как попытку достичь компромисса с немецким экономическим лобби, для которого заявленные «Союзом 90 / Зелеными» экономические шаги были заведомо неприемлемыми.

⁴² *Deutschland* s.a.

Новая программа предсказуемо подверглась жесткой критике со стороны деловых кругов Германии, особенно по вопросам энергетики и климатической политики. В ведущей экономической газете страны *Handelsblatt* вышла статья под названием: «Витамин или яд?», где партию обвинили в попытках продвижения собственных целей ценой значительного ущерба для немецкой экономики⁴³. Вместе с тем упреки в адрес «Зеленых» раздавались и с противоположного фланга: климатические радикалы из движения «Пятницы ради будущего» (#FridaysForFuture — FFF) Греты Тунберг сочли их предложения половинчатыми. Среди критиков программы оказался, в частности, депутат Бундестага от «Союза 90 / Зеленых», бывший лидер немецкого отделения FFF Якоб Блазель, обративший внимание на отсутствие в ней

⁴³ *Kersting, Neuerer
und Stratmann*
2021.

таких требований, как полный отказ от газотранспортной структуры и мораторий на строительство автодорог, а также конкретной даты прекращения отопления газом и нефтью⁴⁴.

⁴⁴ Никифоров
2021.

Таким образом, к федеральным выборам 2021 г. «Союз 90 / Зеленые» подошли в роли оппозиционной партии реформ, обещающей, как и в далекие 1990-е годы, своим избирателям полное переформатирование политической и экономической жизни Германии, — с той разницей, что антиатомная повестка уступила место климатической, внеблоковая и пацифистская позиция ушла в небытие, а предложенная стратегия носила непоследовательный (со всех точек зрения) характер. Внутрипартийные противоречия сохранились, но крыло реалистов лишь укрепило свое доминирующее положение в партии (в настоящее время его представляют оба лидера — Хабек и Бербок).

Новые времена — новые вызовы

Успешная избирательная кампания 2021 г., в результате которой «Зеленые» наконец взяли реванш за неудачи последних десятилетий, продемонстрировала эффективность прагматического подхода (как в свое время успех партии при Фишере).

Подняться «Зеленым» помог и коронавирусный кризис 2019—2021 гг., существенно поспособствовавший смещению приоритетов в сторону «зеленой» экономики и политики не только в Германии, но и во всем мире. При этом именно Германия выступает главным идеологом и бенефициаром «Европейского зеленого курса» — стратегии по системной борьбе с изменением климата, принятой по инициативе Европейской комиссии в декабре 2019 г. Новая «зеленая» экономика рассматривается руководством страны как та область, где ФРГ может стать безусловным мировым лидером.

В подписанном в ноябре 2021 г. Коалиционном договоре между СДПГ, СвДП и «Зелеными» новое правительство ФРГ пообещало ряд социальных и экономических преобразований в рамках мер, нацеленных на защиту климата. Обращает на себя внимание тезис об укреплении экономической мощи Германии при одновременном решении климатических задач, а также об усилении роли страны в Европе и мире ввиду ее «особой экологической и экономической ответственности»⁴⁵. Налицо декларативная попытка совместить несовместимое: по мнению многих экспертов, в том числе представителей немецких деловых кругов, достижение поставленных климатических целей невозможно без ослабления экономики. Примечательна также та трансформация, которую с возвращением «Зеленых» в правительство претерпел их традиционный миссионерский постулат о своей особой роли в жизни немецкого общества, преобразовавшийся в утверждение об особой роли Германии в мире.

⁴⁵ Mehr s.a.

Сочетание благоприятных тенденций, казалось бы, гарантировало «Зеленым» не просто электоральный прорыв, но усиление политического авторитета на годы вперед. Однако в ситуацию вмешался внешне-

политический фактор. Российская «карта», разыгранная партией перед выборами 2017 и 2021 гг., в 2022 г. фактически обнулила не только практические достижения «Зеленых» (прежде всего касающиеся постепенного отказа от угольной и газовой энергетики), но и многие идейные принципы, заявленные в программных документах.

Так, еще до победы на выборах 2021 г. лидеры «Зеленых» Хабек и Бербок заняли резко негативную позицию по отношению к вводу в эксплуатацию газопровода «Северный поток — 2», мотивируя ее как экологическими (необходимостью скорейшего отказа от угля, нефти и газа в пользу ВИЭ), так и политическими (снижением энергетической зависимости от России) соображениями. Оба лидера неоднократно обвиняли Москву в газовом шантаже и рекордном росте цен на газ в Европе, требовали ужесточить антироссийские санкции, выступали за предоставление Киеву немецкого вооружения для восстановления территориальной целостности Украины⁴⁶.

После выборов 2021 г. между «Союзом 90 / Зеленые» и СДПГ как партнерами по правящей коалиции возник целый ряд серьезных разногласий, в частности, по вопросам энергетики и внешней политики. Если социал-демократы и новый федеральный канцлер Олаф Шольц видели в «Северном потоке — 2» сугубо коммерческий проект, полезный для немецкой экономики, то Хабек и Бербок называли этот проект политическим, усиливающим зависимость Германии от России. Бербок даже грозились превратить «Северный поток — 2» в «руину на дне Балтийского моря»⁴⁷.

Резкое несогласие со стороны «Зеленых» вызвала и формулировка «мы всерьез относимся к обоснованным интересам России и в то же время уважаем интересы наших европейских соседей»⁴⁸, которую социал-демократы предлагали включить в Коалиционный договор. В результате упоминание об интересах России исчезло из документа, где остался лишь тезис о признании РФ важным международным актором, с которым у ФРГ «глубокие и разносторонние отношения», и заявление о готовности правительства Германии к «конструктивному диалогу»⁴⁹.

В свою очередь пункт договора, квалифицировавший НАТО как «непреложную основу безопасности» и подтверждавший приверженность нового правительства курсу на усиление Альянса и его «политического измерения», не вызвал у «Зеленых» никаких возражений. Впрочем, их одобрение получили и включенные в договор положения о международном разоружении и контроле над вооружениями, о намерении правительства ФРГ играть ведущую роль в этом процессе, об усилении ООН и укреплении миропорядка, основанного на международном праве⁵⁰.

По мере нарастания внешнеполитической напряженности после предъявления Россией в декабре 2021 г. ультиматума США и НАТО о гарантиях ее безопасности росла и непримиримость лидеров «Зеленых»: уже в роли министров они полностью солидаризировались с общей установкой стран НАТО, не предполагавшей каких-либо уступок РФ.

⁴⁶ До 24 февраля 2022 г. речь шла о статусе Крыма и Донбасса.

⁴⁷ Терехов-Круглый 2022.

⁴⁸ СДПГ 2021.

⁴⁹ Mehr s.a.: 155.

⁵⁰ Ibid.: 143, 144.

После 24 февраля 2022 г. положение «Союза 90 / Зеленых» стало еще более шекотливым. Их обвинительная риторика в адрес России многократно усилилась, сотрудничество по «Северному потоку — 2» было остановлено на неопределенный срок. Более того, в отличие от СДПГ и Шольца, «Зеленые» и лично Бербок активно выступили за наращивание поставок вооружения на Украину, в том числе тяжелого, — вопреки своим собственным программным документам и содержанию Коалиционного договора. С трибуны Бундестага Бербок объяснила такую позицию исключительностью ситуации и необходимостью всесторонней поддержки Украины для защиты мира в Европе, пообещав впредь придерживаться традиционной сдержанности в вопросе поставок вооружений⁵¹.

⁵¹ *Krieg in der Ukraine s.a.*

Заявления Бербок о том, что экономические санкции призваны «разрушить Россию», вызвали жесткую критику со стороны экс-председателя СДПГ Оскара Лафонтена, который сравнил их с риторикой Третьего рейха, а саму главу МИД назвал «поджигательницей войны»⁵². Позиция «Зеленых» по вопросу участия Германии в украинском конфликте вызывает острое неприятие и у некоторых их избирателей. Так, во время выступления Хабек на предвыборном митинге в Билефельде в апреле 2022 г. протестующие скандировали: «Заткнись, поджигатель войны!», пытаясь заглушить его речь⁵³. Сходный прием ждал лидеров «Зеленых» в Вуппертале, Аренбурге, Кельне и ряде других городов. В немецких СМИ появились карикатуры, изображающие Бербок верхом на танке, соцсети наводнили призывы с требованием ее отставки. Иначе говоря, в глазах части немецкого общества и политического истеблишмента «Зеленые» за короткий срок превратились из партии реформ в партию войны⁵⁴. В пользу подобного заключения свидетельствовало, в частности, решение партийного съезда в Дюссельдорфе 30 апреля 2022 г. о поддержке поставок тяжелых вооружений на Украину. Одновременно участники съезда почти единодушно поддержали предложение правительства о выделении дополнительных 100 млрд евро на укрепление бундесвера. Сопредседатель партии Омид Нурипур при этом заверил, что «Зеленые» останутся «партией мира» и будут прилагать усилия к мирному разрешению конфликтов⁵⁵.

⁵² *Meissner 2022.*

⁵³ *Störungen beim Besuch 2022.*

⁵⁴ *Эти настроения довольно точно передает название статьи, вышедшей в апреле в газете Handelsblatt, — «Внезапное превращение „Зеленых“: фанаты танков вместо пацифистов» (Kersting und Klökner 2022).*

⁵⁵ *Grüne stimmen 2022.*

События 2022 г. стали поистине переломными для «Союза 90 / Зеленых», не только осложнив их политическое положение, но и обострив внутривнутрипартийные разногласия. Левое крыло партии выступает против нынешнего курса федерального правительства и «зеленой» фракции в Бундестаге. Так, один из представителей внутривнутрипартийного движения «Зеленые левые» Карл Вильгельм Кох назвал поставки вооружений на Украину ошибкой, полагая, что это лишь способствует затягиванию конфликта и при неблагоприятном развитии событий может привести к ядерной войне⁵⁶. По мнению политолога Губерта Кляйнерта, восприятие «Зеленых» как пацифистской партии устарело еще в 1998—1999 гг., когда они впервые вошли в правительство и поддержали войну в Косово⁵⁷.

⁵⁶ *Grüne im Zwiespalt 2022.*

⁵⁷ *Ibidem.*

⁵⁸ *Germany Plans*
2022.

Пресловутая политическая гибкость «Зеленых» привела к нежелательным последствиям не только во внешнеполитической сфере, но и в их «святая святых» — энергетической политике. В свете газового конфликта с Россией и планов введения эмбарго на российскую нефть Министерство экономики ФРГ заявило о намерении в случае нехватки топлива использовать угольные электростанции, которые предполагалось исключить из энергетической системы в 2022—2023 гг.⁵⁸, что фактически означает отказ Германии от «зеленого курса» на неопределенное время.

Все это свидетельствует о полном отходе «Союза 90 / Зеленых» от принципов, некогда составлявших основу «зеленой» идеологии в Германии и остающихся базовыми для всемирного «зеленого» движения. Доводы об «острой моральной необходимости» такого поворота на 180 градусов вряд ли убедят избирателей в правильности проводимого «Зелеными» курса, особенно на фоне нарастающих экономических и экологических проблем.

* * *

Таким образом, на протяжении десятилетий активной политической деятельности происходила постепенная трансформация немецких «Зеленых» из радикальной оппозиционной силы в одну из влиятельных партий левого центра. Эти изменения касались в первую очередь идеологической сферы: первоначальные консервативные ценности быстро уступили место либерально-демократическим, при этом из программных документов «Зеленых» постепенно исчезла былая категоричность, появились более размытые, обтекаемые формулировки, призванные угодить большому числу избирателей и возможным партнерам по коалициям.

Трансформация идеологической платформы закономерно сопровождалась чередой политических компромиссов. Отличительная черта немецких «Зеленых» эпохи реализма — сугубо прагматический подход, который выражается в чрезвычайной политической гибкости, способности выстраивать успешную стратегию в зависимости от политической конъюнктуры, создавать коалиции с другими партиями на всех уровнях власти. Именно отход от изначальных идеалов и принципов, изменение жесткой принципиальной позиции на гибкую компромиссную позволили «Зеленым» существенно усилить свое влияние в Германии и в мире, выйти в авангард немецкой политики. Сохраняющееся внутри партии крыло идеалистов-(эко)фундаменталистов уже несколько десятков лет находится в оппозиции официальному курсу партии и не определяет политику «Зеленых».

Так называемое обуржуазивание партии отчетливее всего проявляется в способе решения проблем, с которыми сталкиваются «Зеленые» во время пребывания у власти: иного пути, чем отступление от собственных принципов ради политических договоренностей, они не

ищут. В результате политические заявления и шаги «зеленых» министров часто противоречат программным тезисам партии. В свете этого «Союз 90 / Зеленые» уже не могут претендовать на статус альтернативной оппозиционной партии ни в Германии, ни на международной арене. Кроме того, поскольку немецкие партии мейнстрима частично перехватывают у «Зеленых» экологическую повестку и нередко демонстрируют более взвешенную позицию по острым проблемам внутренней и внешней политики, возникает закономерный вопрос: что же осталось в политическом багаже немецких «Зеленых», выгодно отличающее их от других партий ФРГ? Что они могут реально предложить своим избирателям в новых условиях, кроме привычной резкости суждений, обостряющих и без того непростую ситуацию внутри германского общества и во внешнеполитическом взаимодействии? Похоже, что путь во власть через встраивание в систему посредством сделок и компромиссов с различными политическими силами, как и предсказывала основательница партии Келли в конце 1980-х годов, в конечном счете ведет к утрате партией самой сути своей альтернативной «зеленой» идеологии — того, что обеспечивает ей доверие избирателей и легитимирует ее существование на политической сцене.

Библиография

Евдокимова Т.В. (2019) «Петра Карин Келли и ее „зеленая альтернатива“» // *Вестник Томского государственного университета. История*, № 57: 109—113.

Никифоров О. (2021) «Зеленые хотят „витаминировать“ немецкую экономику» // *Независимая газета*, 22.03. URL: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/world/2021-03-22/6_8108_germany.html (проверено 22.11.2021).

«Рар: За санкции против России выступили очень влиятельные немецкие депутаты». (2016) // *Национальная служба новостей*, 23.11. URL: <http://nsm.fm/in-the-world/rossii-budet-slozhno-politolog-prokomentiroval-soyuz-khdp-i-partii-zelyenykh.php> (проверено 25.11.2022).

«СДПГ и „Зеленые“ разошлись во мнениях по России при создании коалиции в ФРГ». (2021) // *РИА Новости*, 12.11. URL: <https://ria.ru/20211112/koalitsiya-1758857970.html> (проверено 20.11.2022).

Терехов-Круглый А. (2022) «Александр Рар: Глава МИД Германии Анналена Бербок „переобулась“ в вопросе российского газа» // *Ukraina.ru*, 19.01. URL: <https://ukraina.ru/20220119/1033111466.html> (проверено 11.12.2022).

Bundestag: Ergebnisse der Bundestagswahlen. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (accessed on 9.12.2022).

«Bündnis 90/Die Grünen». (2022) // *ZDF*, 29.01. URL: <https://www.zdf.de/kinder/logo/die-gruenen-parteien-in-deutschland-100.html> (accessed on 11.12.2022).

Das neue Grundsatzprogramm. URL: <https://www.gruene.de/artikel/das-neue-grundsatzprogramm> (accessed on 7.12.2022).

Deutscher Bundestag. Stenographischer Bericht. 234. Sitzung. Bonn, Mittwoch, den 31. Oktober 1990. SS. 18753—18754. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/11/11234.pdf> (accessed on 11.12.2022).

Deutschland. Alles ist drin. Programmwurf zur Bundestagswahl 2021. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/2021_Wahlprogrammwurf.pdf (accessed on 11.12.2022).

Die Grünen. *Das Bundesprogramm.* URL: https://web.archive.org/web/20120122061907/http://www.boell.de/downloads/stiftung/1980_Bundesprogramm.pdf (accessed on 20.11.2022).

Die Länder im Bundesrat. URL: <https://www.bundesrat.de/DE/bundesrat/laender/laender-node.html> (accessed on 12.12.2022).

Die Zukunft ist grün. Grundsatzprogramm von Bündnis 90/Die Grünen. URL: <https://cms.gruene.de/uploads/documents/Grundsatzprogramm-2002.pdf> (accessed on 9.12.2022).

Élections européennes 2014. URL: <https://www.europe-politique.eu/parlement-europeen-2014.htm> (accessed on 28.11.2022).

Élections européennes 2019. URL: <https://www.europe-politique.eu/parlement-europeen-2019.htm> (accessed on 20.11.2022).

Europawahl 2004: Wahl zum 6. Europäischen Parlament am 13. Juni 2004. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/europawahlen/2004.html> (accessed on 9.12.2022).

«Germany Plans to Put Idled Coal Plants on Standby in Case of Gas Supply Disruption». (2022) // *Mail Online*, 24.05. URL: <https://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-10848871/Germany-plans-idled-coal-plants-standby-case-gas-supply-disruption.html> (accessed on 28.11.2022).

Grüne Geschichte: Grüne Chronik — von 1977 bis heute. URL: <https://www.gruene.de/unsere-gruene-geschichte> (accessed on 12.12.2022).

«Grüne im Zwiespalt». (2022) // *Tagesschau*, 7.03. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/gruene-ukraine-waffenlieferungen-101.html> (accessed on 12.12.2022).

«Grüne stimmen für Waffenlieferungen». (2022) // *Tagesschau*, 30.04. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/gruene-381.html> (accessed on 25.11.2022).

Grüner Aufbruch 2017: Eigenständig und auf Grundlage unserer Werte. Bündnis 90/Die Grünen. Ordentliche Bundesdelegiertenkonferenz Hamburg, 21—23 November 2014. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/Gruener_Aufbruch_2017.pdf (accessed on 20.11.2022).

Kelly P.K. (1983) *Um Hoffnung Kämpfen: gewaltfrei in eine Grüne Zukunft.* Bornheim-Merten: Lamuv.

Kelly P.K. (1990) *Mit dem Herzen denken: Texte für eine glaubwürdige Politik.* München: Beck.

Kelly P.K. (1994) *Thinking Green! Essays on Environmentalism, Feminism, and Nonviolence.* Berkeley: Parallax Press.

Kersting S. und J.Klökner. (2022) «Die Wandlung der Grünen: Plötzlich Panzerfans statt Pazifisten» // *Handelsblatt*, 30.04. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/sicherheitspolitik-die-wandlung-der-gru>

enen-plotzlich-panzerfans-statt-pazifisten/28289956.html (accessed on 25.11.2022).

Kersting S., D.Neuerer und K.Stratmann. (2021) «Vitaminspritze oder Giftspritze? Wie die Wirtschaft das Wahlprogramm der Grünen bewertet» // *Handelsblatt*, 19.03. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/bundestagswahl-vitaminspritze-oder-giftspritze-wie-die-wirtschaft-das-wahlprogramm-der-gruenen-bewertet/27023150.html> (accessed on 2.12.2021).

Krause-Burger S. (1999) *Joschka Fischer: Der Marsch durch die Illusionen*. Stuttgart: DVA.

Krieg in der Ukraine: Baerbock — «Dürfen die Ukraine nicht wehrlos dem Aggressor überlassen». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rFSVxhhx0kg> (accessed on 25.05.2022).

Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP. URL: <https://cms.gruene.de/uploads/documents/Koalitionsvertrag-SPD-GRUENE-FDP-2021-2025.pdf> (accessed on 21.11.2022).

Meissner K. (2022) «Oskar Lafontaine: Baerbock ist eine Kriegstreiberin» // *Compact*, 21.05. URL: <https://www.compact-online.de/oskar-lafontaine-baerbock-ist-eine-kriegstreiberin/?cookie-state-change=1653854479380> (accessed on 12.12.2022).

Offener Brief an Bundeskanzler Helmut Schmidt. Archiv Grünes Gedächtnis. Petra Kelly Archiv. Akte 540. URL: https://web.archive.org/web/20070613072705/http://www.politeia.uni-bonn.de/archiv/kelly/kelly_a7.html (accessed on 12.12.2022).

Politische Grundsätze. Bündnis 90/Die Grünen. URL: https://web.archive.org/web/20120122050508/http://www.boell.de/downloads/stiftung/1993_Grundsatzprogramm.pdf (accessed on 12.12.2022).

«Störungen beim Besuch von Robert Habeck (Grüne) in Bielefeld». (2022) // *Westfalen-Blatt*, 25.04. URL: https://www.youtube.com/watch?v=cx_IsrNuUVo (accessed on 11.12.2022).

Wofür wir Verantwortung übernehmen wollen. Zehn-Punkte-Plan für Grünes Regieren. (2017) URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/BDK2017_Wahlprogramm_Bundestagswahl_2017_Schlusskapitel.pdf (accessed on 20.11.2022).

Zähringer M. (2012) «Petra Kelly. Lebensspuren einer Polit-Ikone» // *Südwestfunk. SWR2 Wissen — Manuskriptdienst*, 11.10. URL: <https://www.swr.de/-/id=10265294/property=download/nid=660374/1gcbqrqf/swr2-wissen-20121011.pdf> (accessed on 20.11.2022).

Zukunft GRÜN gestalten. A-01 Beschluss. Außerordentliche Bundesdelegiertenkonferenz. 26—27 Januar 2018, Hannover. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/A-01_Beschluss_Zukunft_GRUEN_gestalten.pdf (accessed on 25.11.2022).

Zukunft wird aus Mut gemacht. Bundestagswahlprogramm 2017. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/BUENDNIS_90_DIE_GRUENEN_Bundestagswahlprogramm_2017.pdf (accessed on 5.12.2022).

T. I. Rovinskaya

“THE GREENS” IN GERMANY: POLITICAL DILEMMAS AND COMPROMISES

Tatiana L. Rovinskaya — Ph.D. in Political Science; Senior Researcher at the Theory of Politics Section, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN). E-mail: mirtania@gmail.com.

Abstract. The article analyzes the political path of the environmental party the Union 90/The Greens from the moment of the birth of the green movement in Germany to the present day. The author focuses on the transformation of the ideological platform of The Greens. Having thoroughly analyzed the stages of the party’s development and its policy documents, the author records the transition of the German Greens from conservative to liberal values, and then from the idealism and nonconformism of the 1970s—1980s to the realism and pragmatism of the 1990s—2000s, from an out-of-system radical position to the in-system centre-left position. The author also discusses the cost of their political success. Does the party manage to hew to the principles it stated? How does it deal with the political dilemmas it inevitably faces when it has to function in a real political environment in coalition with other parties? How far are The Greens willing to go in making political and ideological compromises? And does all this, in fact, correspond to the green ideology?

Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the dominance of the realist wing in the party, who rely on assuming power at any cost and sideline the idealists-(eco)fundamentalists who stood at the origins of the movement, leads to the erosion of the very essence of the alternative green ideology and, ultimately, to the loss of the party’s originality and attractiveness for voters. According to the author, the 2022 international crisis is a turning point in the history of the Union 90/The Greens, which will have a decisive impact on the political fate of the party in the near future.

Keywords: Union 90/The Greens, Germany, idealism, pragmatism, green ideology, Petra Kelly, Josef Fischer, Annalena Baerbock, Robert Habeck

References

Bundestag: Ergebnisse der Bundestagswahlen. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (accessed on 9.12.2022).

“Bündnis 90/Die Grünen”. (2022) // *ZDF*, 29.01. URL: <https://www.zdf.de/kinder/logo/die-gruenen-parteien-in-deutschland-100.html> (accessed on 11.12.2022).

Das neue Grundsatzprogramm. URL: <https://www.gruene.de/artikel/das-neue-grundsatzprogramm> (accessed on 7.12.2022).

Deutscher Bundestag. Stenographischer Bericht. 234. Sitzung. Bonn, Mittwoch, den 31. Oktober 1990. SS. 18753—18754. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/11/11234.pdf> (accessed on 11.12.2022).

Deutschland. Alles ist drin. Programmentwurf zur Bundestagswahl 2021. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/2021_Wahlprogramm-entwurf.pdf (accessed on 11.12.2022).

Die Grünen. *Das Bundesprogramm*. URL: https://web.archive.org/web/20120122061907/http://www.boell.de/downloads/stiftung/1980_Bundesprogramm.pdf (accessed on 20.11.2022).

Die Länder im Bundesrat. URL: <https://www.bundesrat.de/DE/bundesrat/laender/laender-node.html> (accessed on 12.12.2022).

Die Zukunft ist grün. Grundsatzprogramm von Bündnis 90/Die Grünen. URL: <https://cms.gruene.de/uploads/documents/Grundsatzprogramm-2002.pdf> (accessed on 9.12.2022).

Élections européennes 2014. URL: <https://www.europe-politique.eu/parlement-europeen-2014.htm> (accessed on 28.11.2022).

Élections européennes 2019. URL: <https://www.europe-politique.eu/parlement-europeen-2019.htm> (accessed on 20.11.2022).

Europawahl 2004: Wahl zum 6. Europäischen Parlament am 13. Juni 2004. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/europawahlen/2004.html> (accessed on 9.12.2022).

Evdokimova T.V. (2019) “Petra Karin Kelli i ee „zelenaja al'ternativa“” [Petra Karin Kelly and Her “Green Alternative”] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Tomsk State University Journal of History], no. 57: 109—113. (In Russ.)

“Germany Plans to Put Idled Coal Plants on Standby in Case of Gas Supply Disruption”. (2022) // *Mail Online*, 24.05. URL: <https://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-10848871/Germany-plans-idled-coal-plants-standby-case-gas-supply-disruption.html> (accessed on 28.11.2022).

Grüne Geschichte: Grüne Chronik — von 1977 bis heute. URL: <https://www.gruene.de/unsere-gruene-geschichte> (accessed on 12.12.2022).

“Grüne im Zwiespalt”. (2022) // *Tagesschau*, 7.03. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/gruene-ukraine-waffenlieferungen-101.html> (accessed on 12.12.2022).

“Grüne stimmen für Waffenlieferungen”. (2022) // *Tagesschau*, 30.04. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/gruene-381.html> (accessed on 25.11.2022).

Grüner Aufbruch 2017: Eigenständig und auf Grundlage unserer Werte. Bündnis 90/Die Grünen. Ordentliche Bundesdelegiertenkonferenz Hamburg, 21—23 November 2014. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/Gruener_Aufbruch_2017.pdf (accessed on 20.11.2022).

Kelly P.K. (1983) *Um Hoffnung Kämpfen: gewaltfrei in eine Grüne Zukunft*. Bornheim-Merten: Lamuv.

Kelly P.K. (1990) *Mit dem Herzen denken: Texte für eine glaubwürdige Politik*. München: Beck.

Kelly P.K. (1994) *Thinking Green! Essays on Environmentalism, Feminism, and Nonviolence*. Berkeley: Parallax Press.

Kersting S. und J.Klökner. (2022) “Die Wandlung der Grünen: Plötzlich Panzerfans statt Pazifisten” // *Handelsblatt*, 30.04. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/sicherheitspolitik-die-wandlung-der-gruenen-plotzlich-panzerfans-statt-pazifisten/28289956.html> (accessed on 25.11.2022).

Kersting S., D.Neuerer und K.Stratmann. (2021) “Vitaminspritze oder Giftspritze? Wie die Wirtschaft das Wahlprogramm der Grünen bewertet” // *Handelsblatt*, 19.03. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/bundestagswahl-vitaminspritze-oder-giftspritze-wie-die-wirtschaft-das-wahlprogramm-der-gruenen-bewertet/27023150.html> (accessed on 2.12.2021).

Krause-Burger S. (1999) *Joschka Fischer: Der Marsch durch die Illusionen*. Stuttgart: DVA.

Krieg in der Ukraine: Baerbock — “Dürfen die Ukraine nicht wehrlos dem Aggressor überlassen”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rFS-Vxhx0kg> (accessed on 25.05.2022).

Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP. URL: <https://cms.gruene.de/uploads/documents/Koalitionsvertrag-SPD-GRUENE-FDP-2021-2025.pdf> (accessed on 21.11.2022).

Meissner K. (2022) “Oskar Lafontaine: Baerbock ist eine Kriegstreiberin” // *Compact*, 21.05. URL: <https://www.compact-online.de/oskar-lafontaine-baerbock-ist-eine-kriegstreiberin/?cookie-state-change=1653854479380> (accessed on 12.12.2022).

Nikiforov O. (2021) “Zelenye khotjat „vitaminizirovat“ nemetskuju ekonomiku” [Greens Want to “Vitaminize” German Economy] // *Nezavisimaya Gazeta*, 22.03. URL: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/world/2021-03-22/6_8108_germany.html (accessed on 22.11.2021). (In Russ.)

Offener Brief an Bundeskanzler Helmut Schmidt. Archiv Grünes Gedächtnis. Petra Kelly Archiv. Akte 540. URL: https://web.archive.org/web/20070613072705/http://www.politeia.uni-bonn.de/archiv/kelly/kelly_a7.html (accessed on 12.12.2022).

Politische Grundsätze. Bündnis 90/Die Grünen. URL: https://web.archive.org/web/20120122050508/http://www.boell.de/downloads/stiftung/1993_Grundsatzprogramm.pdf (accessed on 12.12.2022).

“Rar: Za sanktsii protiv Rossii vystupili ochen' vlijatel'nye nemetskie deputaty” [Rahr: Very Influential German Deputies Have Declared for Sanctions against Russia]. (2016) // *Natsional'naja sluzhba novostej* [National News Service], 23.11. URL: <http://nsn.fm/in-the-world/rossii-budet-slozhno-politolog-prokomentiroval-soyuz-khdp-i-partii-zelyenykh.php> (accessed on 25.11.2022). (In Russ.)

“SDPG i „Zelenye“ razoshlis’ vo mnenijakh po Rossii pri sozdanii koalitsii v FRG” [SDPG and Greens Have Split over Russia while Building a Coalition in BRD]. (2021) // *RIA Novosti*, 12.11. URL: <https://ria.ru/20211112/koalitsiya-1758857970.html> (accessed on 20.11.2022). (In Russ.)

“Störungen beim Besuch von Robert Habeck (Grüne) in Bielefeld”. (2022) // *Westfalen-Blatt*, 25.04. URL: https://www.youtube.com/watch?v=cx_IsrNuUVo (accessed on 11.12.2022).

Terekhov-Kruglyi A. (2022) “Aleksandr Rar: Glava MID Germanii Annalena Berбок „pereobulas“ v voprose rossijskogo gaza” [Alexander Rahr: German Foreign Minister Annalena Berбок “Changed Her Shoes” on the Issue of Russian Gas] // *Ukraina.ru*, 19.01. URL: <https://ukraina.ru/20220119/1033111466.html> (accessed on 11.12.2022). (In Russ.)

Wofür wir Verantwortung übernehmen wollen. Zehn-Punkte-Plan für Grünes Regieren. (2017) URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/BDK2017_Wahlprogramm_Bundestagswahl_2017_Schlusskapitel.pdf (accessed on 20.11.2022).

Zähringer M. (2012) “Petra Kelly. Lebensspuren einer Polit-Ikone” // *Südwestfunk. SWR2 Wissen — Manuskriptdienst*, 11.10. URL: <https://www.swr.de/-/id=10265294/property=download/nid=660374/1gcbrqf/swr2-wissen-20121011.pdf> (accessed on 20.11.2022).

Zukunft GRÜN gestalten. A-01 Beschluss. Außerordentliche Bundesdelegiertenkonferenz. 26–27 Januar 2018, Hannover. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/A-01_Beschluss_Zukunft_GRUEN_gestalten.pdf (accessed on 25.11.2022).

Zukunft wird aus Mut gemacht. Bundestagswahlprogramm 2017. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/BUENDNIS_90_DIE_GRUENEN_Bundestagswahlprogramm_2017.pdf (accessed on 5.12.2022).

ИТОГИ XVII КОНКУРСА РАБОТ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ НА ПРЕМИЮ А.М.САЛМИНА

В феврале 2023 г. были подведены итоги XVII конкурса работ молодых политологов на премию А.М.Салмина. В конкурсе участвовало свыше 30 соискателей из различных университетов и научных центров страны. Жюри конкурса в составе:

- С.И.Каспэ** (председатель Жюри, главный редактор журнала «Полития»);
С.М.Хенкин (председатель Редакционного совета журнала «Полития»);
Л.А.Галкина (зам. главного редактора журнала «Полития»);
А.И.Музыкантский (зам. председателя Редакционного совета журнала «Полития»)

постановило присудить:

первую премию аспиранту и ассистенту кафедры анализа социальных институтов, стажеру-исследователю Научно-учебной лаборатории политико-психологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» М.М.Родионовой и стажеру-исследователю Научно-учебной лаборатории политико-психологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Н.М.Смирнову за статью «Корабль Тесея: трансформации понятия насилия в политической и социальной теории»;

вторую премию аспиранту Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, стажеру-исследователю Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» С.А.Кучеренко за статью «Понятие власти/могущества и его трансформация в политическом реализме»;

третью премию аспиранту Аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» К.А.Толокневу за статью «Невидимый политрук: как алгоритмы персонализации формируют общественное мнение».

XVIII КОНКУРС РАБОТ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ НА ПРЕМИЮ А.М.САЛМИНА

Проводится ежегодно

Условия конкурса

1. К участию в конкурсе приглашаются студенты и аспиранты факультетов политологии, научные сотрудники исследовательских институтов и аналитических центров, не достигшие ко времени подачи работы 30 лет.
2. К участию в конкурсе принимаются работы объемом не более 40 тыс. знаков.
3. Приоритетными (для конкурса) направлениями политической науки являются: сравнительный анализ политических культур, политических институтов, межэтнических и церковно-государственных отношений.
4. Работы принимаются до 31 декабря 2023 г., оглашение результатов происходит во второй половине февраля.
5. Принятые к публикации в журнале «Полития» статьи авторов, отвечающих требованиям, изложенным в пункте 1, рассматриваются Жюри автоматически.
6. По итогам конкурса присуждаются первая (30 тыс. рублей), вторая (15 тыс. рублей) и третья (10 тыс. рублей) премии.

Работы с пометкой «на конкурс» присылать на электронный адрес: politeia@politeia.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПОЛИТИЯ»

1. Предлагаемые для публикации статьи направляются на электронный адрес Редакции (politeia@politeia.ru) в формате *.doc или *.docx.

2. Все статьи публикуются на бесплатной основе независимо от научного статуса авторов (в том числе аспирантские).

3. К статье должна прилагаться следующая информация об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью (на русском и английском языках), ученая степень и ученое звание, место работы, должность, контактный телефон, адрес электронной почты. Статьи, поступившие от посреднических контор, к рассмотрению не принимаются.

4. К статье следует приложить аннотацию на русском и английском языках. Аннотация должна представлять собой краткий аналитический текст (1500—2000 знаков с пробелами), раскрывающий основное содержание статьи. В конце аннотации следует указать 5—7 ключевых слов статьи на русском и английском языках.

5. Рекомендуемый объем статьи — 30—40 тыс. знаков с пробелами. Тексты, выходящие за пределы данного объема, рассматриваются Редакцией только в порядке исключения.

6. Статья должна иметь библиографический список на русском и английском языках. В списке указываются все авторы и источники, цитируемые в тексте. На каждую работу из списка обязательна ссылка в тексте. Библиографические и текстовые ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены.

7. В связи с особенностями макета «Политии» просим авторов воздерживаться от обширных подстрочных примечаний.

8. Текст статьи должен быть приведен автором в максимальное соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими и прочими языковыми нормами *до* отправки его в Редакцию. Сокращения слов не допускаются.

9. Таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь название и располагаться по месту их будущего размещения в макете. Числовые данные в таблицах должны быть выверены автором. В тексте должна быть ссылка на каждую таблицу и рисунок (их порядковый номер). Рисунки должны быть выполнены в черно-белом формате. Таблицы и рисунки должны интегрироваться в файл формата *.doc (*.docx) с сохранением возможности их редактирования.

10. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. По заранее оговоренному желанию автора редакционная правка подлежит согласованию с автором.

11. Все статьи, поступившие в Редакцию и отвечающие профилю, концепции и тематике журнала, проходят рецензирование. Принятие первичного решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала. Статьи, не прошедшие экспертизу коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала, к рецензированию не принимаются.

12. Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей, учитывая мнения рецензентов. Рецензирование носит обоюдно анонимный характер: имена авторов не сообщаются рецензентам, имена рецензентов не сообщаются авторам.

Регламент рецензирования подробно описан в «Порядке рассмотрения и рецензирования статей, поступивших в редакцию журнала „Полития“» на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/porjadok-rassmotrenija-i-recenzirovanija/>).

13. Статьи, ранее опубликованные (в том числе в интернете) или сданные в другие издания, в журнале не публикуются. Исключения возможны только для препринтов. Автор обязан проинформировать Редакцию о факте существования препринта предлагаемой к публикации в «Политии» статьи.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПРАВОЧНОГО АППАРАТА

Оформление ссылок

Библиографические ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией и включают фамилии авторов, год издания и (в случае цитат или отсылок к конкретным частям работы) страницы:

Геллнер 1991.

См. Геллнер 1991.

Геллнер 1991: 100—101 — после двоеточия указаны страницы.

Инглхарт и Вельцель 2011.

Spector and Kitsuse 1977.

Слинько, Сальников и Дмитриева 2009.

North, Wallis, and Weingast 2009.

Коротаев и др. 2007— при наличии более чем трех авторов.

Baumgartner et al. 2009 — при наличии более чем трех авторов.

Петров 2003; Сидоров 2005.

Селезнева 2011a: 100; Freedman 2017b — буквы a, b, c... обозначают разные работы данного автора, выпущенные в один и тот же год.

Если авторство в библиографическом описании не указано, в ссылке приводятся фамилии редакторов, а при отсутствии таковых — первое слово (первые слова) названия работы:

Шестопал (ред.) 2012.

Bernhard and Kubik (eds.) 2014.

Понятие 2007.

Радикальная ксенофобия 2004.

Ссылки на классические труды античных авторов, а также на священные тексты включают только их общепринятую пагинацию и рубрикацию (в случае необходимости указывается также переводчик):

Платон, Тимей: 50b—53c (пер. С.С.Аверинцева).

Plato, Timaeus: 50b—53c (transl. by B.Jowett).

Мф. 23:38.

В случае ссылки на периодическое издание в целом в подстрочном примечании указывается его название, год выпуска, том (при наличии) и номер (или день и месяц публикации):

Политическая наука 2000, № 2.

Political Studies 2000, vol. 3, no. 2.
Сегодня 01.08.2001.

При ссылке на интернет-ресурс целиком в подстрочном примечании приводится его URL:
<http://data.uis.unesco.org/>.

Оформление библиографических списков

Базовый библиографический список (Библиография) и References составляются по алфавитному принципу без нумерации. В базовом библиографическом списке сначала в алфавитном порядке приводятся источники на русском языке, затем — на иностранных. Классические труды античных авторов и священные тексты в библиографические списки не включаются.

В базовом библиографическом списке при оформлении книг должны быть указаны фамилии и инициалы авторов (редакторов), год издания (в скобках), название книги, место издания, название издательства. При оформлении статей, опубликованных в периодических изданиях, указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, название статьи (в кавычках), название журнала или газеты, том (при наличии), номер и страницы, на которых размещена статья. Для материалов периодических изданий, имеющих как печатную, так и интернет-версию со свободным доступом, помимо информации об издании следует указывать полный URL (конкретной страницы, а не только веб-сайта, на котором она размещена). Для интернет-публикаций, не имеющих печатной версии, приводится только URL конкретной страницы. Не рекомендуется ссылаться на интернет-версии неперiodических печатных изданий, в которых не сохранена оригинальная пагинация. При описании разделов в монографиях и статей в сборниках указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, названия раздела/статьи (в кавычках) и монографии или сборника (с указанием фамилий и инициалов авторов или редакторов), место издания, издательство и страницы, на которых размещены раздел/статья. Название базового источника (книги или того издания, где помещена цитируемая работа) выделяется курсивом. При цитировании нескольких работ какого-либо автора, выпущенных в один и тот же год, после указания года издания добавляются буквы a, b, c...

В References вся информация о русскоязычных работах должна быть транслитерирована, а названия самих работ и переведены на английский язык. Транслитерация производится на основе стандарта Library of Congress (LC). Переводу подлежат также названия периодических изданий, сборников и монографий, в которых размещена цитируемая работа. В случае переводных книг и статей следует указывать их оригинальное название. В оригинальном написании должны приводиться и фамилии иностранных авторов. Описания работ на иностранных языках воспроизводятся в References без изменений.

Примеры оформления работ в базовом библиографическом списке и References приведены на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/pravila-otformlenija/>).

Table of Contents

	Issue Materials	5
Political Theories	N.A.Shaveko Agonistic Pluralism and Competitive Model of Democracy: Problems of Normative Justification	6
	V.S.Levytskyy The Ontological Nature of Politics	25
	Ye.I.Uchaev, M.V.Kharkevich Unthinkable Doomsday: Postapocalyptic Nature of Modern Political Realism	40
Paradigms of Social Development	V.V.Ustyuzhanin, V.A.Mikheeva, I.A.Sumernikov, A.V.Korotayev Economic Origins of Revolutions: the Link between GDP and the Risk of Revolutionary Events	64
Russian Polity	Yu.G.Korgunyuk The Soviet Past Theme in the Electoral Campaigns in Post-Soviet Russia	88
	N.S.Zubarev National Pride as Mediator of Trust in President (Case of Russia)	126
Religion and Politics	Yu.V.Karpich Orthodoxy and Conservatism: Political Attitudes of Religious Russians	141
Foreign Politics	A.I.Zhdanov, K.V.Kosolapov Polarization of American Elites (Evidence from the Analysis of the Candidates' Policy Statements during the 2020 Presidential Election)	161
Political Parties	T.L.Rovinskaya "The Greens" in Germany: Political Dilemmas and Compromises	182
Appendix	Results of the 17 th A.M.Salmin's Best Paper Award Contest among Young Political Scientists	204
	The 18 th A.M.Salmin's Best Paper Award Contest among Young Political Scientists	205
	Guidelines for Submitting Manuscripts for Publishing in Journal <i>Politeia</i>	206

**Открыта подписка на журнал «ПОЛИТИЯ.
Журнал политической философии и социологии политики» на 2023 год.
Вы можете найти нас в каталоге агентства «Урал-пресс».
Наш индекс: 80454.**

Как подписаться на «ПОЛИТИЮ»:

1. На титульной странице сайта www.ural-press.ru выберите город, в котором живете.
2. По указанным контактам (телефону или электронной почте) свяжитесь с региональным подразделением «Урал-Пресс» и уточните условия.
3. Отправьте заявку на подписку по электронной почте по тем же контактам.
4. Все документы и выписанные издания курьер доставит Вам по указанному адресу.
5. Если Вашего города нет в списке на сайте www.ural-press.ru, оформить подписку можно через агентство «Деловая пресса» (www.delipress.ru).

ПОЛИТИЯ Журнал политической философии и социологии политики

ПИ № ФС 77-48673 от 21 февраля 2012 г.

Издается АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 101000, Москва, Лучников пер., 2.

Дизайн – *Ю.А. Трушин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка – *И.В. Филимонов*

Подписано в печать 27.02.2023. Формат 70×100 1/16.

Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ООО «Информ-Право»

125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, кор. 1.